

63.5(24)

554

РУСЛАН БЕТРОВ

Аягы

65.3(24)
654

РУСЛАН БЕТРОВ

Агыги

ИСТОКИ ЭТНОСА

5838

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1990

902.7
63.5
Б — 54

Научный редактор
доктор исторических наук
С. Х. Мафедзев

Редактор А. К. Сонэ

Издано за счет средств автора

Бетров Р. Ж.

Б — 54 Адыги: Истоки этноса.— Нальчик: Эльбрус,
1990.— 136 с.

ISBN 5-7680-0304-5

Книга посвящена истории формирования адыгского этноса (адыгейцев, кабардинцев и черкесов). Автор в популярной форме излагает принципы исторической интерпретации источников, и на основе их сопоставления рисует картины далекого прошлого адыгов, их происхождения, приводит многочисленные точки зрения, существующие по этим проблемам. По некоторым из них автор высказывает свое мнение.

Для всех интересующихся историей адыгов и других автохтонов Северного Кавказа.

Б 0503020900-035
М125(03)-90 Без объявления

902.7
63.5

ISBN 5-7680-0304-5

© Р. Ж. Бетров, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга — это приглашение к размышлению об очень далеких от нас временах, притом не абстрактных, а конкретных, когда происходили не менее бурные события, чем сейчас, когда сталкивались между собой племена, когда создавались и рушились могущественные государства. В этом, возможно, особая притягательная сила данного исследования. Здесь нет никакой необходимости пересказывать содержание книги. В ней, в двух словах, речь идет о происхождении адыгов, об их древнейших исторических корнях. И не только адыгов, потому что такой сложный вопрос, как этногенез, невозможно решить в отрыве от истории родственных адыгам народов и всех тех, с кем они соседствовали или сталкивались на протяжении многих веков.

Хронологические рамки данной работы — примерно III тыс. до н. э. — I тыс. н. э., хотя в некоторых случаях ее автор — Р. Ж. Бетров, кандидат исторических наук, доцент Кабардино-Балкарского госуниверситета, археолог, — зачастую обращается и к более раннему и к более позднему периоду становления человеческой цивилизации. И это естественно, потому что исторические эпохи связаны между собой многочисленными нитями, начиная от биологических и генеалогических явлений в природе людей, кончая социальными, общественно-политическими, культурными, духовными, религиозными и другими аспектами этнических образований.

Написание подобной монографии стало возможным благодаря накоплению материалов и исследований в самых различных областях науки — археологии, антропологии, лингвистики, этнографии и др., так как вопросы этногенеза являются комплексной проблемой, требующей самых разносторонних и глубоких знаний. В этом отношении автор заслуживает самых добрых слов. Источниковедческая база данной монографии богата, и пытливый читатель может ею воспользоваться, если у него появится желание углубить свои познания по затрагиваемым проблемам.

Думается, что это так и будет, потому что одним из самых естественных желаний человека является стремление узнать как можно больше о прошлом своего народа, его истоках, исторических корнях и путях. Живой интерес к этому проявляют не только исследователи, но и широкий круг любознательных рабочих, колхозников, студентов, представителей интеллигенции и др.

Небольшая по объему, но очень содержательная монография Р. Ж. Бетророва является плодом его многолетних научных изысканий. До этого им опубликованы работы по древнейшей истории и археологии народов Северного Кавказа, получившие широкое признание в научном мире и у многочисленных любителей древней истории. Собственно говоря, они, можно думать, и послужили как бы трамплином для данного исследования.

Сложность избранной Р. Ж. Бетровым темы объясняется не только глубиной древностью событий, обширностью географии рассматриваемых проблем, ограниченностью археологических, антропологических, этнографических, лингвистических, фольклорных и других материалов, но и противоречивостью многих письменных источников, разнообразием суждений и гипотез, высказанных учеными, которые занимались вопросами происхождения народов Северного Кавказа, в том числе и адыгов.

Процессы образования народов — это очень долгий и многообразный путь инфильтраций, консолидаций, смешений, сложений, разложений и т. д. История человечества полна самых различных событий и фактов, в результате которых возникали или же исчезали как отдельные народности, так и целые могущественные племенные образования, оставляя богатейшие археологические культуры типа майкопской, кобанской и др.

Проблемы самого раннего этногенеза адыгов (его началом автор считает конец III тыс. до н. э.) Р. Ж. Бетров рассматривает в тесной связи с этногенезом абхазов. И это вполне справедливо и оправдано, потому что многочисленные абхазо-адыгские этнографические, культурно-бытовые, языковые, религиозные параллели не могли быть результатом простого взаимовлияния. Они свидетельствуют об общих корнях этих двух народов в далеком прошлом. Гораздо сложнее вопрос о связях адыго-абхазов с кашками, абешлами, хаттами, хеттами и другими, обитавшими в рассматриваемый период в Передней Азии. Однако думается, что автор приводит вполне достоверный и убедительный материал для того, чтобы принять его версию. Это касается и археологического инвентаря из знаменитого Майкопского кургана, и данных этнографии, и сведений письменных источников, и других — религиозных верований, топонимических названий, гидронимов и т. д.

Разделение абхазо-адыгов, а затем самостоятельное формирование адыгов, впрочем, как и всех других этнических общностей, происходило в сложнейших исторических условиях. Непосредственными предками

адыгов были синды, меоты, фатеи, керкеты, досхи, псессы, зихи и др., занимавшие еще в I тыс. до н. э. восточное побережье Черного и Азовского морей, а также Прикубанье. Естественно и то, что на становление адыгов большое влияние оказывали разнородные и разноречивые другие народы, с которыми им приходилось сталкиваться или соседствовать. Кавказ был как бы коридором между Европой и Передней Азией. В исторически обозримый период по нему проходили киммерийцы, скифы, сарматы, аланы, гунны и др., а позднее и татаро-монголы. Все это не могло не задеть местное, автохтонное население.

Кстати сказать, Р. Ж. Бетров в данной монографии решает двусложную задачу: происхождение, этногенез адыгов и их автохтонность (букв.: коренные жители, зародившиеся на данной территории) на Северо-Западном Кавказе. Обе эти задачи очень важны, потому что достаточно долго в науке существовало мнение о миграционном происхождении адыгов. Естественно, конечно, и то, что в формировании адыгов как единой этнической общности со своей культурой, языком, психологией, характером и т. д. определенную роль играли те сложнейшие миграционные процессы, которые происходили на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен. При общем адыгском субстрате в этнообразовании принимали участие и представители пришлых народов. Именно с этой точки зрения в монографии рассматриваются связи адыгов с древними греками, аланами, византийцами, славянами и т. д.

Наряду с общеадыгской проблемой этногенеза в монографии рассматривается и частный вопрос, связанный с переселением кабардинцев на их современную территорию, вопрос, который в не меньшей мере дискутируется в научных кругах. Особенно спорным является время их обоснования на данной местности. Думаю, что доводы и аргументы исследователя, основанные главным образом на «беспристрастных» археологических материалах и письменных источниках, довольно убедительны, чтобы поверить автору в решении и этой проблемы. Следует сказать и о том, что работа Р. Ж. Бетророва достаточно сложна для простого восприятия. Она насыщена научной терминологией, требующей определенной подготовки. И тем не менее есть уверенность, что данная монография привлечет внимание не только специалистов, но и широкого круга общественности, так как проблемы, решаемые в ней, касаются всех, кто интересуется историей и культурой адыгов, их прошлым и настоящим.

С. Мафедзев,
доктор исторических наук

ВВЕДЕНИЕ

Многообразие языков, а следовательно, народов Северного Кавказа, вопросы их этногенеза давно привлекают внимание исследователей. Важное место в этом занимает и становление адыгского¹ этноса. Решить эту нелегкую задачу брались историки и археологи, лингвисты и фольклористы как отечественные, так и зарубежные. Сложность и интерес проблемы (при общем недостатке источников) порождали самые неожиданные домыслы и теории. В старой, дореволюционной и западной историографии была популярна миграционная версия происхождения адыгов. Считалось, что их предки — остатки миграционных движений, совершавшихся через Кавказ в прошлом (Кавказ в целом рассматривался как своего рода убежище народов). Этим самым конкретно-исторический вопрос о формировании адыгов подменялся поисками их прародины, места первоначального расселения предполагаемых предков адыгов.

Какие только взгляды не существовали по этому вопросу! Адыгам приписывалось сарматское, тюркское и даже славянское происхождение. Их предками считали выходцев из Аравии, Египта, Сирии. Некоторые представители дореволюционной школы полагали, что адыги берут свое начало от абиссинцев, арабов, индусов. Были и такие исследователи, в том числе и советские, которые доказывали происхождение адыгов от киммерийцев, сармато-алан, гуннов. Так, группа ученых (В. Д. Блаватский, М. И. Артамонов, Л. И. Лавров) придерживалась киммерийской гипотезы. Л. И. Лавров, например, доказывая автохтонность, т. е. местное, кавказское происхождение адыгов и абхазов, тем не менее писал, что «предки» указанных народов представляли собой восточную группу киммерийских племен². Однако историки вполне справедливо отмечают, что ни письменные источники, ни археологические материалы не подтверждают киммерийской версии адыгского этногенеза³. Киммерийцы, как и скифы, сарматы, степняки иранского

происхождения. Основная их территория — восточноевропейские степи. Известный археолог Н. В. Анфимов указывает, что в VIII—VII вв. до н. э. на Северо-Западном Кавказе складывалась древнемеотская самобытная культура аборигенного (адыгского) населения, принадлежащего к кавказской языковой группе, отличного от киммерийцев⁴.

Вышеупомянутые версии отрывают историю происхождения адыгов от общекавказской истории, от процессов формирования народов кавказской языковой семьи, что в корне неправильно.

Многие советские ученые выступают против миграционной теории. Тезис об автохтонности носителей кавказских языков получил развитие в трудах таких историков, как Г. А. Меликишвили, Е. И. Крупнов, В. П. Алексеев, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа и др. Эту точку зрения отстаивают и лингвисты. Например, Г. А. Климов пишет, что «миграционная концепция происхождения народов и языков Кавказа должна быть признана необоснованной. Ее главная и довольно очевидная ошибка заключается в том, что некоторые исторически засвидетельствованные факты передвижения на Кавказ ряда этнических групп (например, некоторых ираноязычных и тюркоязычных этносов) эта концепция возводила без сколько-нибудь реальных оснований в принцип и распространяла их на все народы, представленные ныне в пределах Кавказа»⁵. Крупный советский ученый-антрополог В. П. Алексеев приходит к выводу, что народы абхазо-адыгской группы — адыгейцы, абазины, абхазы, кабардинцы, а также представители картвельской языковой семьи представляют собой потомков древнего населения и имеют местное происхождение⁶.

Исходя из принципов советской этногенетической науки, необходимо в первую очередь искать этнические корни данного народа на той территории, которую он занимает (не упуская при этом возможность наличия миграционных процессов)⁷. Абхазский ученый Ш. Д. Инал-Ипа в одной из своих работ заключает, что советская наука выступает не вообще против миграции, а против гипертрофированного миграционизма, против вульгарно-плоской миграционной теории, которая подменяет сложную проблему формирования народа вопросом о его простом, механическом пространственном перемещении⁸.

В последние десятилетия проделана огромная работа по накоплению и изучению исторических материалов, связанных с автохтонами Северного Кавказа. Большое развитие получили археология, антропология, этнография. Проблема

происхождения коренных народов Северного Кавказа стала решаться комплексно, с привлечением данных различных отраслей науки. Накопленные знания (особенно установленный факт принадлежности адыгов к кавказцам) заставили многих исследователей отказаться от чисто миграционной теории и отодвинуть процесс становления адыгских племен в глубь тысячелетий, к тому времени, когда не были даже известны имена вышеназванных племен и народов. Соответственно была выдвинута теория местного, автохтонного происхождения адыгов, которая предусматривает проживание их предков на Северо-Западном Кавказе уже в очень глубокой древности, по крайней мере с эпохи бронзы — III—II тыс. до н. э. Эту теорию отстаивают советские археологи А. П. Смирнов, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, Ю. С. Крушкол, Е. П. Алексеева, В. И. Марковин, Н. В. Анфимов и др. Последний на археологическом материале показывает, что раннесредневековая адыгская культура IV—VI вв. является дальнейшим развитием меотской (тоже древнеадыгской) культуры I тыс. до н. э., а эта последняя своими корнями уходит в бронзовые культуры III—II тыс. до н. э. Раскопки меотских городищ на территории Адыгеи (Тахтамукайское, Новочепшильское) показали непрерывность развития меотской культуры вплоть до VII—VIII вв. н. э.⁹

На основе добытых к настоящему времени данных можно утверждать, что далекие предки абхазо-адыгов¹⁰ проживали на Западном и Северо-Западном Кавказе уже с III тыс. до н. э. Это доказывается неизменностью антропологического и этнического состава, анализом исторических источников, топонимическими названиями и т. д.¹¹ Важным аргументом в пользу данного тезиса можно считать отмеченную археологами преемственность археологических культур на Северо-Западном Кавказе. Перед нами непрерывный процесс развития культуры местных племен, процесс, который на протяжении нескольких тысяч лет не знает существенных перемен. Сложные этнические взаимодействия с другими племенами и народами не очень сказались на языковом развитии коренного населения. Господствующими остались прежний язык и культура адыгов. Даже значительные включения ираноязычных киммерийцев, скифов и сарматов, пришедших во II—I тыс. до н. э., считает известным кавказовед Е. И. Крупнов, не оказали большого влияния на развитие Прикубанья, поскольку местная этническая среда в этом регионе оказалась значительно более

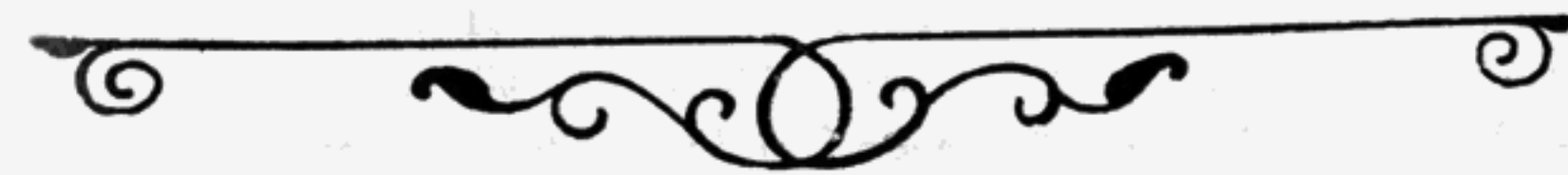
устойчивой, чем на Центральном Предкавказье. Адыги сохранили свое этническое лицо¹².

Точка зрения об автохтонном, т. е. глубоко местном, происхождении абхазо-адыгов заслуживает внимания, но не полностью решает проблему. Правильно выступив против преувеличения миграционного фактора, эти исследователи недооценили значение этого же фактора в этногенезе адыгов. Ввиду этого будет точнее придерживаться автохтонно-миграционной теории, выдвинутой недавно по вопросу происхождения абхазо-адыгов. Эта теория, признавая автохтонность населения Западного и Северо-Западного Кавказа, в то же время не отрицает роли пришлых элементов в формировании адыгов, что имело место неоднократно. Если исходить из археологических и некоторых других данных, формирование адыгов было длительным процессом этнического смешения определенных групп пришлого населения с древнейшими кавказцами Западного Кавказа.

Данный тезис вполне согласуется с принципами советской этногенетической науки. С позиций исторического материализма, становление любого народа следует рассматривать как результат длительного исторического процесса, в котором отразились как общие внутренние закономерности развития отдельных исторических общностей, так и разнообразные взаимные влияния, смешения, перемещения различных этнических групп. Изучение этногенеза народа должно включать не только начальный этап его образования, но и всю дальнейшую историю формирования его современных этнографических, лингвистических и антропологических особенностей.

В данной работе автор стремился в наиболее доступной форме осветить вопросы адыгского этногенеза, нарисовать общую картину современного состояния проблемы. Это представляется необходимым ввиду отсутствия по этой конкретной теме обобщающих работ. Именно поэтому у многих читателей нет достаточно четкого представления о происхождении адыгов, в том числе и кабардинцев, что вызывает различные кривотолки, весьма далекие от научного понимания проблемы. Автор не ставил себе задачу широко и обстоятельно изложить историю адыгов, начиная от их возникновения вплоть до формирования уже в наше время социалистических наций, а попытался проследить вопросы этногенеза адыгов, их историко-культурные связи и взаимодействия с другими народами в процессе их исторического формирования. Основная цель автора — помочь

массовому читателю разобраться в сложных вопросах происхождения адыгов, ознакомить с постановкой проблемы в современной науке.

¹ К адыгам относятся современные адыгейцы, кабардинцы и черкесы. Адыгейцы проживают в Адыгейской АО, в ряде районов Краснодарского края. Кабардинцы живут в основном на территории Кабардино-Балкарской АССР, а черкесы — в Карачаево-Черкесской АО. Много адыгов в Турции, Сирии, Иордании и некоторых других странах Ближнего Востока и Балкан. Древняя и средневековая история и культура кабардинцев связаны с Западным Кавказом — их прародиной. Кабардинский язык включается в близкородственную семью абхазо-адыгских языков, а культура их находит близкие аналогии в культуре других адыгов.

² Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сборник статей по истории Кабарды. 4. Нальчик, 1954. С. 199.

³ Этногенез — от греческого этнос — народ, племя и генезис — происхождение.

⁴ Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 122.

⁵ Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 8.

⁶ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974. С. 193.

⁷ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964. С. 121.

⁸ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. С. 15.

⁹ Адыгея: Историко-культурный очерк. Майкоп, 1989. С. 13.

¹⁰ Адыги по языку, культуре и психическому складу составляют с абхазами близкое этническое родство. Предполагают, что в древности был пранарод абхазо-адыгов и только позднее выделились собственно абхазские и черкесские племена.

¹¹ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 80.

¹² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 395.

1. ИСТОЧНИКИ ЭТНОГЕНЕЗА

Особенностью этногенетических проблем является их сложный, комплексный характер, требующий обсуждения широкого круга вопросов, привлечения разных видов исторических источников.

В некоторых работах советских исследователей рассмотрены теоретические вопросы этногенеза, показано значение археологических, антропологических, этнографических и других материалов в освещении этногенетического процесса. Происхождение любого народа имеет две стороны — происхождение культуры и языка, выявление различных культурных влияний и связей с другими народами, а также определение языковой принадлежности, с одной стороны; и происхождение антропологического типа, непосредственное физическое родство с представителями тех или иных антропологических типов — с другой¹.

В целом формирование народа охватывает всю его историю. Во-первых, оно тесно связано с его социально-экономическим и общественным развитием. Во-вторых, складывание народов это и часто процесс сложного взаимодействия с другими этническими группами. При массовых миграциях в древности и средние века происходило скрещивание племен и народностей. Народы нередко объединялись в одну этническую общность, одни из них иногда «растворялись» среди других. «Чистого» народа в этническом плане, по-видимому, нет. По мнению известного ученого В. И. Абаева, сама идея о чистых этнических образованиях, расах даже несостоятельна².

Поэтому этногенез, этнические процессы сами по себе принадлежат к числу труднейших проблем исторической науки. Известный советский этнограф С. А. Токарев писал: «Проблема этногенеза является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых склады-

вался и развивался народ»³. Выяснение этнических элементов, из которых состоит тот или иной этнос, из каких компонентов сформировалась народность, определение доли участия каждого из них, бывает порой трудно, а иногда невозможно. Таких примеров в истории немало. Известно, например, что у осетин примерно одинаковая материальная и духовная культура с другими автохтонами Северного Кавказа. В антропологическом отношении они даже являются представителями кавкасионского⁴ типа людей, которые, по мнению антрополога Г. Ф. Дебеца, представляют «самый кавказский из кавказских типов»⁵. Однако осетины говорят не на характерном для Кавказа иранском наречии. Как считают, осетины как народ сформировались в результате этнической консолидации пришлых ираноязычных кочевников сармато-алан с группой местного, кавказского аборигенного населения. В результате произошла языковая ассимиляция северокавказцев пришлыми племенами североиранской группы. Смешанный характер этнической культуры осетин заметен во всем: в языке, фольклоре, этнографии, археологии, антропологии. Что же касается роли, которую сыграли в становлении осетинского этноса сармато-аланский субстрат, с одной стороны, и кавказский — с другой, это определит наука. Но постановка такого вопроса может вызвать значительные трудности. Хотя признается два основных компонента, указывает В. И. Абаев, но не ясно, какой доминирует. «Я согласен с теми, — пишет он, — кто считает, что такая постановка вопроса не является строго научной. Нет таких весов, на которых можно было бы взвесить удельное значение различных этнических включений»⁶.

Таким образом, общность культуры не всегда означает языковую (этническую) общность. Или наоборот, родственные или даже одноязычные общества могут характеризоваться разными формами культуры.

Часто переход на новый язык не сопровождается сменой населения, т. е. новый язык воспринимается в результате культурного, а не этнического взаимодействия, и особенно четко это можно проследить в тех случаях, когда два вступивших в контакт народа заметно различаются по антропологическому типу⁷. По мнению В. П. Алексеева, характерные примеры тому на Кавказе — балкарцы, карачаевцы, осетины и азербайджанцы.

Все же язык предстает главным символом этноса, и его часто признают важнейшим и решающим компонентом той или иной этнической общности, хотя и не единственным.

Средствами языкознания исследуется, прежде всего, глоттогенез (происхождение и развитие языковых семей), являющийся важной частью этногенеза.

Существует сравнительно-исторический метод, основанием для которого служит возможность распада общего языка — предка на родственные языки. Родство языков устанавливается путем сложных грамматических и фонетических сопоставлений. Группой родственных языков называется такая совокупность языков, между которыми обнаруживаются закономерные соответствия в звуковом составе и в значении корней слов и аффиксов.

Для разрешения проблем адыгского этногенеза языкознание имеет следующее важнейшее значение. Установлено, что адыгские языки относятся к кавказской семье, куда кроме абхазо-адыгской входят еще три ветви: картвеллы (грузины), вейнахи (чеченцы, ингуши) и дагестанцы (авары, лакцы и др.).

Вхождение в указанную группу очень важно для доказательства автохтонной (местной) теории происхождения адыгов, так как представители кавказской семьи являются древнейшими обитателями Кавказа и связаны общностью происхождения⁸. Академик Г. А. Меликишвили пишет: «Племена — носители иберийско-кавказских языков с древнейших времен обосновались на территории Закавказья и Северного Кавказа... В распоряжении науки нет материалов, говорящих против этого положения и предполагающих в качестве древнейших обитателей Кавказа другие, не принадлежащие к иберо-кавказской группе, племена»⁹.

Определенное значение письменных и лингвистических материалов для изучения исторического прошлого адыгов очевидно. Однако переоценивать значение письменных источников для исследования этнической истории адыгов не следует. Они могут сыграть большую роль при изучении поздних периодов адыгской истории, особенно II тыс. н. э. Один из главных недостатков лингвистических материалов заключается в их неполноте, как только мы переходим к древним эпохам, хотя это не относится к великим цивилизациям древности, языки которых изучены не хуже современных¹⁰.

Важное значение имеет топонимика. Топонимические материалы свидетельствуют о местах обитания или путях миграции народов, к которым эти топонимические названия относятся. Для выяснения области древнего расселения протоадыгов некоторую роль играют топонимические факты — древние географические названия, и особенно гидро-

нимы (древние названия рек). В частности, как доказательство проживания в I тыс. до н. э. на Северо-Западном Кавказе предков адыгов приводят географические названия того времени с адыгским корнем «псы» (что означает «вода»): реки *Псат*, *Псекунс* и населенные пункты, например, *Tuapse* и др.

В исследовании древней и средневековой истории адыгов, как и всех бесписьменных в прошлом народов, ведущее место принадлежит археологии. Что же касается раннего этногенеза адыгов, то решать его без учета данных археологии совершенно невозможно.

Использование материалов археологии в этногенетических целях выгодно, когда речь заходит о древнейших этапах в истории народов, где этнография и языкознание почти бессильны.

Археология изучает вещественные источники (или археологические памятники). Археологическими памятниками являются не только вещи (орудия труда, украшения, посуда и т. п.), но и остатки поселений и жилищ, погребений и т. д. Изучая материальную культуру, можно восстановить основные черты социально-экономического строя и даже историю создавшего эту культуру общества.

Для нашей темы особенно важно определение соотношения археологической культуры с конкретными племенами и народами, т. е. наличие и отсутствие генетической связи между определенным этносом и соответствующей археологической культурой. Носителями культур являются племена и народы, и археологи стараются поэтапно проследить истоки основных археологических культур. Важную роль играет здесь преемственность от одной археологической культуры к другой, т. е. археология может установить последовательную смену населения на определенной территории. В данном конкретном случае от культуры достоверно адыгской, относящейся к меотам и синдам I тыс. до н. э., надлежит продвигаться в глубь столетий к тем древностям, которые имеют сходства и генетически связаны с синдо-меотской археологической культурой, а от них еще на ступень глубже и т. д. Благодаря этому методу удается установить связь между определенным этносом и соответствующей культурой прошлого, наличие или отсутствие прерывности или непрерывности в развитии этноса и его культуры. Методом тщательного изучения и сопоставления памятников материальной и духовной культуры

археологи устанавливают или отрицают этническое родство племен и народов.

Велико значение антропологии — науки, которой принадлежит решающее слово в изучении физического родства племен и народностей в глубокой древности (это достигается, в частности, путем изучения костных остатков людей, особенно строения внутренней полости черепа). По мнению известного советского антрополога В. В. Бунака, антропологические факты составляют необходимое, иногда решающее звено в разрешении этногенетических проблем.

Значение лингвистических и этнографических материалов ослабляется тем обстоятельством, что они не всегда отражают реальное генетическое родство¹¹. Появление новых элементов в языке и культуре не всегда свидетельствует в пользу притока нового населения: они могли появиться и вследствие культурного взаимодействия. Но появление нового антропологического комплекса за немногими исключениями говорит о примеси нового населения, так как этот комплекс распространяется при переселении людей, либо в результате брачных контактов¹². Антропологические материалы в отличие от лингвистических и этнографических непосредственно отражают происхождение народа. Особенно велика роль антропологии в изучении древних миграций¹³.

Антропологические материалы верно и надежно отражают изменения в составе населения в результате переселения и смешения народностей. Антропология с достаточной определенностью отвечает на такие вопросы истории народа, как автохтонное или пришлое происхождение группы, направление имевших место переселений, характер смешения различных племен и народов.

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнения существование на территории Северного Кавказа трех основных антропологических групп — северо-западной (абхазо-адыгской), центральной и юго-восточной. Северо-Западный Кавказ — область распространения антропологического типа, который исследователь В. В. Бунак впервые назвал среднекубанским типом понтийской расы, Г. Ф. Дебец — типом населения Кубани, а М. Г. Абдушелишвили — адыгским. Какова характеристика этого типа? По мнению М. Г. Абдушелишвили, основные признаки этого типа таковы: малый скуловой диаметр, большая толщина губ и горизонтальное положение кончика носа, низкий процент выпуклых форм спинки и малая высота носа, большая длина

тела и высокий процент светлых глаз, умеренно развитый волосяной покров на лице и теле¹⁴.

В. В. Бунак дает понтийской расе примерно такую же характеристику. По сравнению с кавкасионскими группами понтийцы выделяются прежде всего малой шириной лица. Характерные еще признаки — горизонтальное или чуть приподнятое положение кончика носа, узкая глазная щель, средний продольный диаметр головы, слабое развитие бороды и высокий процент светлой пигментации волос и др. Этот тип представлен в составе абхазо-адыгских народов: абхазов, адыгейцев, абазинцев, отчасти кабардинцев и черкесов, а также частью населения Западной Грузии.

Восточные соседи адыгов заметно отличаются от последних. Этот тип, названный антропологами кавкасионским, имеет такие характерные особенности: высокий рост, массивность черепа, широкое лицо, нос с горбинкой, опущенный кончик носа и т. д. Кроме того, кавкасионы отличаются более обильным ростом бороды и более светлой пигментацией по сравнению с другими кавказскими народами. Как отмечают исследователи, подавляющее число светлых волос и глаз у жителей горских групп Кавказа является результатом повышенной солнечной радиации в горах. Кавкасионский тип, по мнению специалистов, хорошо приспособлен к тяжелым условиям высокогорья. Это, в основном, горные этнографические группы Центрального Кавказа — карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши, некоторые представители восточной ветви адыгов — черкесы, кабардинцы, горцы Грузии.

Каково происхождение этих типов? Исходя из древности кавкасионского типа на Центральном Кавказе и компактного ареала его распространения, антропологи признают этот тип древнейшим из всех типов Кавказа, имеющим местное происхождение. Население, относящееся к кавкасионскому типу, рассматривают как реликт древнейших племен Кавказа, заселивших центральные предгорья кавказского хребта, может быть, даже в верхнем палеолите. В. П. Алексеев считает, что этот тип характеризуется древними чертами, законсервировавшимися в условиях горной изоляции Кавказа¹⁵. Г. Ф. Дебец, называвший кавкасионский тип «самым кавказским из кавказских типов», придерживался такой же точки зрения¹⁶.

По мнению В. В. Бунака, понтийский тип на Кавказе представляет собою северную периферию обширного ареала: Малая Азия, Восточное Средиземноморье. Этот тип имеет переднеазиатские аналогии. Из этого В. В. Бунак

делает вывод, что когда-то, возможно в эпоху неолита, часть племен продвинулась из Малой Азии вдоль Черного моря в нынешнюю Западную Грузию и далее в Абхазию, Адыгею, на Северный Кавказ.

«Наиболее вероятно предположение, — писал В. В. Бунак, — согласно которому описываемый элемент представляет собой одну из ветвей древней группы племен Передней Азии, распространившейся вдоль Черноморского побережья и проникшей на Северный Кавказ в эпоху неолита». В этой гипотезе В. В. Бунак опирается на антропологические материалы как в Малой Азии (Анатолии), так и Северо-Западного Кавказа¹⁷.

Мнение В. В. Бунака подтверждают и современные лингвистические сопоставления в языках адыго-абхазской группы с некоторыми особенностями мертвых языков Малой Азии, а именно языком автохтонов Малой Азии — хаттов (кашков), о которых более подробно будет сказано в следующих разделах.

Для решения вопроса определенный интерес представляют абхазо-адыгские этногенетические предания, по которым далекие предки народов Западного Кавказа переселились с юга. В этой связи важно, что начиная с эпохи бронзы Западный Кавказ в целом в антропологическом отношении обращен к югу.

Еще одной из отраслей исторической науки, имеющей немалое значение для ученых, занятых исследованием этногенетических процессов, является этнография. Она изучает особенности культуры и быта народов. С помощью этнографии можно установить характер культурных связей и близости между родственными народами, решить вопросы наличия или отсутствия миграций и т. д. Однако использование этнографического материала не так просто. Например, этнографическая близость народов (культурно-бытовые соответствия) не всегда означает их этническое родство; а иногда родственные по языку и происхождению народы этнографически могут быть и различными.

Таким образом, изучение этногенетических вопросов требует тщательной работы над целым кругом источников.

Проблема эта комплексная и должна решаться методом сопоставления данных различных наук. Без учета материалов археологии, антропологии, этнографии, исторического фольклора и конечно же широкого привлечения лингвистических данных, этногенетические исследования не могут дать желаемого эффекта. Одностороннее использование

какого-нибудь одного вида источников может даже привести к неправильным научным выводам.

¹ Алексеев В. П. Антропологические материалы к этногенезу адыгейского народа//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 3. Майкоп, 1972. С. 117.

² Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 19.

³ Токарев С. А. К постановке проблемы этногенеза//Сов. этнография. 1949. № 3. С. 15.

⁴ Термин, предложенный грузинскими учеными. Кавкасионский тип распространен среди горных групп и считается наиболее кавказским типом.

⁵ Дебец Г. Ф. Антропологические типы//Народы Кавказа. 2. М., 1960.

⁶ Абаев В. И. Указ. соч. С. 19.

⁷ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974. С. 186.

⁸ Факт генетического родства кавказских языков впервые доказали А. С. Чикобава и И. А. Джавахишвили. Некоторые зарубежные и советские исследователи высказывали сомнения относительно генетического родства кавказских языков, однако в последнее время получены новые факты, подтверждающие материальное родство этих языков.

⁹ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 97.

¹⁰ Алексеев В. П. Происхождение народов... С. 186.

¹¹ Алексеев В. П. Антропологические материалы... С. 117.

¹² Алексеев В. П. Происхождение народов... С. 192.

¹³ Алексеев В. П. Антропологические материалы... С. 118.

¹⁴ Абдушелишвили М. Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964.

¹⁵ Алексеев В. П. Происхождение народов... С. 136; его же. Антропологические материалы... С. 129.

¹⁶ Дебец Г. Ф. Указ. соч.

¹⁷ Бунак В. В. Антропологический состав населения Кавказа//Вестник музея Грузии. Т. 13-А. Тбилиси. 1947.

II. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ КАМНЯ, БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Кавказ всегда рассматривался исследователями как крупная географическая и историко-этнографическая область.

Исследователи часто пишут об общих элементах культуры народов Кавказа¹, проявляющихся в форме одежды, типах жилищ, в некоторых элементах духовной культуры (эпос и т. п.), религии и т. д. Современные этнографы (например, С. А. Токарев) рассматривают Кавказ как самостоятельную историко-этнографическую область². Как особая и самостоятельная языковая семья Кавказ всегда рассматривался и лингвистами, причем лингвистами всех научных направлений.

Население Кавказа отличается необычайной языковой дробностью. Здесь живет около 50 народов и этнических групп. По лингвистическим признакам выделяют три языковые семьи: кавказскую, индоевропейскую и алтайскую.

Подавляющее большинство из общей совокупности языков Кавказа составляют его автохтонные языки — всего около 40³.

Индоевропейская семья представлена в основном русскими, украинцами, армянами и греками. К индоевропейской (иранская ветвь) семье относятся осетины, курды. Язык осетин включается в северо-иранскую ветвь индоевропейской семьи. На Северном Кавказе (в Кабардино-Балкарии в частности) проживают таты («горские евреи»), язык которых также принадлежит к иранской ветви индоевропейской семьи⁴.

В состав тюркоязычных народов входят азербайджанцы, кумыки в Дагестане, карачаевцы и балкарцы на территории Центрального Предкавказья⁵. К этой же группе относятся ногайцы.

Все языки автохтонных народов Кавказа давно уже

объединены в особую группу — кавказскую семью. Современные лингвисты делят эту семью на три ветви: западную — адыго-абхазскую, восточную — дагестано-нахскую и южную, или картвельскую. Абхазо-адыгскую группу (или ветвь) образуют — абхазский, абазинский, убыхский, адыгейский, кабардинский (или кабардино-черкесский) языки. Более родственные связи в этой группе имеют абхазский и абазинский языки (абхазо-абазинская подгруппа), а адыгейский и кабардинский тоже выделяются в отдельную адыгскую подгруппу. Между указанными подгруппами промежуточное положение занимает убыхский, но больше тяготеющий к адыгским языкам⁶. Убыхский язык ныне почти мертвый. Отдельные его носители живут в Турции и, возможно, в Сирии.

К нахско-дагестанской группе относят 28 языков. Нахские и дагестанские языки иногда рассматриваются как самостоятельные группы, но в любом случае они генетически едины. В состав нахской подгруппы входят чеченцы и ингуши. Большинство народов Дагестана говорит на языках дагестанской подгруппы восточно-кавказских языков. Однородная картвельская группа объединяет грузинский, мегрельский, лазский и сванский языки.

По мнению ряда лингвистов, все указанные языковые ветви имеют общий генеалогический корень происхождения. Известный грузинский ученый А. Чикобава писал в свое время: «Кавказские языки — это понятие генеалогическое»⁷. Однако некоторые советские и зарубежные ученые ставят под сомнение материальное родство кавказских языков (например, Г. А. Климов, Т. В. Гамкрелидзе и др.). Тем не менее в последнее время получены новые факты, указывающие на генеалогическое родство этих языков.

Лингвистом А. И. Абдоковым, например, установлено сходство между абхазским и осетинским, абхазо-адыгскими и нахским языками⁸. С. А. Старостин и другие исследователи не сомневаются в существовании некогда общесеверокавказского праязыка (языка основы)⁹. В настоящее время приводятся около 700 словарных сходжений между абхазо-адыгским и нахско-дагестанским языками. О родстве этих языков свидетельствуют также фонетические соответствия¹⁰.

Исходя из этого, при решении проблемы происхождения коренных народов Северного Кавказа следует учитывать факт их генеалогического родства с кавказской семьей. Этногенез адыгов, в частности, следует рассматривать только в связи с проблемой становления кавказского этни-

ческого мира, представители которого являются древнейшими обитателями Кавказа и связаны общностью происхождения.

В последние годы археологами-кавказоведами приняты попытки проследить корни кавказских языков в III и даже IV тыс. до н. э. Это означает, что уже в это далекое время предки современных народов Кавказа (абхазо-адыгов, грузин, чеченцев, ингушей и дагестанцев) занимали Кавказский регион.

Кавказ отличается исключительным богатством и разнообразием своих природных ресурсов. Благодатная природа четвертичного Кавказа — разнообразие ландшафтов и географических условий, богатый животный и растительный мир, обилие скальных убежищ — очень рано, уже в эпоху древнекаменного века (палеолита), привлекла людей в эту область.

На Кавказе известно значительное число памятников палеолита. Многочисленные стоянки человека древнекаменного века обнаружены по Черноморскому побережью и в пределах всего Северо-Западного Кавказа. Первые люди, поселившиеся здесь более 300 тысяч лет тому назад, занимались охотой и собирательством.

Согласно предположению грузинского археолога О. М. Джапаридзе, в верхнем палеолите (около XI — X тыс.), по-видимому, должен был начаться процесс образования кавказской культурной и этнической общности¹¹. Основной очаг формирования этой племенной общности находился в западной части Закавказья — нынешняя Западная Грузия и Абхазия, где выявлены основные памятники ранней ступени верхнего палеолита. Иными словами, здесь проживали родственные племена — отдаленнейшие предки современных народов местного кавказского корня, с единым языком и сходной материальной культурой. По-видимому, в начальную эпоху раннего палеолита на Западном Кавказе сложились благоприятные условия для жизни, поэтому эта область прочно осваивалась человеком. Но вот на средней ступени верхнего палеолита с улучшением климатических условий человек постепенно занимает другие области Кавказа. К концу верхнего палеолита, мезолита почти весь Кавказ был уже освоен человеком.

Можно предполагать, что предки абхазо-адыгов, абазин, убыхов, адыгейцев и кабардинцев уже в глубокой древности (по крайней мере с начала неолитической эпохи, а может быть, даже с мезолита) проживали на Западном и Северо-Западном Кавказе.

Некоторые исследователи (Г. А. Меликишвили, З. В. Анчабадзе, О. М. Джапаридзе и др.) гипотетически допускают, что когда-то, в глубочайшей древности, предки абхазо-адыгов (впрочем, как и предки других аборигенов Северного Кавказа) могли переселиться на Кавказ откуда-нибудь, скорее всего, конечно, с юга. Верхнепалеолитическая культура Западного Кавказа и в прилегающих районах Передней Азии отличается удивительным своеобразием, что позволяет заключить об общих этнических чертах ее носителей. Западнокавказская неолитическая культура также тесно связана с Передней Азией; это одна из периферийных частей древнейшего земледельческого центра. Условия для производящей экономики на Западном Кавказе были самые подходящие. Возможно, определенное влияние с юга и юго-запада положило начало формированию здесь производящей экономики, т. е. земледелия и скотоводства. Не исключено, что уже в конце каменного века произошло также и перемещение с юга определенной массы населения, которое, однако, в то время не повлекло за собой сколько-нибудь заметных изменений.

Известному исследователю И. М. Дьяконову принадлежит ряд работ, специально затрагивающих вопросы языковой классификации древнейшего населения Кавказа. Для нашей темы интересны выводы И. М. Дьяконова о том, что коренные языки Кавказа обнаруживают тесные связи, с одной стороны (абхазо-адыгские и картвельские), с хаттским (в древней Малой Азии), а с другой (нахско-дагестанские) — с хуррито-урартским. Хаттский язык И. М. Дьяконов считает либо очень древним ответвлением от абхазо-адыгской группы, либо промежуточным звеном между этими языками и языками грузинской группы¹². Ему представляется вероятным, что на всем протяжении от центральной и западной части Северного Кавказа и Закавказья до Восточного Причерноморья, Колхиды и Южного Причерноморья до реки Галис (р. Кызыл-Ирмак в современной Турции) в III тыс. до н. э. и раньше обитали племена, либо непосредственно принадлежавшие абхазо-адыгской языковой группе, либо говорившие на языках, родственных абхазо-адыгским.

Возвратимся к вопросу о палеокавказском этническом единстве и его распаде. Истоки распада кавказского культурного и языкового единства восходят скорее всего к переходному периоду от палеолита к неолиту, т. е. к мезолиту (среднекаменному веку). Распаду палеокавказской (древнекавказской) этнокультурной общности в немалой степе-

ни способствовал физико-географический рельеф Кавказа. К концу «неолитической революции», в V тыс. до н. э., это единство в основном уже должно было распасться. Выделяются три основных локальных варианта археологической культуры: 1. Закавказский; 2. Северо-Западный; 3. Северо-Восточный. Эти три культурно-археологические области способствовали зарождению трех основных лингвистических общностей палеокавказской (кавказской) языковой семьи. Окончательный распад кавказского этнолингвистического единства на три группы этнических общностей — западную (абхазо-адыгскую), восточную (нахско-дагестанскую) и южную (картвельскую) — в основном завершился к середине IV тыс. до н. э.

В эпохи энеолита (медно-каменного века) и бронзы на территории Северного Кавказа возникали яркие и самобытные культуры земледельческо-скотоводческого типа. Своими путями шло культурно-историческое развитие Закавказья и Дагестана, Северного Кавказа и Кавказского Причерноморья в эпоху бронзы. Взаимодействуя между собой и культурами смежных территорий, племена бронзового века Южного и Северного Кавказа (III—II тыс. до н. э.) создали оригинальные культуры.

Перед исследователями давно встали вопросы: кто же носители этих самобытных культур, на каком языке они говорили и, наконец, можно ли их считать прямыми предками коренных народов Кавказа?

Нет сомнений в том, что племена — носители культур указанного времени — являются предками большинства современных кавказских автохтонов. В период энеолита и бронзы происходит дальнейшее развитие (и обособление) кавказских языков, а на Северо-Западном Кавказе выделяется абхазо-адыгская этническая группа.

Эпоха раннего металла на Северо-Западном Кавказе начинается пять тысяч лет тому назад. Названия племен, живших здесь в то время, неизвестны. Условно в археологии их называют по форме погребального сооружения. В горных районах Северо-Западного Кавказа и по Черноморскому побережью с середины III тыс. до н. э. сложилась дольменная культура, получившая свое название от своеобразных погребальных памятников в виде наземных склепов, сооруженных из огромных каменных плит. Эти сооружения известны в научной литературе под названием дольменов. Культура дольменов существовала до последней четверти II тыс. до н. э. Западнокавказскую дольменную культуру многие исследователи связывают с абхазо-адыг-

скими племенами. Например, интересная попытка соотнесения дольменной культуры с культурой далеких предков абхазо-адыгов предпринята недавно археологом В. И. Марковиным¹³. Абхазский исследователь Ш. Д. Инал-Ипа сопоставил этнографическую карту расселения абхазо-адыгских племен с группами распространения дольменов. Границы обеих карт почти полностью совпадают. «Ареал распространения кавказских дольменов и есть в основном «первоначальная» родина абхазо-черкесских племен,— пишет Ш. Д. Инал-Ипа.— С этим ареалом совпадает и распространение целого ряда других, общих для абхазов с черкесами, этнографических признаков (круглое конусообразное жилище, нартский эпос, аталычество, двухструнные смычковые инструменты и др.)»¹⁴.

По мнению З. В. Анчабадзе, эпоху процветания дольменной культуры следует рассматривать как период формирования протоабхазско-адыгской этнической общности¹⁵.

Одновременно с дольменной в Прикубанье существовала майкопская археологическая культура, которая подробнее рассматривается в следующем разделе работы. Но здесь скажем, что майкопская культура сложилась в итоге взаимосвязей с культурами Малой и Передней Азии.

Сформировавшаяся на исконных адыгских землях, эта культура сыграла определенную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения Северо-Западного Кавказа. Участие майкопских племен в раннем этногенезе абхазо-адыгов вполне вероятно, и их в какой-то степени следует рассматривать как далеких предков современных адыгов.

В эпоху развитой бронзы, во II тыс. до н. э., в Прикубанье бытовала т. н. северокавказская культура, представленная в основном курганными комплексами.

В конце эпохи бронзы на Северо-Западном Кавказе существовал крупный очаг позднебронзовой металлургии и металлообработки, а примерно в VIII в. до н. э. появляется железо и, как следствие, в жизни местного населения происходят крупные экономические и социальные сдвиги.

В рассматриваемое время впервые становятся известными названия племен и народностей Южной части Восточной Европы — киммерийцы, скифы, сарматы. Наряду с ними основным населением Северо-Западного Кавказа в I тыс. до н. э. являлись меоты и родственные им племена Черноморского побережья (синды, керкеты, гениохи, зихи и др.), имевшие самое непосредственное отношение к ранним адыгам. Наименование «меоты» представляет собой собирательный термин. Меотская культура, которая начина-

ет складываться в VIII в. до н. э. по восточному побережью Азовского моря и в бассейне нижнего и среднего течения реки Кубани, своими корнями уходит в глубь веков, обнаруживая генетическую преемственность от бронзовых культур II—III тыс. до н. э.

При изучении этногенетических процессов на Северо-Западном Кавказе, как и в целом Северного Кавказа, особенно следует учесть то обстоятельство, что Кавказ на протяжении всей истории играл роль своеобразного моста между Восточной Европой и Передней Азией. С древности и вплоть до позднего средневековья территория Северного Кавказа служила своеобразным историческим коридором, по которому проходили различные народы: киммерийцы, скифы, сарматы, аланы, гунны, позже монголо-татары. Уже с III тыс. до н. э. (а то и раньше, и в эпоху новокаменного века) древнейшее население Прикубанья установило культурно-экономические связи с народами районов древнейших цивилизаций Ближнего Востока. Возникновение яркой и самобытной майкопской культуры было результатом общего прогресса в культурно-историческом развитии всего Северного Кавказа в середине — второй половине III тыс. до н. э., вызванного активизацией связей с Месопотамией и другими странами древневосточного мира. Но уже с первой половины II тыс. до н. э. в жизни племен Северо-Западного Кавказа все большую роль начинают играть северные степные племена Европейского Юго-Востока. В указанное время в Прикубанье начинают проникать племена катакомбной культурно-исторической общности. Пришельцы хоронили своих покойников в подкурганных камерных гробницах, получивших название катакомб. Племена катакомбной культуры оказались в тесном контакте с аборигенным населением. С течением времени, в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э.), начиная особенно с VIII—VII вв. до н. э. и позднее, в археологических памятниках всего Северного Кавказа наблюдается еще большее включение элементов степных культур юго-востока Европы. Это вело к некоторому культурному синкретизму в отдельных областях региона. Археологические и древние письменные источники указывают, что уже в VIII в. до н. э. через Северный Кавказ прошли мощные орды киммерийских, а в VII в. скифских ираноязычных племен. Пути походов киммерийцев и скифов (могущественных народов, обитавших в степях Причерноморья) в Закавказье и Переднюю Азию проходили и по территории Северо-Западного Кавказа. И при возвращении назад в

начале VI в. до н. э. скифы могли задерживаться в отдельных местах Прикубанья. Об этом, прежде всего, свидетельствуют всемирно известные скифские курганы, изученные на территории Северо-Западного Кавказа, в частности Адыгеи.

В это же время начинается древнегреческая колонизация Северного и Восточного Причерноморья.

На Таманском полуострове, на южном побережье Крыма и в низовьях Дона появляются греческие города — колонии. Наиболее известными городами на Таманском полуострове были Фанагория, Кепы, Гермонасса (на месте станицы Тамань). Греческие города, расположенные на берегах Керченского пролива, первоначально представляли собой небольшие самостоятельные полисы (города-государства). В 480 г. до н. э. они объединились под властью знатного рода Археанактидов. Государство это известно в истории под названием Боспорского. Столицей его стал город Пантикапей. Он был расположен в Европейской части Боспора на территории современной Керчи.

История Боспора теснейшим образом переплетается с историей местных племен Прикубанья и Приазовья, о чем подробнее будет сказано дальше.

Примерно с III в. до н. э. по Северному Кавказу прокатилась новая волна пришельцев, также ираноязычных племен сарматов. Со II в. и особенно в конце I в. до н. э. на Кубань проникает одно из сарматских племен — сираки. Тесные контакты сарматов-кочевников с меотами-земледельцами приводят к взаимодействию культур. Влияние новых ираноязычных племен на культуру и быт древних адыгов было достаточно сильно, однако смены населения, культуры не произошло. Господствующими оставались меотские племена. Сохранился меотский язык. Часть сарматов смешалась с местным населением.

С первых веков н. э. начинается еще более массовое проникновение на Северный Кавказ родственных сарматам воинственных кочевников аланских племен. В восточные районы Прикубанья аланы начали проникать со второй половины I в. н. э. Продвижение их на Кубань усиливается во II в. н. э. Под их давлением местное население вынуждено было покидать насиженные места по правобережью реки Кубань и переселяться в Закубанье. Наиболее важный по своим историческим последствиям этап аланской миграции на Северный Кавказ начался в конце IV в., когда масса алан, живших в Прикаспии и междуречье Волги и

Дона, под давлением гуннов отхлынула в предгорья Центрального Кавказа¹⁶.

В результате указанных миграционных процессов иранизация культуры местных племен (предков адыгов) была достаточно сильной.

И все же более значительное влияние пришельцы оказали на Центральное Предкавказье (носителями древних традиций здесь были племена — создатели кобанской позднебронзовой культуры, далекие предки осетин, балкарцев и карачаевцев). В срединной части Северного Кавказа массовое и последовательное проникновение ираноязычных элементов в кавказскую среду завершилось ассимиляцией местных аборигенов, а в конечном итоге сформировалась осетинская народность. Определенное воздействие оказал иранский элемент и на процесс формирования балкарского и карачаевского народов.

Формирование адыгов, таким образом, проходило в сложных исторических условиях. С древнейшей эпохи на Северо-Западном Кавказе происходили миграционные процессы, определившие характер этногенеза и всей этнической истории автохтонов. Тем не менее (этот факт особенно важен) археологи прослеживают основную и ведущую линию культурной преемственности в развитии населения Северо-Западного Кавказа, начиная, по крайней мере, с неолитической эпохи и кончая ранним железным веком в I тыс. до н. э., когда историки с уверенностью говорят об этническом составе населения рассматриваемой области, здесь проживали племена, имеющие прямое отношение к адыгскому этносу. Это протоадыгское население античной эпохи являлось прямым потомком древнейших племен — носителей бронзовых культур, так как со II тыс. до н. э., несмотря на довольно ощутимое влияние скифской культуры, сарматское и даже греческое воздействие, и до самого позднего времени на территории Западного Кавказа (по археологическим материалам) не ощущается существенной смены населения¹⁷.

¹ То есть автохтонов — народов местного кавказского корня.

² Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 216.

³ Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 11.

⁴ Появление на Кавказе татоязычного населения связано с господством сасанидского Ирана в Кавказской Албании (Агвании) на территории современного Азербайджана.

⁵ Язык кумыков, карачаевцев и балкарцев принадлежит к половецкой группе кипчакских языков.

- ⁶ Шагиров А. К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М., 1982. С. 3.
- ⁷ Чикобава А. С. О двух основных вопросах изучения иберо-кавказских языков//Вопросы языкознания (далее: ВЯ). 1955, № 6; его же. К вопросу об отношении картвельских языков к индоевропейским и северокавказским языкам//ВЯ. 1970. № 2.
- ⁸ Абдоков А. И. К вопросу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976. С. 124—138.
- ⁹ Родство нахско-дагестанских и абхазо-адыгских, а также, вероятно, хуррито-урартских и хаттского показывает, что еще в древнюю эпоху северокавказские языки были распространены гораздо шире, чем в настоящее время.
- ¹⁰ Старостин С. А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде//Древняя Анатолия. М., 1985. С. 74—90.
- ¹¹ Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен. Тбилиси, 1976. С. 17.
- ¹² Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 176.
- ¹³ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 287—325.
- ¹⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми. 1971. С. 51.
- ¹⁵ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 22.
- ¹⁶ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа//Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962, № 106. С. 14.
- ¹⁷ Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. С. 48.

II. РАННИЙ ПЕРИОД ЭТНОГЕНЕЗА АДЫГОВ

Ранний период этногенеза адыгов в науке слабо разработан. Специальных работ по проблеме нет. Отдельные высказывания исследователей содержат труды по археологии, антропологии, этнографии и лингвистике. При ознакомлении с ними можно встретить противоречащие друг другу суждения, не идущие дальше гипотез и предположений. Исходя из этого, трудно до конца разобраться в сложном историческом процессе раннего формирования адыгов. Поэтому, несмотря на наличие довольно обширной и в целом содержательной литературы по истории адыгов, вопросы их происхождения не могут считаться достаточно изученными. Требуют своего решения расселение древних адыгских племен (этническая география), их взаимоотношения с другими племенами и народами, степень их влияния на культуру и быт адыгов. Далее. Устанавливается ли и в какой степени преемственность хорошо исследованных археологических культур эпохи бронзы и раннего железа и их связь с этнографическими данными, с культурой современных адыгейцев, черкесов и кабардинцев?

На эти вопросы пока нет окончательного ответа. Но сейчас достоверно установлено следующее:

1. Кавказоведы единодушны в том, что не позже I тыс. до н. э. сложились основы коренных народов Северного Кавказа. На Северо-Западном Кавказе в это время начинается процесс формирования адыгской народности на основе более древнего населения. Все исследователи сходятся на том, что непосредственными предками адыгов являлись племена синдов, меотов, дандариев, фатеев, керкетов, тореатов, тарпетов, досхов, псесов, зихов, генихов и др., занимавшие в I тыс. до н. э. восточное побережье Черного, Азовского морей и Прикубанье и достаточно хорошо известные по сведениям греко-римских историографов: Гекатей Милетский (VI в. до н. э.), Геродот (V в. до н. э.), Диодор Сицилийский, Страбон (I в. н. э.), Птолемей, Пли-

ний, Полиэн, Арриан, Помпоний Мела, Псевдо-Скилак и др.

2. Известно также, что в начале нашей эры эти родственные протоадыгские племена начали объединяться во-круг приморского племени зихов. В I тыс. н. э. совершался процесс консолидации племен Северо-Западного Кавказа в адыгскую и абхазскую народности. К X в. н. э. адыги как народ с единым языком и культурой в общих чертах сложился. Уже с первой половины X в. письменные источники считали адыгов единым народом, населявшим значительные территории от Таманского полуострова на западе и до Абхазии на юго-востоке, на севере до Приазовья и р. Кубани.

3. Правда, и в дальнейшем происходило формирование и обособление этнических групп в результате перемещения племен на новые территории. Например, миграция части адыгов на восток в XIII—XIV вв. явилась причиной образования кабардинской народности, как особой восточной группы адыгов.

Все эти концепции общеприняты в науке (разногласия возникают только по частным вопросам). Гораздо сложнее стоит проблема раннего этногенеза адыгов. Этот процесс уходит в глубь тысячелетий. Сейчас можно только сказать, что этногенез адыгов, как и других кавказских автохтонов, начался гораздо раньше I тыс. до н. э.

По причине всего этого возникает ряд вопросов, имеющих не только научное значение, но и представляющих огромный познавательный интерес. С какой эпохи живут предки адыгов на Северо-Западном Кавказе, т. е. в какой степени адыгов можно считать автохтонным (местным, коренным) народом Кавказа? Если они пришельцы, то когда это произошло и какие страны вне пределов Северного Кавказа следует считать исходным пунктом их движения? И, наконец, существует ли какая-либо связь между адыгским этносом и бронзовыми культурами Северного Кавказа, в частности, носителями так называемой майкопской культуры III тыс. до н. э.?

Ответы на эти вопросы существенно продвинули бы проблему раннего этногенеза адыгов, что, однако, представляет большую трудность ввиду отдаленности данного процесса, полного отсутствия письменных источников. Ведь речь идет о времени, отстоящем от нас далее двух—трех тысяч лет, и чем древнее эпоха, тем фрагментарнее источники и труднее их интерпретация. Но и те данные, которые сейчас известны, показывают адыгов народом

сложной исторической судьбы, побывавшим в самых различных ситуациях, положениях и конфликтах.

Контакты адыгов с другими племенами и народами чаще приобретали мирный характер, переходящие в процесс этнической консолидации и смешения с другими этносами. Но предкам адыгов приходилось иногда отстаивать и свою независимость. «Крайняя любовь к независимости, воинственность, которую ничто не может укротить, делают их опасными для их соседей,— писал один из поздних авторов, француз Тебу де Мариньи.— Привыкшие с самого нежного возраста к суровой закалке тела, к пользованию оружием и управлению лошадью, они не знают другой славы, кроме победы над врагом, и другого позора, кроме отступления перед неприятелем».

С какого времени можно говорить об адыгах как о самостоятельном этносе?

Можно полагать, что древний протоадыгский слой начал возникать на Северо-Западном Кавказе с III тыс. до н. э., т. е. со времени существования майкопской археологической культуры. Первые классические памятники майкопской культуры в виде больших курганов с великолепными изделиями из драгоценных металлов открыты в Прикубанье в дореволюционное время. В их числе был курган недалеко от г. Майкопа, раскопанный в 1897 г. известным русским археологом Н. И. Веселовским и давший впоследствии название всей этой культуре.

Курган располагался на восточной окраине современного г. Майкопа, на перекрестке двух улиц. Высота его достигала 10,65 м. В центре кургана была расположена большая могильная яма, тянувшаяся с С-В на Ю-З и впущенная в материк на глубину всего 1,42 м. Она имела прямоугольную форму с закругленными углами и слегка вогнутыми стенками, которые были обложены деревом, совершенно сгнившим. Дно было выложено речным булыжником. Погребальная яма разделена деревянными перегородками на три части. Поперечной перегородкой она делилась на две части — южную и северную, а последняя, в свою очередь, разделена продольной перегородкой на восточную и западную. Южную часть ямы занимало мужское погребение. В двух других, меньших камерах помещались женские захоронения. Захороненные лежали в скорченном положении на правом боку и густо были посыпаны красной краской (суриком). Пол в главной камере в буквальном смысле был усеян золотыми предметами, по-видимому, нашивавшимися на одежду или на покрывало, которым

был накрыт захороненный. Здесь было найдено 68 штампованных пластинок в виде фигурок львов, 19 таких же пластинок с изображениями бычков, 38 штампованных колец.

Найдена также масса золотых и серебряных бус разной величины и формы. У черепа лежали золотые серьги, а под черепом две узкие золотые диадемы в виде тонких лент. Здесь же обнаружены золотые двойные розетки — одна большая, другая — меньшая. Как предполагают, диадемы, украшенные розетками, были нашиты на высокий головной убор, найденный на покойнике. Перед скелетом лежали восемь серебряных стержней длиной 1,17 м. Два из них были сплошь серебряные, у четырех нижние концы золотые, на них были надеты массивные фигурки золотых бычков, и два с золотыми вставками, с насаженными на серебряные нижние концы фигурками серебряных бычков. Параллельно серебряным стержням вдоль восточной стенки камеры в ряд стояли семнадцать сосудов: два золотых, четырнадцать серебряных и один каменный. Наибольший интерес вызывают два серебряных сосуда. На горлышке одного из них изображен горный ландшафт, среди которого выделяются две особенно высокие горы с двуглавыми вершинами. Все тулово заполнено изображениями рек, животных и растений. На втором сосуде изображены животные: два козерога, бык, два барса и еще три птицы. Вдоль западной стенки камеры стояли восемь глиняных сосудов, а в юго-восточном углу находились орудия труда и предметы вооружения из бронзы и камня.

В двух северных камерах могильной ямы при двух женских скелетах найдены золотые массивные кольца и большое количество разнообразных золотых и сердоликовых бус, медные сосуды и др. Как можно предполагать, женские погребения играли подчиненную роль по отношению к основному, мужскому погребению. В главной камере был захоронен старейшина рода или представитель племенной верхушки.

Богатые захоронения родовой знати с большим количеством золотых и серебряных вещей открыты и в других пунктах Северо-Западного Кавказа. При этом наибольшее количество памятников сосредоточено в бассейнах рек Белой и Фарса. В целом майкопская культура была распространена на территории от Таманского полуострова до Чечено-Ингушетии. На всем указанном пространстве выявлено и изучено огромное количество погребальных памятников. Они относятся к разным этапам майкопской

культуры. Для нее повсеместно характерен курганный обряд погребения. Майкопские племена хоронили умерших в скорченном положении и обычно головой на юг; погребенные часто лежат на слое речного галечника; для знатных людей в лице обособившихся племенных вождей изредка сооружались каменные гробницы, требовавшие колоссальных затрат труда. Наиболее известными в Кабардино-Балкарии памятниками майкопской культуры стали Нальчикский и Кишпекский курганы с гробницей. Они исследованы сотрудниками КБНИИ.

Нальчикская подкурганная гробница была раскопана в 1968 г. И. М. Чеченовым. Курган высотой до 10 м находился на юго-западной окраине г. Нальчика. Он содержал монументальную гробницу, сооруженную из хорошо обработанных туфовых плит — стел, установленных вертикально. Гробница была перекрыта такими же плитами, по всем признакам составлявшими двускатную крышу. На дне отмечена выкладка из гальки. В гробнице зарегистрированы два скорченных скелета, лежавших головами на Ю-В. При одном из них найдены 263 мелкие бусинки, 2 массивных височных кольца, 2 биконические бусины и несколько листовых пластинок. Все эти предметы золотые. Найдены также бронзовые топоры, шила, тесло и желобчатое долото, костяные и обсидиановые наконечники стрел и др.¹

Не все, однако, майкопские курганы содержат богатый инвентарь. Погребальные сооружения отражают социальное положение захороненных. Дифференциация общества в процессе разложения первобытнообщинного строя, обособление общинной знати сопровождалось различиями в образе жизни. На это достаточно определенно указывают погребальные комплексы. Различия проявляются прежде всего в размерах курганной насыпи и в качественном составе инвентаря. Конструкция и размеры курганов показывают значительные и трудоемкие работы, по-видимому, целых племенных коллективов. Ясно, что такие сооружения могли воздвигаться только в честь наиболее знатных и особо почитаемых лиц, занимавших главенствующее положение в обществе. Наряду с богатыми погребениями известно много курганных захоронений со скромным вещевым инвентарем. В курганах малой величины часто находят только керамику и бронзовые предметы. Они иногда и вовсе бывают безынвентарными.

Майкопская культура представлена не только курганами, но и бытовыми памятниками — поселениями. Изучены они в основном в Краснодарском крае в конце 50—60-х

годов по течению рек Белой и Фарса южнее г. Майкопа (Мешоко, Скала, Хаджох, Ясенево Поляна и др.). Широко известность получило Долинское поселение в Кабардино-Балкарии, исследованное в начале 30-х годов ленинградскими археологами А. П. Кругловым и Е. Ю. Кричевским. Раскопки поселений позволили судить о хозяйстве майкопских племен, об их занятиях. Экономической основой майкопской раннебронзовой культуры был бурный рост основных производящих отраслей хозяйства, и прежде всего скотоводства. Собранные на поселениях костные остатки говорят о довольно развитом у них скотоводстве. Важнейшими объектами древнего животноводства были свиньи и крупный рогатый скот. Экономика «майкопчан» определяется как скотоводческая, земледелие стояло на втором месте. Возрастание удельного веса скотоводства, дававшего ощутимый прибавочный продукт, стимулировало межплеменной обмен и способствовало накоплению богатства в руках отдельных лиц и патриархальных семей.

Важнейшим достижением майкопских племен были цветная металлургия и металлообработка. Об этом свидетельствует разнообразие металлических изделий и частота их находок в памятниках. В период майкопской культуры были освоены многие сложные процессы металлообработки, достигшей высокой ступени развития в последующие периоды.

Глиняная посуда является одним из важнейших компонентов майкопской материальной культуры. Керамические изделия встречаются в значительном количестве как на поселениях, так и в курганах. Майкопская глиняная посуда отличается высокой технологией обработки. Тесные культурно-экономические связи племен майкопской культуры с древним населением Передней Азии имели следствием не только появление на Северном Кавказе великолепных изделий из золота и серебра. Месопотамские, или в широком смысле переднеазиатские, импульсы сыграли важную роль и в сложении «второго компонента» (производства высококачественной керамики) майкопской культуры, который определяет облик культуры в целом. В связи с этим значительный интерес вызывает то обстоятельство, что часть майкопских глиняных сосудов изготавливалась на примитивном гончарном круге, который по своему устройству аналогичен месопотамскому.

Таким образом, майкопские памятники отражают важные изменения в экономике и культуре местного населения и переход на более высокую ступень социального развития.

По этим материалам майкопская культура предстает довольно развитой для своего времени; майкопское общество уже в то время носит явные черты первоначальной имущественной дифференциации. Исследователей прежде всего поражали пышность и обилие предметов из дорогих металлов в майкопских курганах. В чем причина появления в столь ранний исторический период таких памятников, как курган в Майкопе? Возникновение яркой и самобытной майкопской культуры было результатом общего прогресса в культурно-историческом развитии всего Северного Кавказа в середине — второй половине III тыс. до н. э., вызванного активизацией связей с Месопотамией и другими странами древневосточного мира. Большинство роскошных предметов из богатых погребений поступало на Северный Кавказ, вероятно, из Месопотамии.

Даже общее рассмотрение некоторых золотых и серебряных предметов из курганных комплексов, бронзового инвентаря и более массового материала — керамики, приводят исследователей к вполне определенным выводам: о тесной связи раннемайкопских памятников с культурными центрами Сирии, Восточной Анатолии и особенно Месопотамии. Еще известный русский исследователь В. А. Городцов указал на Месопотамию как источник майкопских древностей. По мнению другого ученого Б. В. Фармаковского, близкие аналогии майкопским древностям можно найти в хеттском искусстве. О переднеазиатских аналогиях майкопских древностей пишет ряд советских и зарубежных исследователей. Правда, отдельные авторы считают, что сводить причину яркости и самобытности майкопской культуры к одним только связям с югом неправомерно. Они решающее значение придают факторам внутреннего развития майкопского общества. Некоторые бронзовые предметы, как котлы из листовой бронзы, топоры — тесла, проушные топоры и др., изготавливались на месте. Есть даже предположение о местном производстве — в майкопской среде — части драгоценной утвари из Майкопского кургана, основанное на определенном ее своеобразии и отсутствии прямых аналогий этим вещам в Передней Азии.

Можем ли мы, однако, допустить спонтанный процесс зарождения и расцвета майкопской культуры? Если это так, то следует предположить, что Северо-Западный Кавказ всем предшествующим развитием в достаточной степени был подготовлен к восприятию передовых форм культуры из центров древней цивилизации, но, к сожалению, культуры домайкопского времени плохо известны. Неясно,

например, что собой представляет энеолит (медно-каменный век) Прикубанья. Слабо изучен и период неолита. Следовательно, о предпосылках появления на Северном Кавказе богатейших комплексов типа Майкопского кургана и других оригинальных памятников остается лишь гадать. Искать истоки такого прогресса в культурах домайкопского времени, как нам кажется, малоперспективно. Неолит Западного Кавказа, такой, каким мы его сейчас знаем, выглядит отсталым. Здесь речь может идти лишь о первых шагах к обработке земли и содержанию домашних животных; решающий шаг к переводу хозяйства на новые пути в неолите сделан не был.

Поэтому, очевидно, право на существование имеет предположение исследователей (например, Р. М. Мунчаев, М. В. Андреева и др.) о возможном проникновении на Северный Кавказ групп переднеазиатского населения, принесших с собой некоторые культурные достижения своей страны. Пришлое население было обладателем более высокой культуры, и ими был стимулирован расцвет майкопской раннебронзовой культуры. Надо полагать, что пришельцы затем смешались с местными аборигенами.

Таким образом, отсутствие местных корней и ряд переднеазиатских аналогий формам инвентаря наводят на мысль о приходе и расселении на Западном Кавказе каких-то племен, но в настоящее время трудно локализовать, какой именно регион мог быть исходным пунктом их движения. Не представляется возможным пока выяснить, кто же эти племена и откуда они могли явиться, на каком древнем языке они говорили и пр.

Уникальное сходство, которое обнаруживает массовый раннемайкопский материал с данными восточноанатолийских, сирийских и месопотамских поселений, позволяет исследователям говорить о генетической связи между древностями Майкопа и памятниками областей, примыкающих к Кавказу, — они занимают территорию от озера Ван на севере до Библа (Восточное Средиземноморье) и от Киликии (Малая Азия) на западе до озера Урмия на востоке. По мнению археолога М. В. Андреевой, естественной интерпретацией обнаруженной близости комплексов Майкопа и указанных областей является предположение о проникновении групп переднеазиатского населения на Северный Кавказ, но в настоящее время нет данных, которые помогли бы выяснить конкретные причины такого выплеска населения за пределы древневосточного мира,

подробно проследить пути его проникновения в районы Прикубанья и точно датировать это событие².

Позиция по данному вопросу, занимаемая Р. М. Мунчаевым, более конкретна и ясна. Он допускает, что переселенцами могли быть шумеры или скорее всего хурриты (древние обитатели Месопотамии — современный Ирак), учитывая удивительные сходства майкопских древностей с памятниками III тыс. до н. э. в Месопотамии и широкие культурно-экономические связи именно с указанной территорией³.

Эта гипотеза, однако, требует более серьезного обоснования, несмотря на многочисленные аналогии майкопским древностям среди памятников Месопотамии, о чем пишут не только советские археологи.

Известный английский исследователь Г. Чайлд еще в работе «У истоков Европейской цивилизации» указывал, что инвентарь из Майкопского кургана и двух мегалитических подкурганных гробниц у станции Новосвободной имеет свои прототипы в раннем Шумере и прямо происходит из Месопотамии.

Но сходство культур не всегда означает этническое родство народов некогда оставивших эти культуры. Элементы материальной культуры могут распространяться и путем диффузии — проникновения элементов одной культуры в другую, без расселения конкретных ее носителей. Для постановки вопроса этнического родства племен и народов одни материалы археологии недостаточны. Они должны быть подкреплены хотя бы языковыми данными. И необходимо, чтобы эти данные указывали не только на структурное, но и на материальное родство шумерского с абхазо-адыгскими языками, поскольку сейчас майкопскую культуру принято относить к адыгскому этносу.

Между тем вопрос о происхождении и родственных связях шумерского языка продолжает оставаться дискуссионным. Чешский ученый П. Грозный высказывал мнение о приходе шумеров — создателей древнейшей цивилизации с севера, Г. Чайлд — с востока, из Элама. Имелись предположения о приходе шумеров из Средней Азии, из Индии. Некоторые пишут о родстве шумерского языка с тюркскими и даже малайско-полинезийскими языками и др. Однако в настоящее время нет достаточных оснований для отнесения языка шумеров к какой-либо известной языковой системе мира.

Гораздо более перспективной предстает другая гипотеза (малоазийская), которая связывает пришельцев с

хаттскими племенами (кашками или касками) Малой Азии. Она получила в последнее время развитие у таких исследователей, как М. М. Трапш, Л. Н. Соловьев, З. В. Анчабадзе, В. Г. Ардзинба, Г. А. Меликишвили, Г. Г. Гиоргадзе, Ш. Д. Инал-Ипа и др. По их мнению, древний, общий абхазо-адыгский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа в результате смешения местного населения с какими-то племенами из Малой Азии, предположительно кашками — носителями языка победителя. При этом считается возможным, что местные аборигены находились с пришельцами в этническом родстве.

Азиатская часть современной Турции — полуостров Анатолия издревле называется и Малой Азией. Его омывают моря: Черное, Мраморное, Эгейское, Средиземное. Малая Азия отделена от Европы проливами Босфор и Дарданеллы. Территория пересечена горными цепями, изолировавшими одни районы от других, конечно, не способствовавшими процессу консолидации племен в древности. Восточная часть полуострова представляет собой степное плоскогорье, окаймленное горами, среди которых выделяются Северо-Понтийские горы, Тавр и Антитавр. Горы эти богаты полезными ископаемыми и лесами. Добывали золото, серебро, медь, свинец. В Малой Азии было давно известно и железо. Но места добычи сохранялись местными жителями в величайшей тайне. Вывоз его из Малой Азии до конца II тыс. до н. э. был воспрещен, хотя иноземные торговцы пытались заниматься контрабандой.

Крупных рек в Малой Азии нет. Самая большая река — Галис (совр. Кызыл-Ирмак). В целом природные условия благоприятствовали жизни древних людей. Не только благоприятным географическим расположением отличалась Малая Азия. Решающую роль в экономическом и культурном развитии Анатолии сыграли ее природные богатства, в особенности металлы. Были в изобилии и другие минеральные ресурсы: строительный камень, мрамор, горный хрусталь и др. Промежуточное положение Малой Азии между Европой и Азией определило ее важную роль в развитии торговли, древних культурных связей и в этнических процессах.

До проникновения в Малую Азию носителей тюркских говоров (сельджуков и османов) в XI в. Малая Азия прошла свою богатую древнюю и раннесредневековую историю.

Малая Азия была заселена человеком довольно рано, уже в палеолите. В VIII—VII тыс. до н. э. население занималось производящим хозяйством — возделывали пше-

ницу, ячмень, горох, разводили коз и овец. Раннеземледельческие племена к V—IV тыс. до н. э. освоили почти всю территорию полуострова. В периоды энеолита и ранней бронзы значительных успехов в экономическом и культурном развитии добились центральная и восточная части Малой Азии. На это указывают археологические материалы из городищ Аладжахюк, Алишар, Хороз-тепе.

В III тыс. до н. э. в Малой Азии происходят крупные изменения: растут укрепленные города, особенно на холмах восточной части полуострова. Они являлись центрами экономической, политической и культурной жизни.

Одной из характерных черт этого периода является сильное культурное влияние Месопотамии, особенно заметное на юго-востоке.

Все данные говорят о том, что уже в III тыс. происходит разложение первобытного строя и зарождение военной демократии. Резкий подъем культуры Малой Азии наступил в XXV—XXIII вв. до н. э. Процветала обработка металлов. Специализированным производством становится изготовление оружия — коротких мечей, кинжалов и боевых топоров. Процветающей отраслью ремесла становится ювелирное дело. Все это отразилось на социальной структуре общества, о чем говорят четко выделяемые погребения знати. Могилы в Дораке и в Аладжа-Хююке отличаются пышным ритуалом, требовавший богатых даров покойнику, представленные многочисленными изделиями из бронзы и золота.

Но кто были эти племена — создатели древних культур Малой Азии? О них кое-что известно. В горах Причерноморского Тавра от устья реки Галис и по направлению к Западному Закавказью жили кашки (или каски), каскейцы. Анализ географических и этнических названий касков привел Г. А. Меликишвили и Г. Г. Гиоргадзе к выводу о родстве их языка с языком хаттов, живших южнее, в излучине реки Галис и к югу от нее. Таким образом, каски входили в союз родственных племен хаттов (каска были носителями одного из диалектов хаттского языка). Это древнейшее коренное население ученые не совсем удачно называли также «протохеттами» (т. е. жившими в Анатолии до возникновения Хеттской империи). Их не следует смешивать с собственно хеттами (неситами, индоевропейцами), которые, согласно письменным источникам, появились в Малой Азии лишь с конца III тыс. до н. э.

Язык аборигенов Анатолии назван в хеттских источниках второй половины II тыс. до н. э. хаттским. Этот термин

происходит от названия центральной части страны хаттов — Хатти (это название лишь позднее заимствовали хетты — индоевропейцы для обозначения вновь возникшей страны). Центром политической и культурно-экономической жизни хаттов был г. Хаттуса. Таким образом, термин «Хатти» может обозначать название города на месте нынешнего городища Богазкёй—Хатти (по-хаттски), или Хаттуса (по-хеттски), а также автохтонного народа, у которого указанный город был центром до начала II тыс. до н. э. — «хаттов» или «протохеттов»⁴.

С конца III или по крайней мере с начала II тыс. до н. э. в Малой Азии широко распространяется население, говорившее на языках индоевропейской языковой семьи. До сих пор неизвестно, как этот народ сам себя называл. Сами они, по-видимому, называли себя по именам разных племенных групп — *неситами*, *лувийцами* и *палайцами*. Происхождение хеттов остается предметом дискуссий. Серьезную проблему представляет вопрос о времени и путях проникновения в Малую Азию индоевропейских племен (язык их относят к хетто-лувийской или древнеанатолийской ветви индоевропейской языковой семьи). Существуют гипотезы об их переселении в Анатолию через Балканы, через Кавказ, т. е. специалисты разделяются на сторонников восточного пути появления индоевропейских племен в Малой Азии и сторонников западного пути.

Так или иначе, бесспорно то, что к началу II тыс. до н. э. индоевропейское население занимало территорию к югу от Центральной Малой Азии, откуда они постепенно распространялись на север, где обитали хатты и каски. Время непосредственно после нашествия хеттов характеризуется тем, что отдельные неситские, протохеттские (хаттские) и западнокавказские объединения вели борьбу между собой в Центральной Анатолии за гегемонию. В этой борьбе преуспели хетты, создавшие свое государство.

Итак, когда хетты около 2000 г. до н. э. проникли в Малую Азию, они нашли там старое население, носившее название своей столицы Хатти. Это население, его кровь и язык позже оказали на пришельцев сильное влияние. Название Хатти заимствовало позднее пришлое население для обозначения своей страны. «Люди г. Хатти» также называло себя население Хеттского царства XVIII—XIII в., в особенности граждане столицы — г. Хатти — Хаттусас. Однако (и это следует запомнить) основным языком Хеттской державы был не хаттский, а иной — индоевропейский язык, который местные жители называли неситским по

имени другого культурного центра страны — г. Неси⁵. Задолго до середины II тыс. до н. э. хаттский язык уже вышел из употребления и был забыт⁶. В Центральной Анатолии и хатты говорили по-хеттски. Однако по наблюдениям известного советского исследователя И. М. Дьяконова, хеттоязычное население страны не считало хаттов каким-то чужим народом; история их городов и царей воспринималась ими как часть их собственной истории. В последнее время историки склонны считать, что хатты сыграли значительную роль в создании хеттской культуры, государства. Г. А. Меликишвили даже считает, что Хеттское царство возникало в условиях полной гегемонии не неситов, а именно протохеттов⁷.

Некоторые исследователи полагают, что именно хатты создали на рубеже III—II тыс. до н. э. такие города-государства, как Пурусханда, Амкува, Куссара (Кушиар), Хатти, Канищ и др. Наряду с ними существовали и неситские центры — Неса, Канес и др. Эти города вели между собой войны и вступали в союзы, т. е. в это время в Центральной Анатолии происходила борьба между разными неситскими, протохеттскими (хаттскими) и западнокавказскими объединениями. Эта борьба привела сперва к гегемонии правителей Куссар — первое государство Малой Азии, правителей которого мы знаем по именам — это некий Питхана и его сын Анитта (ок. 1790—1750 гг. до н. э.). «Царство Куссара» Г. А. Меликишвили рассматривает как протохеттское объединение, а правителей Питхану и Анитту как протохеттов. Эти правители проводили завоевательную политику, присоединив ряд близлежащих районов Малой Азии. Были захвачены гг. Неса, Цалпа, Пурусханда, Канес и затем г. Хаттусас.

В источниках говорится, что Анитта два раза разбил Пиусту, царя страны Хатти (впоследствии, в процессе окончательного сложения Хеттской империи, г. Хаттуса превращается в ее столицу). Это произошло при царе Лабарне, который правил ок. 1680—1650 гг. до н. э. и происходил из династии другого протохеттского объединения, чем к которому принадлежали Питхана и Анитта.

Г. А. Меликишвили считает, что Хаттуса могла быть одним из центров причерноморского населения (абхазо-адыгские древние племена). К этой мысли приводит засвидетельствованное в надписях Анитты имя современного ему правителя Хаттусы — Пиюсте, созвучное сванскому «пуст» (господин, владыка), и адыгское слово «князь». Пиюсте может быть не собственным именем, а нарицатель-

ным словом в значении «глава, вождь, владыка, князь», что, по мнению Г. А. Меликишвили, связывает население Хаттусы того времени с кавказской этнической средой (абхазо-адыгские племена).

Анализ текстов царских архивов из г. Хаттусы, составленных на хаттском (местном) и анатолийском (пришлом) языках, показывает, что хатты оказали большое влияние на хеттов. Многие культурные термины в хеттском языке — хаттского происхождения. Это влияние заметно в религии (мифологии), культуре. Отдельные заимствования из хаттского языка сохранились до настоящего времени. Некоторыми зарубежными археологами было высказано мнение, что первооткрывателями железа были индоевропейские племена хеттов (Гордон Чайлд, С. К. Дикшит). Однако, по мнению советских ученых (В. В. Иванов и В. Г. Ардзинба), изобретателями способа выплавки железа были именно хатты. Они приводят данные, свидетельствующие о том, что уже не позже начала II тыс. до н. э. хаттами было освоено производство железа сыродутным способом (значение этого факта будет ясным, если вспомнить, что железо получило широкое распространение в странах Европы примерно с VII в. до н. э.).

Металлургия железа и название этого металла распространились из области культуры хаттов в Передней Азии, а затем и в Евразии в целом.

Да и сами хетты, народ сложившегося в XVII в. до н. э. Хеттского государства, состояли по преимуществу из тех же хаттов, воспринявших индоевропейский (неситский) язык.

Протохетты, в лице касков, вытесненные неситаминдоевропейцами во II тыс. до н. э., сохранились в Малой Азии главным образом на северо-восточной ее окраине, в прилегающих к Черному морю и Закавказью областях. Точное их местонахождение ищут в северо-восточном углу Малой Азии, там, где Понтийские горы. Хеттские источники, а в дальнейшем и надписи ассирийских царей Тиглатпаласара I, Саргона II часто упоминают касков также в Северо-Восточной Малой Азии. К началу II тыс. до н. э. у каска были свои укрепленные постоянные селения. Они занимались земледелием и скотоводством.

По мнению Г. А. Меликишвили, наличие у касков уже социально-экономической дифференциации и выделение аристократической верхушки вне всякого сомнения. Как считают некоторые исследователи (например, абхазский

ученый В. Г. Ардзинба), в период Хеттского царства у касков происходил переход от «военной демократии» к государству⁸.

Для Хеттско-неситской державы каски являлись особенно опасными врагами. Впоследствии они представляли серьезную угрозу для Хеттской империи, которой приходилось вести от касков оборонительные бои. В период правления Хеттского царя Хантили I (1560—1520 гг. до н. э.) каски захватили ряд областей Хеттского царства и отрезали хеттов от Черного моря. Каски не раз ставили под угрозу даже столицу царства — г. Хаттусас, а в XIII в. до н. э. вместе с «народами моря» приняли самое деятельное участие в разгроме Хеттской империи.

В качестве синонима названия касков в надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.) упоминается этноним *абешла* или *апешлайцы*, совпадающий с древним названием абхазов (греч.: *апсилы*, др.-груз.: *апшил*; нынешнее самоназвание абхазов: *апсуа* или *апшуа*). И. М. Дьяконов считает, что апешлайцы, по-видимому, являлись самым восточным из каскских племен, и так как черкесы и абхазы принадлежат по языку к одной общей абхазо-адыгской языковой семье, не было бы ничего удивительного, если бы к ней же принадлежали и каски.

В специальной литературе много говорится об этнической связи древнейшего населения Малой Азии с кавказскими народами. Каски, как предполагают, принадлежали к абхазо-адыгской этнической группе. Хаттский язык, на котором говорили и каски, по мнению ряда зарубежных и отечественных ученых (Э. Форрер, Б. Грозный, Э. Ларош, Ю. Месарош, И. Т. Дьяконов, И. М. Дунаевская, В. Вс. Иванов и др.), особенно близок к абхазо-адыгскому. В последние годы генетическое родство хаттского с абхазо-адыгскими доказывает в своих работах Б. В. Иванов. Он считает, что фонетические соответствия не оставляют сомнения в том, что по своей лексике (как и по грамматике) хаттский является языком древнесеверокавказской семьи, сохраняющим многие черты, общие с западнокавказскими⁹. И. М. Дьяконов пишет, что хаттский язык, который стоит особняком среди других древневосточных языков, являет «известные черты схождения с абхазо-черкесскими языками». Он отметил, что «не следует исключать возможность того, что хаттский язык либо прямо относится к числу абхазо-адыгских (северо-западнокавказских) языков, либо занимает промежуточное место между ними и картвельскими (южнокавказскими) языками».

По мнению В. Г. Ардзинба, параллели между нартским эпосом и хаттским мифом о борьбе бога грозы со змеем указывают на их общие истоки. Они могут быть объяснены предполагаемым генетическим родством хаттского с западнокавказскими языками¹⁰.

В царском архиве Хаттусы помимо документов на индоевропейском «хеттском» («неситском») найдены тексты на автохтонном «хаттском» («протохеттском») языке. Некоторые из них составлены на двух языках — хаттском с параллельным переводом на хеттский (билингвы). Они и являются основным источником для изучения хаттского языка.

Анализ географических и этнических названий хаттов и кашков привел исследователей к выводу об их родстве с абхазо-адыгами. Отмечают совпадение некоторых малоазиатских и западнокавказских названий. Прежде всего по линии топонимии. Значительный интерес представляет, например, сравнение названия хаттского священного города *Лихцина* с названием абхазского *Лыхны* — одного из древнейших культовых центров¹¹. По мнению Ш. Д. Инал-Ипа, заслуживает внимания наличие в абхазском, каскском и хаттском языках суффикса «ра» для образования географических названий — абхазские топонимы Гаг-ра, Ачанда-ра, Ата-ра, Ачигва-ра, с названием каскских населенных пунктов: Дахара, Парпара, Арипса. Все эти названия встречаются главным образом в приморских частях указанной территории¹². Исследователи считают допустимой и связь самого названия «Кавказ», занесенного извне (впервые встречается у Эсхила в «Прикованном Прометее», V в. до н. э.) с касками — кашками. Этот этнический термин считают прототипом наименования «Кавказ», которое затем перешло, как географическое обозначение кавказского края, к другим народам древности.

На основании близости термина *каска* и его синонима *абешла* с названиями адыгов и абхазов предполагают, что каски принадлежали к абхазо-адыгской группе. Греко-римские источники на восточном побережье Черного моря упоминают древнеабхазское племя *апсилы*. Древнегрузинские, арабские и другие источники название «кашка» сближают с названием *черкесов*. В XI в. эти племенные названия обозначают предков абхазов и предков черкесов, выступают синонимами. Таким образом, Восточное Причерноморье, Западный и Северо-Западный Кавказ были заселены родственными абхазо-адыгскими племенами. З. В. Анчабадзе признает бесспорным, что «кашки» — «абешла» составляли ту часть абхазо-адыгской этнической общности

(союз племен), который бытовал в III—II тыс. еще в северо-восточном секторе Малой Азии и был связан единством происхождения с хаттами¹³. В связи с этим Г. А. Меликишвили обратил внимание на встречающиеся в Абхазии и южнее на территории Западной Грузии названия рек: *Ахынс*, *Хынс*, *Лашынс*, *Дагарынш*, *Рапш*, *Сунса* и др. Эти названия черкесо-адыгского происхождения (в адыгском языке «п'сы» — вода), и все они были даны жившими когда-то у этих рек адыгскими племенами¹⁴. Как полагает З. В. Анчабадзе, топонимические реалии в Северо-Восточной части Малой Азии — *Синопэ*, *Акампис*, *Арипса*, *Апсареа*, *Дуабзу* и др. — с несомненной очевидностью свидетельствуют, что данная область в далеком прошлом была также населена предками абхазо-адыгов¹⁵.

Этноним «кашки» увязывают с древним названием адыгов — «кашаги». С «каска» сопоставляется этноним «касоги», встречаемый в византийских, арабских, грузинских и древнерусских источниках, как наименование адыгов в Прикубанье (др.-груз.: *кашаки*, *кашаг*, араб.: *кашак*, др.-рус.: *косог*). И теперь осетины называют кабардинцев термином «кашаг», «кашкон», сваны именуют адыгов «кашаг».

Сопоставляют и отдельные племенные названия адыгов с древними этническими наименованиями в Малой Азии, например, черкесское племя *хаттукаевцев* в Прикубанье.

«Название «кашка», — пишет академик Г. А. Меликишвили, — давно сближают с названием северокавказского племени черкесов — в древнегрузинских источниках они известны под именем «кашаг»-ов, древнерусские источники их называют «косог»-ами. Арабские источники упоминают вблизи аланов племя «кешак»¹⁶. Ассирийские источники употребляют вариантами друг друга названия «кашка» и «абешла», название «абешла» является синонимом племенного названия «кашка». Греко-римские источники на восточном побережье Черного моря упоминают племя апсилы (апшелов), являющееся, очевидно, одним из северокавказских, черкесо-адыгских или абхазских племен. Название «кашка», очевидно находится в связи с названием также северокавказского племени черкесов. Таким образом, двумя разными путями по линии племенных названий кашки проявляют близость к северокавказской этнической группе¹⁷. «Как видно, — отмечает З. В. Анчабадзе, — кашки — абешла составляли ту часть абхазо-адыгской этнической общности (союз племен), которая бытовала еще в III—II тыс. еще в северо-восточном секторе Малой Азии и была связана единством происхождения с хаттами (протохеттами)»¹⁸.

Аналогии проявляются и по линии археологии и этнографии. Кавказ и Малая Азия неразрывно связаны между собой с отдаленнейших эпох. О тесном единстве Кавказа и Передней Азии свидетельствуют археологические материалы. Как отмечал Е. И. Крупнов, «вывод о тесных древнейших взаимосвязях Кавказа и Малой Азии и даже о прошлом культурном единстве этих областей популярен в СССР и за рубежом (Гюбер, Меларт, Шоффер, Дюнан и др.)». Например, Дж. Маккуин сравнивает металлические предметы из Майкопского и Новосвободненских курганов с находками в «царских гробницах» в Аладже (Центральная Анатолия)¹⁹. В свое время А. А. Иессен указывал на сходство материалов из Прикубанья с памятниками Малой Азии, Центральной Анатолии. Это подтверждают и новейшие археологические исследования в Прикубанье, проведенные А. А. Формозовым²⁰. Богатые гробницы Аладжа-Хююка и им подобные являют черты типологического сходства с памятниками майкопской культуры. Все это дает основание некоторым ученым писать о возможном распространении майкопской культуры на Северо-Западный Кавказ с юга.

Родство хаттов и кашков с абхазо-адыгскими народами подтверждается данными этнографических источников, в частности древнейшими религиозными верованиями.

На мифологические воззрения хеттов (индоевропейцев) существенное влияние оказала мифология хатти, автохтонов Малой Азии. Новая религиозная система складывалась путем взаимодействия религиозных традиций коренного населения и пришельцев. Подавляющее большинство божеств древнехеттского пантеона являются по своему происхождению хаттскими, возникшими в эпоху хаттско-хеттского двуязычия и культурного сосуществования (ок. конца III тыс. до н. э.).

Изучение документов из царского архива столицы Хеттской империи города Хаттусаса позволило составить достаточно полное представление о мифологии коренного населения хатти. Религия Древней Анатолии, уходящая корнями в каменный век,— это многобожие (политеизм), «1000 богов» с многочисленными названиями. Как и все древнейшие религиозные системы, религия хаттов прежде всего пыталась установить связь людей со стихиями окружающей природы.

С хаттской традицией связаны главные божества хеттского пантеона — небесный бог грозы (некоторые исследователи считают, что это божество имело хаттское имя

Тару) и богиня Солнца — *Вурусему*. С культом бога грозы было связано очень большое число городов, при этом в каждом городе это божество могло именоваться по-разному.

Известными божествами также являлись бог растительности *Телепину* и его жена *Хатепину*, бог — кузнец *Хасамили*, бог — пастух *Хапантали*, божество луны *Кашку*, богиня — защитница, покровительница г. Хаттусаса воинственная богиня *Инара* и др.

Некоторые из этих божеств, по-видимому, были популярны в древней абхазо-адыгской среде. Например, с именем Инары может быть связано адыгское родовое название «Инароко» («Инарокъуэ» — «Инар и къуэ», «сын Инары»).

Одного из богов уже хеттского пантеона (лувийский бог Грозы) звали *Датто*. Нелишне вспомнить, что это имя в форме «Дотэ» встречалось у адыгов как уважительное обращение к старшим, особенно в роду, к старейшинам рода. С утверждением ислама Дотэ сохраняется как один из эпитетов Аллаха или бога вообще.

Главным религиозным центром хаттов была Аринна, священный город. Здесь главным божеством была богиня Солнца; бог грозы, ее супруг, занимает второе место. Но верховным покровителем столичной Хаттусы был бог грозы. Было и другое важное место поклонения богу грозы, город Нерик, древний хаттский культовый центр. Здесь в начале года (весной), при первых громовых раскатах, проводился праздник грозы. Кроме того, хеттская письменная традиция повествует о двенадцати ежемесячных праздниках бога грозы города Цахалукка.

Таким образом, характерным богом всей Древней Анатолии был бог грозы, ибо Анатолия (в отличие, например, от выжженных долин Месопотамии) — страна туч и бурь²¹. В хеттских текстах даже царь изображается как наместник бога грозы, как воплощение этого божества.

Теперь обратимся к языческим верованиям абхазо-адыгов. У них имелся сложный пантеон богов. Религиозные воззрения абхазо-адыгов, в известной мере, можно сопоставить с особенностями хаттской религиозной системы.

У абхазо-адыгов с божествами грома и молнии связано много сюжетов. Эти божества — распорядители судеб людей и урожая. Они, подобно верховным божествам, владеют небесным огнем и посылают на землю дождь и засуху.

Прежде всего, можно указать на созвучие одной из хаттских богинь грозы *Анцили* и древнеабхазского божества *Анцава*, вобравших в себя черты древних грозовых и охот-

ничьих божеств, и который стоит во главе абхазского пантеона.

В мифологии абхазов Анцва — творец природы и людей, повелитель мироздания. Пребывает на небе, и, когда он спускается, гремит гром, когда поднимается, — сверкает молния.

В абхазской мифологии с божеством Анцва часто отождествляется и *Афы* — повелитель грома и молнии, посылающий с неба огненные стрелы (по поверьям абхазов, Афы, однако, никогда не поражает молнией граб, поэтому они сажали около своего жилья грабы и при строении старались использовать это дерево).

У абхазов и адыгов убитого молнией хоронили с особыми почестями, как правило, на месте гибели. У абхазов, например, гора Дудрипш была обиталищем бога погоды. Убитые молнией (человек или животное) — взяты богом, неприлично выражать печаль по этому поводу. Такая жертва угодна божеству грозы и молнии²².

Адыги верили в великого бога грома и молнии *Шибле* (*Шыблэ*). Он наряду с богом души *Псатха* следовал в пантеоне сразу же за *Тха* (*Тхашхо*) (в адыгской мифологии главой пантеона, первотворцом был Тха, происхождение которого связывают с адыгским *дыгъэ*, *тыгъэ* — «солнце»; некоторые исследователи полагают, что первоначально роль первотворца принадлежала божеству солнца; позднее функции Тха перешли к Тхашхо — «великому божеству»).

Известно, какое значение придавали адыги грозе и молнии, о верованиях которых сообщают средневековые авторы.

Француз Тавернье писал о черкесах: «Когда гремит гром, все тотчас же выходят из селения и вся молодежь обою пола начинает петь и танцевать в присутствии пожилых людей, сидящих вокруг. Если молния убивает кого-нибудь из них, они хоронят его с почестями и считают святым, признавая такую смерть милостью бога. Если молния ударит в один из их домов, то даже если не убиты ни мужчина, ни женщина, ни ребенок, ни животное, вся семья, обитающая в этом доме, содержится в течение целого года ничего не делая, за исключением танцев и пения». Это подтверждают сообщения и других авторов, например, немецкого ученого Адама Олеария, который свидетельствует: «Когда гремит гром, они радуются, выбегают наружу, приплясывая; считают счастливым тех, в чей дом ударит молния, и они в радости проводят весь год; если ударит в человека, он почитается святым»²³.

Таким образом, культ бога грозы был широко распространен по всей Анатолии и в среде абхазо-адыгов. Видимо, традиция идет из Малой Азии, где грозу называли «царь Небес, господин страны Хатти» и изображали с топором и символической молнией в руках²⁴.

Следует остановиться еще на одном сообщении средневековых авторов. Француз Ксаверио Главани, описывая религию адыгов, заметил: «Трупы людей и животных, убитых громом, считают божеством, которое называется *кодос*». Другой французский ученый — Пейсонель отмечал, что название «*кодош*» дается черкесами и абхазами священным деревьям. Путешественник Жан де Лукка, посетивший Черкесию около 1637 г., рассказывает о *кудоши*, или священных местах, куда приносят жертвоприношения.

Действительно, как показывают этнографические наблюдения, культ некоего «Кодоша» был распространен в прибрежной полосе Абхазии и у некоторых соседних племен (например, у шапсугов), выражался в почитании посвященных этому божеству рощ и отдельных деревьев.

Следы культа божества в разной форме сохранились и в топонимике Западного Кавказа, например, мыс около г. Туапсе именуется Кодош, сел. Малое Псеушхо (Туапсинский р-н) местными жителями называется «Куадаша-хып» («место приношений Кодешу»).

Некоторые исследователи считают допустимым связь Кодош (Кадош) с Передней Азией. Дж. Н. Коков полагает, что нет смысла рассматривать Кодош в отрыве от переднеазиатского Кадеш (имя богини, изображаемой в виде женщины, сидящей на спине льва). Автор, соглашаясь с А. Н. Дьячковым-Тарасовым, предполагает, что культ Кадеша мог быть занесен из Малой Азии на Кавказ (вспомним также, что Кадеш — название хеттского города на севере Сирии, где в 1312 или 1296 гг. до н. э. произошло сражение между войсками фараона Рамсеса II и хеттского царя Муваталли; на этот раз предполагаемые предки абхазо-адыгов — каски сражались на стороне хеттов против египтян, хотя впоследствии, в начале XII в. до н. э., каски вместе с «народом моря» приняли участие в разгроме эфемерной Хеттской империи).

Говоря о связях с Малой Азией и другими древними обществами юга, можно вспомнить и главного героя нартского эпоса Сосруко.

А. Х. Налоев в одной из своих работ обратил внимание на следующее. Имя нартского пастуха коров Сос означает «пастух» на египетском языке; в образе нарта Сосруко

содержится образ определенного бога солнца Ра//Ре, древнеегипетского бога Ра. Центральный герой адыгского нартского эпоса Сосруко выражает по содержанию и художественным особенностям сущность мифологического бога Ра и называется он Сосруко, что означает «сын пастуха Ра» («Соса Ра сын»). По мнению автора, образ Сосруко взят из древнеегипетской мифологии, вероятно, предками абхазо-адыгов, хаттами, соседями древних египтян²⁵.

Уже давно в науке идет спор вокруг имени адыгского божества Созырэш, о природе которого нет единого мнения среди исследователей — его считают то богом урожая и плодородия, то богом домашнего очага и благополучия. Иногда его считают покровителем скотоводства, ветров и т. д. Некоторые ученые в этом божестве видят отголоски древнеегипетского Осириса. Они пытаются установить сходство между Осирисом, адыгским Созырешем и Сосруко.

Х. Г. Кармоков в статье «О происхождении имени Сосруко» (УЗ КБНИИ. 1974. Т. 27) обнаружил совпадение сюжетов египетского мифа об Осирисе, адыгских сказаний о Созыреше и Сосруко.

Автор, сравнивая Осириса и Созыреша, приводит интересные данные из древнеегипетской мифологии и языческих обрядов адыгов.

Он обнаруживает также сюжетное совпадение мифа об Осирисе и брате его Сете с одним из рассказов о смерти Сосруко в нартском эпосе.

В таких сопоставлениях нет ничего неожиданного. Известный ученый В. И. Абаев в работе «Нартский эпос осетин» (Цхинвали, 1982) указывает, что в происхождении и подвигах Сосруко (осетинского Сослана) можно опознать черты солнечного героя. Прежде всего, рождение из камня есть черта, охотно приписываемая солнечным богам. Из скалы родился прославленный малоазиатский солнечный бог Митра, которого так и зовут: «Рожденный из камня». Сюжет борьбы Сосруко за добывание огня напоминает широко распространенные мифы среди народов о «похищении солнца». И то, что солнечный герой Сосруко погибает в борьбе с колесом, тоже не случайно. Во многих мифах колесо считается символом солнца.

Обратимся и к другим фактам.

Ш. Д. Инал-Ипа сравнивает некоторые культурно-бытовые явления, существовавшие в Малой Азии, с отдельными пережиточными сходными чертами этнографического быта адыго-абхазов: образы богов *Адад* («дад» в адыгском

означает «отец», в абхазском также воспринимается как «старейший», «патриарх», «дед», «отец», а «адыд» — «гром») и великой матери плодородия (Нан), культ быка и льва, магическое значение змеи, конический головной убор, короткая туника, кинжал на поясе, орнамент в виде косы и др.²⁶

По мнению того же исследователя, близко перекликаются хаттское имя бога *Телепину*, древнеабхазское имя *Тлапс* и имя адыгского божества *Тлепш*, имя малоазийского царя II тыс. до н. э. *Раша* тождественно абхазскому *Рашь* (это сравнивается также с древнейшим песенным рефреном «рашьа», «рерашьа»). Добавим от себя, что некоторые адыгские имена имеют такое же происхождение, например, известное кабардинское имя *Хату* (суффикс «у» в данном случае означает принадлежность к кому-то).

Одной из самых показательных лексико-морфологических встреч между хаттским (кашкским) и абхазо-адыгскими языками является полное совпадение по форме и содержанию названий бога *Уашхо*, древний религиозно-мифологический образ, который был известен аборигенам Малой Азии еще за две тысячи лет до н. э., и сегодня не совсем забыт в кругу абхазо-адыгских народов — во всех абхазо-адыгских языках термин — абхазск.: «уашхуа», убыхск.: «уашхва», адыгейск.: «уашхъо», кабард.: «уашхъуэ» — используется в основном как выражение самой верной клятвы и заверения. Реже он употребляется как «бог» у убыхов, «бог клятвы» у кабардинцев, «небесный свод» у адыгейцев и т. д. В текстах на хаттском языке Малой Азии слово «уашхо» встречается в значении «божество», «бог» вообще²⁷. Довольно обстоятельно термин «Уашхъуэ» рассматривается в работе А. Т. Шортанова «Адыгская мифология». По мнению автора, небо всегда олицетворяло у адыгов все сверхъестественное и непостижимое. Богом неба считался Уашхъуэ.

Имя этого божества встречается в заклинаниях и клятвенных формах обращений, в сказках, легендах, в нартском эпосе. Именем Уашхо клянутся в основном женщины. А. Т. Шортанов приводит традиционную клятву верности мужу, встречающуюся во многих сказках и легендах: «Уашхъуэ, мывашхъуэ кІанэ, уэ лІы ухъумэ — сэ фыз сыхъункІэ!» — «Уашхо, камень — синевой (отливающий) кусочек, ты (если) мужем (быть) сумеешь, я женой (верной) буду!». (Уашхъуэ, мывашхъуэ кІанэ — «голубое небо, кусок голубого камня»; уэ — «небо», щхъуэ (къашхъуэ) — «голубое». — Р. Б.)

По рассказам стариков, во время клятвы «уашхъуэ мывашхъуэ кІанэ» — а эта форма клятвы являлась самой священной — над головой ломали стрелы, а обломки клали под камень.

Вероятно (как считает А. Т. Шортанов), отождествление божества Уашхо с синим камнем связано с олицетворением некоторых богов в неживых предметах, в том числе и в камне. Во время засухи адыги брали камни с могил людей, убитых молнией, и клали их в реку до выпадения первого дождя. Здесь камень служил предметом магического обращения к небу, к божеству Уашхо, повелителю неба, который одновременно был и богом дождя.

По-видимому, религиозно-мифологический образ Уашхо, о котором впервые писал венгерский исследователь Ю. Месарош, имеет малоазийскую природу.

Беря во внимание приведенные факты, ряд исследователей (прежде всего, Г. А. Меликишвили, З. В. Анчабадзе, Ш. Д. Инал-Ипа, Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш и др.) приходит к выводу, что на ранней стадии формирования древнего абхазо-адыгского этноса происходил процесс этнического слияния пришлых малоазиатских племен кашков с местным древним населением края. В итоге язык пришельцев оказался победителем, на что указывает родство абхазо-адыгских языков с некоторыми мертвыми языками древней Малой Азии, в частности, с хаттским, «который особенно близок к убыхскому»²⁸.

Но имеется также предположение, что язык пришельцев наслонился на язык аборигенов-кавказцев и постепенно растворился в нем; при этом в местном языке отложились некоторые структурные формы языка пришельцев и, возможно, элементы его лексики.

Что касается причин переселения определенной части малоазийских племен на Кавказ, то З. В. Анчабадзе солидарен с Л. Н. Соловьевым и пишет, что «на рубеже III—II тыс. до н. э. в Малой Азии происходило сложение классового общества, которое вызвало значительное перенаселение, создавшее предпосылки для передвижения части населения в другие области. Толчок этому движению на северо-востоке могли дать происходившие в конце III тыс. вторжения с запада хеттов-неситов»²⁹. Переселенцы утверждали не только свой язык, но и специфические формы материальной и духовной культуры.

Таким образом, в результате слияния пришлых и местных элементов возник древний абхазо-адыгский этнос — далекий предок современных абхазо-адыгских народов.

Это было результатом длительного (от конца III до середины I тыс. до н. э.) процесса этнической консолидации древнего аборигенного населения края с пришлыми из северо-восточных районов Малой Азии племенами, явившимися носителями «языка-победителя». Ведущая роль пришлых элементов в процессе этногенеза древних абхазо-адыгов обуславливалась их большей этнической устойчивостью и более высокой культурой³⁰.

Причем аборигены, возможно, находились с пришельцами в этническом родстве. Нами уже было отмечено, что советский антрополог В. В. Бунак отнес древнее население Малой Азии и Западного Кавказа к единой так называемой «понтитской расе», распространившейся вдоль Черноморского побережья и проникшей на Северный Кавказ из Малой Азии³¹.

Правда, ведущий антрополог В. П. Алексеев полагает, что понтитская группа популяций имеет местное кавказское происхождение. Он сближает понтитский и кавкасионский типы в единый ствол, считает возможным формирование понтитского типа на базе кавкасионского³². Кавказ мог входить в ареал формирования понтитского типа, и последний мог появиться здесь в эпоху неолита не в результате переселения какого-то нового населения, а вследствие локального процесса перестройки антропологического типа местного населения донеолитического периода³³.

Как бы ни ставился вопрос о перемещении малоазийских племен на Кавказ, это не умаляет значения уже установленного факта об антропологическом единстве и этнической близости двух областей в древности — Малой Азии и Западного Кавказа, обстоятельство, которое в будущем необходимо учитывать при окончательном решении проблемы раннеадыгского этногенеза. А пока, несмотря на приведенные сопоставления, малоазийскую концепцию можно принять только с оговорками, так как она не более чем хорошо аргументированная гипотеза, а гипотеза — это предположение, которое выдвигается в науке, когда ученые еще не располагают достаточным количеством фактов для построения твердой теории.

Не всегда категоричны и исследователи, серьезно занимавшиеся малоазийской проблемой. Окончательный вывод З. В. Анчабадзе и Ш. Д. Инал-Ипа, например, звучит так: в настоящее время больше данных в пользу предположения, что адыго-абхазо-картвельские племена с древнейших времен заселяли Западную часть Кавказа и некоторые прилегающие к ней районы Малой Азии, что не

исключало в те или иные периоды передвижения отдельных племенных массивов как с юга на север, так и в обратном направлении. «Сейчас трудно с полной уверенностью решить,— указывает Ш. Д. Инал-Ипа, делая оговорку,— происходили ли в древности (может быть, с середины III тыс.) продвижения абешла-кашкайцев из Малой Азии на Западный Кавказ с длительными остановками на своем пути, отмеченными множеством абхазо-адыгских топонимов на территории Грузии, или все это Кавказское Причерноморье занимали многочисленные родственные племена, из исторического развития которых впоследствии образовались древние абхазские, адыгские и западногрузинские народности»³⁴.

Некоторые исследователи скептически относятся к малоазийской теории раннего этногенеза абхазо-адыгов, но и убедительных доводов против нее, как правило, они привести не могут. «Сложен вопрос и о движении кашков,— пишет археолог, известный кавказовед В. И. Марковин,— этот древний народ сближают иногда с касситами, жившими в III—II тыс. на довольно широкой территории в западных областях Мидии. Таким образом, вопрос о связи «кашков» с «касогами» (адыгами) не более как гипотеза. Данный вопрос очень сложен, культурное влияние кашков — касситов — каспиев можно, очевидно, обнаружить с не меньшей долей вероятности в культуре современных азербайджанцев и дагестанцев»³⁵.

«В этой связи встает вопрос об этнической принадлежности майкопской культуры,— говорится в одной из работ другого известного исследователя Р. М. Мунчаева.— Последняя, как было отмечено, двуприродна. С одной стороны, мы видим сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам. Он, вероятно, отражает местный этнический массив, говоривший на западнокавказских языках. Вместе с тем здесь присутствует и другой элемент, по всей вероятности, и стимулировавший тот общий подъем, который здесь наблюдается во второй половине III тыс. до н. э. Что это за племена, откуда они сюда проникли и на каком языке говорили, остается неясным. Во всяком случае несомненно, что они расселились почти по всему Северному Кавказу. Можно ли их связывать с хаттскими племенами, в частности, с кашками, обитавшими в конце III или в начале II тыс. до н. э. на северо-востоке Понта? Для ответа на этот вопрос и подобных ему, мы пока не располагаем сколько-нибудь надежными данными»³⁶.

Однако здесь важно другое. По мнению ряда ученых, притом довольно известных, современные абхазы и адыги представляют собой живой осколок древнего и некогда сравнительно большого этнического массива. «Существование такого архаического абхазо-адыгского этнического пласта, происхождение и историческое развитие которого недостаточно изучены, не подлежит сомнению»,— указывает Ш. Д. Инал-Ипа.

Сейчас имеется ряд серьезных доводов в пользу тесной связи адыго-абхазского этноса с древнейшими бронзовыми культурами III и II тыс. до н. э.

Археологические материалы показывают непрерывность происходящего здесь с древнейших времен процесса культурного развития. Приблизительно с конца III тыс. до н. э. в этническом составе древнего населения Западного Кавказа не происходит коренных изменений, и на это указывает анализ археологических памятников более поздних эпох.

Нет сомнения, что древний протоадыгский слой сложился на Западном Кавказе вместе с формированием здесь майкопской и дольменной культур. Очевидно, это был процесс этнического слияния определенной группы переднеазиатского населения с местными жителями. Расцвет прикубанской раннебронзовой культуры был стимулирован миграционной волной. Для подобного подъема культуры, как отмечалось, в Прикубанье почвы не имелось. Сейчас трудно установить, откуда проникли эти племена, но правы, по-видимому, те историки, которые причисляют абхазо-адыгские древние племена к протохеттскому (хаттскому) этническому миру Малой Азии. Как видно, пришельцы быстро смешались с аборигенами.

После возникновения майкопской культуры и последующего распространения ее в восточные районы, очевидно, образовывается этнический субстрат, который не смог сыграть определенной роли в процессе этногенеза адыгов и других современных народов Северного Кавказа.

Этногенез адыгов и абхазов, естественно, должен решаться в тесной взаимосвязи. Одним из важных источников их этноса считают дольменную культуру, а по утверждению Ш. Д. Инал-Ипа, ее ареал и есть «первоначальная» родина абхазо-черкесских племен. С этим ареалом совпадает и распространение целого ряда других, общих для абхазов с черкесами, этнографических признаков (круглое конусообразное жилище, нартский эпос, аталычество, скрывание жениха, двухсторонние смычковые инструмен-

ты, песенный рефрен «уарада», легенда о карликах и др.)³⁷.

Многие ученые-кавказоведы пытались выяснить вопрос о происхождении кавказских дольменов. Все точки зрения по этой проблеме (а их множество) приводят нет возможности. Мы не будем подробно касаться этого дискуссионного вопроса — существуют теории заимствования, миграции и местного (спонтанного) происхождения западнокавказских мегалитов. Но преобладает мысль, что дольмены привнесены на Кавказ извне (например, П. К. Услар, Н. Я. Марр, Л. Н. Соловьев, Л. И. Лавров, В. И. Марковин).

Все же одно мнение привести стоит. В. И. Марковин один из тех исследователей, кто в последнее время серьезно занимался рассматриваемыми памятниками. Он издал несколько работ, посвященных дольменам. Тщательный анализ материалов и сложные их сопоставления привели автора к следующим выводам. В период, соответствующий расцвету майкопской культуры, на Западном Кавказе появились новые племена — носители «дольменной культуры», пришедшие, возможно, из Западного Средиземноморья³⁸. Исходными пунктами их считаются Западная часть Пиренейского полуострова (современная Португалия) и о. Сардиния. Именно отсюда началось их движение (наиболее близкие черты западнокавказским дольменам В. И. Марковин находит в древних постройках Португалии, Испании, на Корсике и ближайших островах Средиземноморья). Переселенцев могла пленить благодатная природа Западного Кавказа. Двигаясь вдоль берегов на многовесельных судах и на кораблях, оснащенных парусами, часть из них могла осесть по берегам Северной Африки, остаться в бассейне Мраморного моря и т. д., а часть достигла Западного Кавказа. Уже с первых шагов по кавказской земле строители дольменов попали под воздействие носителей майкопской культуры. Постепенно строители дольменов полностью растворяются среди окружающих племен. Вопрос о происхождении дольменов, кроме археологии и этнографии, уводит также в мир лингвистики, сложных грамматических и фонетических сопоставлений, и есть еще одна линия связей Кавказа с Пиренеями. Это баски. Народ этот, живущий ныне в основном в Испании и в примыкающих к ней южных районах Франции, этнографически обособлен, язык его ничего общего не имеет с испанским. Между тем по языку и культуре баски довольно близки кавказским народам. Н. Я. Марр и другие в свое время

намечали даже пути, по которым баски могли проникнуть на Кавказ.

Перед нами рисуется, таким образом, заманчивая картина этнической консолидации западнокавказского древнейшего населения с пришельцами из далекого мира Средиземноморья, участия последних в раннем этногенезе абхазо-адыгов. Такое тоже не лишено исторической вероятности, хотя и не бесспорно.

Итак, положение с происхождением дольменов очень сложное. Но главное здесь в другом. Связь древней дольменной культуры с абхазо-адыгским этносом очевидна. Как заметил Ш. Д. Инал-Ипа, кавказские дольмены не могут одновременно принадлежать совершенно различным по происхождению племенам, а являются созданием сравнительно ограниченного круга генетически тесно связанных между собой этнических групп, расселившихся по обеим сторонам гор Северо-Западного Кавказа.

Многие исследователи культуру мегалитических гробниц связывают только с предками абхазо-адыгов. С дольменами у абхазо-адыгов связаны различные поверья, мифы и легенды. Они почитали дольмены, считая их даже могилами предков. Шапсуги еще в недавнем прошлом приносили к дольменам жертвенную пищу. Адыги называют их «испы унэ» («дома испов» — карликов). В адыгской легенде говорится, что карлики сперва жили в пещерах, а потом им хитростью удалось заставить могучих великанов построить себе каменные дома (классический вид дольменов — четыре поставленные на ребро плиты, несущие на себе пятую — плоское перекрытие).

Дольмены остаются интересными и загадочными памятниками древности, хотя создателями их были не мифические великаны, а обыкновенные люди, не знавшие совсем железа и пользовавшиеся для обработки огромных каменных глыб простейшими орудиями из бронзы и камня. Неизвестно также, как древние обитатели Западного Кавказа передвигали и устанавливали многотонные плиты (крыши дольменов весят часто более 22 т). Стены дольменов иногда достигают 4 м.

Эпоху процветания дольменной культуры рассматривают как период формирования протоабхазско-адыгской этнической общности. З. В. Анчабадзе признает бесспорным непрерывную этническую связь между создателями дольменной культуры и населением той эпохи, когда на этой территории письменными источниками локализуются бесспорно абхазо-адыгские племена. С дольменной эпохи

устанавливается тесная преемственная связь культурных форм с культурой последующих времен. Подводя итог, З. В. Анчабадзе пишет: «Анализ погребального обряда дольменной культуры и сравнение с существовавшими недавно религиозными представлениями и обычаями абхазского народа приводит нас к выводу о том, что между ними нет существенных, принципиальных различий. На протяжении около 4000 лет прослеживаются с чрезвычайной стойкостью одни традиции погребального культа... Отсюда можно сделать вывод, что в этническом составе населения, занимавшего эту территорию с конца III тыс., когда здесь появляется данный культ, и до современной эпохи не происходит коренных изменений»³⁹.

Совпадение распространения абхазо-адыгских племен с ареалом дольменов является неслучайным. Ш. Д. Инал-Ипа признает бесспорным, что только коренные жители этих мест, т. е. древние предки абхазо-адыгской группы народов, могли быть создателями кавказской дольменной культуры⁴⁰.

Итак, абхазы и адыги вышли из одной основы. Адыги, в частности кабардинцы, по языку, культуре и психическому складу составляют с абхазами близкое этническое родство. Исследователи часто указывают на глубоко уходящие связи абхазского языка с адыгскими в области лексического состава.

Лингвисты утверждают, что существует множество точек соприкосновения между названными языками, например, это проявляется в большом числе согласных звуков (в абхазских диалектах до 67, в адыгском — до 66) и, наоборот, в малом количестве гласных звуков.

По выражению лингвистов, эти языки имеют материальное родство, общий генеалогический корень происхождения. Абхазо-адыгские языки содержат много общих слов, и наличие их объясняется не заимствованиями, не культурным взаимовлиянием, а тем, что эти древние элементы восходят к одной основе, к одному субстрату, к прото-абхазо-адыгскому слою, о чем говорит древнейшая часть основного словарного фонда этих языков⁴¹.

Уже отмечалось, что адыги и абхазы в очень глубокой древности, в начале эпохи бронзы, составляли более тесную этническую группировку, выступали под общим именем и занимали всю восточную часть Понта (Черного моря), Западный и Северо-Западный Кавказ. Позднее происходит взаимное обособление абхазской и адыгской подгрупп племен. Этому способствовала некоторая терри-

ториальная разобщенность. К. С. Шакрыл пишет: «С течением времени... внутри древнего предка абхазо-адыгских народов, очевидно, в связи с возникшей территориальной разобщенностью отдельных этнических групп данного народа и образования территориальных диалектов, происходил процесс дифференциации. В дальнейшем эта раздробленность стала способствовать распадению самого пранарода на отдельные самостоятельные этнические группы со своими качественно отличными друг от друга языками. Как нам представляется, пранарод абхазо-адыгских народов в эту эпоху распадается на две большие группы — абхазскую и адыгскую. Позже от этих этнических групп отпочковалась третья, которую составили убыхи»⁴².

Когда же это произошло? Некоторые ученые стали относить это событие ко второй половине III тыс. до н. э. (например, О. М. Джапаридзе). Это мнение оказывается теперь в противоречии с данными археологии. Наоборот, контакты древнего населения двух областей на поздних фазах майкопской культуры усиливаются, что хронологически соответствует раннему этапу дольменной культуры. Речь может идти даже о более тесной этнической консолидации двух родственных групп племен. Дольмены в рассматриваемый период насыщены предметами (в том числе культовыми) майкопской культуры. Майкопские памятники повсеместно содержат также инвентарь, характерный для дольменов. Дольменная культура, по мнению В. И. Марковина, была генетически связана с майкопской⁴³. Происходил процесс слияния дольменного населения с майкопским. Именно в эту пору появляются дольменные сооружения под насыпями курганов майкопской культуры (выявлены они и на Центральном Кавказе), и подкурганные дольмены с майкопским инвентарем обнаружены на территории Абхазии⁴⁴. Если брать во внимание указанные факты, то распад адыгско-абхазской общности мог начаться только после III тыс. до н. э.

В связи с этим интересны данные письменных источников, связанные с кашками и абешлами — предполагаемыми предками адыгов и абхазов. З. В. Анчабадзе обратил внимание, что если в начале II тыс. они выступают только под одним именем — кашки, то к концу этого тысячелетия наряду с «кашками» появляется и второй термин — «абешла» (апсилы — апсуа)⁴⁵.

Распад адыгско-абхазской общности, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, должен был происходить около середины II тыс. до н. э., а по З. В. Анчабадзе, начало II тыс. до н. э.

можно принять за определенный рубеж в процессе этнической дифференциации предков абхазо-адыгов, а завершение ее следует датировать примерно первой половиной этого тысячелетия⁴⁶.

Таким образом, ранний этногенез абхазо-адыгов охватывает время от конца III тыс. до н. э., а завершается к векам, предшествующим античной эпохе. Основным населением Северо-Западного Кавказа I тыс. до н. э. и в первые века н. э. являлись меоты, имеющие самое непосредственное отношение к адыго-черкесам. Это протоадыгское население античной эпохи являлось прямым потомком древнейших племен — носителей бронзовых культур III и II тыс. до н. э. «В значительно более позднее время на этой же территории,— писал известный ученый А. А. Иессен,— сложились адыгские (черкесские) и абазинские племена, несомненно, в очень значительной степени генетически связанные с местным населением далекого прошлого. Культурное единство северо-западной группы кавказских племен, известное нам в новое время, таким образом, возникло, очевидно, не позже позднего бронзового века»⁴⁷.

С I тыс. до н. э. благодаря письменным источникам соседних народов впервые становятся известными названия племен Северного Кавказа. Основными источниками, знающими нас с древним населением Западного и Северо-Западного Кавказа, являются греческие и римские историографы: Гекатей Милетский (VI в. до н. э.), Гелланик Митиленский, Геродот (V в. до н. э.), Скилак Кардиандский (IV в. до н. э.), Страбон, Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), Дионисий, Птолемей, Полиен и др. Сведения о племенах, населявших в I тыс. до н. э. восточное побережье Азовского моря и Прикубанье, вплоть до побережья Черного моря, сохранились не только в литературных источниках, но и в надписях на каменных плитах, происходящих с территории Боспорского царства.

Указанные источники остаются важнейшим материалом для изучения этнографии в целом, культуры, политической и экономической истории древнеадыгских племен I тыс. до н. э. (т. к. самостоятельной письменности и литературы племена Прикубанья не имели).

Большое значение имеет возможность истолкования античных этно- и топонимических терминов Северо-Западного Кавказа из современных адыгских языков. Этноним «меоты» многие авторы выводят из адыгейского языка. По мнению А. Г. Лопатинского, этническое название «мэоты» произошло от слова «Меотида» — эллинизированное

местное название побережья Азовского моря с заболоченными берегами («болото»), на которых и жили племена автохтоны в середине I тыс. до н. э. Адыгейский ученый П. У. Аутлев недавно выдвинул предположение, что слово «меоты» в его полной форме «Мэутхъэх» означает «море, которое мутнеет» и этноним «меоты» произошло от топонимического названия «Мэутхъэх». По мнению лингвистов, «керкеты» античных авторов (Плиний, Страбон и др.), или «черкений» в более позднее время,— не кто иные, как современные черкесы, т. е. этническое название «керкеты» сохранилось в видоизмененной форме в слове черкесы, а также в слове «черкений» (одно из подразделений бжедугов).

Интересны некоторые древние наименования рек Северо-Западного Кавказа. Адыгский корень «псы» — «вода» встречается в ряде античных (греческих) названий: реки Псат (Страбон), Псафья (Птолемей), Псатий, местность Псехано, страна Псоу (Диодор).

Известны и другие названия с адыгской основой «псы» со следами эллинизации: «Никопсис» — название речки и древней крепости на берегу моря — представляет собой греческую запись адыгского *Ныджэпсыхъу*, где *ныджэ* «отмель», *псыхъу* «река», «пойма реки», ту же основу видят в упоминаемом Страбоном названии реки Психра⁴⁸.

В названии меотского племени «псессы» также лежит адыгская основа «псы» — вода или река. Этноним «псессы» академик И. Л. Джавахишвили считал производным от названия притока Кубани «Пшыш» — по-кабардински звучит «Псыжь»; и в наши дни там существует селение «Псыжь»⁴⁹.

Дж. Н. Коков, ссылаясь на И. Л. Джавахишвили, приводит адыгские имена, встреченные в эпиграфических памятниках Причерноморья античного времени. Дж. Н. Коков считает, что приводимые в работе грузинского ученого примеры действительно содержат адыгский патронимический элемент *къо* (*къуэ* (-ко) «сын»: Батоко, Багорско, Болотоко, Бшаноко, Дохшуко, Каншоко, Кургоко, Мифоко, Шогеноко, Атажуко, Безруко, Дударуко, Интиноко и др.⁵⁰ В боспорских надписях зафиксированы и такие адыгские имена, как Баго, Блепс, Дзадэу и др.

К VII—VI вв. до н. э. относится начало колонизационной активности греков в Причерноморском ареале. Процесс расселения греков был обусловлен экономическим и социальным развитием греческого общества. Античные государства Северного Причерноморья являлись рабовла-

дельческими по своей природе. Они принесли развитую античную цивилизацию на берега Черного и Азовского морей. Одним из важнейших особенностей греческих городов Причерноморья было взаимодействие с окружающим их племенным миром. Это способствовало ускорению распада родоплеменных и вытеснению классовых отношений у племен скифов, сарматов в Северном Причерноморье и синдо-меотов на Северо-Западном Кавказе. Местное население познакомилось с передовой греческой культурой и искусством. Однако с течением времени преобладающим стало воздействие «варварского» мира на греческий. Здесь возник своеобразный вариант античной культуры. К концу эпохи некоторые центры античного мира приобрели уже греко-варварский характер.

Большая группа греческих городов возникла на берегах Боспора Киммерийского — Керченского пролива. Крупнейшим из них был Пантикапей. Он был основан в первой половине VI в. до н. э. на западном берегу пролива, на месте современной Керчи. Название города не греческое, на иранском языке оно означает «рыбный путь». На Керченском полуострове вблизи от Пантикапея появились города: Тиритака, Нимфей, Мирмекий, Порфмий, Киммерик, Китей.

На противоположном берегу Киммерийского Боспора, в дельте Кубани и на Таманском полуострове была также группа городов: Фанагория (на берегу Таманского залива), Гермонасса, Кепы, Патрей, Тирамба⁵¹. Несколько южнее, на месте современной Анапы, на земле синдов находился г. Синда, или Синдская гавань, ставший позже главным городом Синдского государства (город упоминается Страбоном и Стефаном Византийским и др.).

Первоначально все эти города представляли собой небольшие автономные полисы. Но около 480 г. до н. э. они объединились под властью знатного рода Археанактов. Власть Археанактидов передавалась по наследству. Образовалось государство, получившее название Боспора. Среди городов царства первое место принадлежало его столице — Пантикапею.

В 438 г. до н. э. власть на Боспоре переходит в руки династии Спартокидов. Каким путем совершился этот переход, неизвестно. Спорным остается и вопрос о происхождении Спартока, основателя династии. Но установлено, что новые правители не были греками. Есть версии о том, что Спарток был фракийцем, скифом или меотом.

Спартокиды (Спарток, Сатир I, Левкон и др.) стремились

к территориальному расширению государства. Оно начало охватывать восточную часть Крыма, низовья Кубани, Восточное Приазовье и устье реки Дон. Были присоединены земли окрестных племен и раньше всех Синдика, область сильно эллинизованная и находившаяся в тесной связи с Боспором еще в V в. до н. э., и, если верить греческому автору Полиену, овладение Синдикой произошло в результате длительной дипломатической борьбы, интриг и военных столкновений.

Этот вопрос несколько подробнее будет рассматриваться ниже. А теперь немного о синдо-меотах. В рассматриваемое время социально-экономическая и культурная жизнь древнеадыгских племен достигла достаточно высокого уровня. Всем ходом исторического развития они были подготовлены не только к оживленным торгово-экономическим связям с греками, но и к восприятию высокой античной культуры. Греки быстро оценили выгоду от общения с населением этих районов, богатых хлебом, скотом, рыбой и прочим сельскохозяйственным сырьем, а также рабской силой. По мнению Н. В. Анфимова, земледелие у меотских племен Прикубанья и даже восточного Приазовья было плужным, массовым и по своей технике высоким⁵². Меоты впервые упоминаются в трудах греко-римских авторов VI в. до н. э. Наиболее подробные данные о них сообщает географ Страбон. По Страбону, «к числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тариеты, обидиакены, ситтакены, досхи и многие другие». Это были близкородственные племена. В этнической близости этих племен сомнений нет, о чем, в частности, свидетельствуют археологические материалы, полученные в результате многолетних исследований. Таким образом, название «меоты» — собирательный термин. Меоты жили по восточному побережью Азовского моря и в бассейне нижнего и среднего течения Кубани. Меотская культура складывается в VIII—VII вв. до н. э., и она своими корнями уходит в эпоху бронзы. Основой хозяйства меотских племен было земледелие и скотоводство. Они выращивали пшеницу, ячмень и просо. Большое значение также имело скотоводство — разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней и лошадей. Племена Восточного Приазовья занимались и рыболовством. Большое место в экономике занимали ремесло и торговля. Развиваются керамическое производство, ткачество, ювелирное, кожевенное, косторезное и другие ремесла. Идет интенсивная торговля с городами Боспорского государства. Развитие производи-

тельных сил, торговые связи с античными городами приводили к углублению имущественной дифференциации и социальных различий. Меотское общество переживало стадию военной демократии. Оно подходит уже к грани классового общества. Античные авторы упоминают местных царьков, которые стоят во главе племени. Родоплеменная знать хоронила своих покойников в больших курганах с пышным обрядом погребения, с большим количеством золотых и серебряных высокохудожественных изделий. Выявлены человеческие жертвоприношения.

В несколько ином положении оказались синды. Занимая причерноморский район от нынешнего г. Анапы до Новороссийска и в глубь материка, синды оказались сильнее втянутыми в международную торговлю того времени и потому дальше шагнули вперед по пути социально-экономического развития⁵³. Как и у других меотских племен, основу экономики у синдов составляло земледелие, скотоводство, рыболовство. Большой удельный вес в экономике имели ремесло и торговля. Соседство греческих колоний способствовало развитию виноградарства и виноделия. В начале V в. до н. э. в Синдике возникают города-центры ремесла и торговли. Благодаря контакту с греческим миром, у синдов ускоряется процесс возникновения классов и государства. Археологические источники рисуют картину интенсивного общения боспорян с Синдикой, превратившейся к концу V в. до н. э. в настоящее царство. Наиболее крупным городом в земле синдов была Горгиппия, которая находится под современной Анапой. В V в. до н. э. она стала резиденцией синдского царя. Город назван по имени Горгиппа, из царского рода Спартокидов, с именем которого античная традиция связывает присоединение к Боспору Синдики в начале IV в. до н. э. Ранее, возможно, город назывался Синдской гаванью⁵⁴. Уже в первой половине V в. до н. э. это был смешанный греко-синдский поселок. Город подвергался наплыву греков. Часть синдов, которая проживала в непосредственном соседстве с греками, настолько эллинизировалась, что, по наблюдению археологов (В. Д. Блаватский, Т. В. Блаватская, В. И. Мошинская, Д. Б. Шелов, Ю. С. Крушкол), с большим трудом можно отличить погребения синдов от греческих.

В этом плане весьма характерен комплекс из т. н. Артюховского кургана на Тамани — яркий памятник культуры местной знати. Здесь обнаружены золотые и серебряные изделия: диадема, булавки, начельник, серьги, ожерелья, перстни, бусы и др. Найдены также керамика, вооружение.

Весь инвентарь за немногим исключением состоит из греческих вещей, и среди художественных памятников доминируют произведения греческого искусства, а не местные сюжеты, но не только это. Материалы кургана свидетельствуют об отмирании прежних религиозных представлений и о постепенном проникновении в эту местную среду новых идей, воспринятых из эллинского мира⁵⁵.

Тесный экономический контакт боспорян и синдов сопровождался их политическим сближением. Для Боспора было важно использовать богатства Синдики. Многие, в чем нуждались греки, они получали из Прикубанья: продукты сельского хозяйства — хлеб и мясо, кони, шерсть и т. д. Это открывало широкие экономические перспективы. Поэтому проблема взаимоотношений с синдами стала одним из важнейших вопросов внешней политики Боспорского государства, правители которого стремятся присоединить Синдику к своему царству. Интересные данные по боспоросиндским отношениям доставляет рассказ Полиена о синдской царице Тиргатао. Полиен (греческий писатель II в. н. э.) рассказывает, что царь Боспора Сатир восстановил на престоле низложенного синдского царя Гекатея. Помощь боспорского царя не была бескорыстной, потому что он дал Гекатею в жены свою дочь (по другим данным, прежнюю свою жену), несмотря на то, что тот был женат на меотянке Тиргатао, дочери одного из меотских вождей (племя иксоматов). Меотянку заточили в крепость, но она бежала, и с большим трудом, спасаясь от погони, пришла к родственным племенам. Выйдя замуж за предводителя меотов, Тиргатао смогла поднять на борьбу с Сатиром и его ставленником Гекатеем часть меотских племен и напасть на владения своего бывшего мужа. Война меотов с Синдикой хорошо засвидетельствована археологическими данными. Археологи прослеживают следы пожаров в городах и на поселениях в конце V в. до н. э. Боспор вынужден был искать мира с Тиргатао. К Тиргатао были подсланы убийцы, но ей удалось спастись, она заново напала на страну и довела царя Сатира до смерти. Сыну Сатира Горгиппу с трудом удалось заключить мир с Тиргатао и прекратить эту тяжелую войну.

Однако активная внешняя политика Боспорского государства привела в конечном итоге к присоединению Синдики в середине IV в. до н. э. Это произошло при царе Левконе I (389—349 гг. до н. э.). При этом царе Боспорское государство сильно увеличилось. Были присоединены тореты, дандарии, псессы, обитавшие на Тамани и в ни-

зовьях Кубани. Некоторые исследователи считают, что присоединение меотских племен к Боспору было больше формальным, чем фактическим. Однако названия племен скифов, синдов, меотов, дандариев и других сохранялись в титулатурах боспорских царей, известных по надписям, а также у древних авторов⁵⁶.

И в последующие века меото-синдские племена играли активную роль в политической жизни Боспора. По сообщению Страбона, в период династической борьбы за боспорский престол, после смерти Понтийского царя Митридата VI Евпатора, ряд правителей — Асандр, Динамия, Аспург — опирается на синдо-меотские племена Прикубанья и с их помощью приходит к власти. В I в. н. э., в период нового расцвета Боспора, снова были подчинены меотские племена. В надписи на статуе царя Аспурга (8—38 гг. н. э.) сказано, что он «царствует над всем Боспором и Феодосией, синдами, меотами, тарпитами, торетамми, псессами и танаитами».

Исследователи часто указывают на то влияние, которое оказывали синдо-меоты своей яркой и самобытной культурой на быт и культуру Боспорских городов. В этих городах проживало много представителей местных племен. Боспорское царство антиковеды иногда даже называют «полумеотским» государством. Высказывалось предположение, что сама династия Спартокидов не была греческой. М. И. Артамонов считал Спартокидов синдской династией⁵⁷. Е. И. Крупнов предполагал также меото-синдское происхождение этой династии⁵⁸.

Надо полагать, что не случайны те сходства, которые обнаруживаются в адыгских и греческих преданиях, между кавказскими и греческими легендами о титанах, прикованных к горам или заключенных в пещерах. Адыгский исследователь А. М. Гадагатль пришел к выводу, что греческие писатели задолго до нашей эры создали свои произведения по материалам сказаний народов Кавказа и первыми открыли их миру⁵⁹. В силу этого легенды Кавказа иногда были приняты письменной традицией как легенды греческой мифологии. По мнению А. М. Гадагатля, в одном из адыгских преданий (где повествуется о том, что бессмертный Тхьэ — «бог» приковал к скале некоего богатыря) наличествуют мотивы героя греческой мифологии Тантала⁶⁰.

Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет установить, что по своей природе и идейной нагрузке древнеадыгская эпическая песнь о Нэсрене и древнегреческий миф о прикованном к скале Кавказа — Прометее в основ-

ном тождественны. Вероятно, образ Прометея имеет кавказское происхождение и мог быть заимствован греками у предков адыгов.

Один из вариантов легенды рождения и смерти нарта Сосруко (мотив уязвимого места на неуязвимом теле) перекликается с образом Ахилла, героя Троянской войны⁶¹. Богиня Фетида, стремясь сделать своего сына Ахилла (Ахиллеса) неуязвимым, окунула младенца в воды Стикса. В результате тело его стало неуязвимым, за исключением пятки, за которую его держала мать (вспомним, как Тлепш закалял маленького Сосруко — держа железными клещами за бедра, он опускал ребенка в воду: оба его бедра остались мягкими, как у обыкновенного человека). Подобно тому, как Ахилл был убит троянским царевичем Парисом, стрелу которого божество Аполлон направил в единственно уязвимое место героя, в его пятку, нарт Сосруко был убит недругами, которые угодили режущим колесом в единственно уязвимое место — бедра. Кстати, и у лошади нарта было уязвимое место — копыто (когда стрела ударила под копыта, она упала)⁶².

Герои нартского эпоса Сосруко, Насрен-жаче и Батраз восстают против бога, добывая огонь для людей, что роднит их с греческим Прометеем. Насрен-жаче восстал против владычества Тха (бога) и за это был прикован к вершине Ошхамахо (Эльбрус). В дальнейшем его освободил нарт Батраз. Согласно адыгской легенде, дом красавицы Адюх стоит на берегу реки. Если муж Адюх возвращается из похода темной ночью, она протягивает из окна свои светлые руки, освещая ими, словно солнцем, мост, и ее муж легко перегоняет коней. Но однажды муж запрещает Адюх освещать мост руками, и темной ночью он падает с моста и погибает. После этого Адюх выходит замуж за Сосруко, наделенного солнечными атрибутами. Эту легенду сравнивают с греческим мифом о Геро и Леандре.

Адыгский исследователь Айтек Намиток в своем труде «Происхождение черкесов» отметил идентичность некоторых спартанских и черкесских обычаев и нравов: одежда красного цвета, которая надевалась во время войны; правило встречаться со своей женой только тайком; право всех граждан наказывать детей, если они совершат какие-нибудь проступки (если наказанный ребенок пожалуется своему отцу, тот повторно наказывает его); право пользоваться повозками и лошадьми другого и приводить их на прежнее место; запрещение свободным, неженатым

мужчинам заниматься какими-нибудь денежными делами; позор быть полным и необходимость иметь стройную фигуру и т. д. Этот же исследователь указывает на ту роль, которую играли у черкесов и в деревенских обрядах Древней Греции обычные качели. С его точки зрения, магически-культовая природа обряда качания, который встречался у черкесов, не вызывает сомнения: больные оспой люди всегда помещались в качели, и качание сопровождалось пением и заклинаниями, обращенными к божеству этой болезни.

«Как много общего в нравах с античной Грецией, Грецией Гомера находим мы у черкесов! — писал французский ученый и путешественник Дюбуа де Монпере. — Все, что я говорил о воспитании мужчин и женщин, о женском труде, о постыдности для мужчины появиться на людях со своей женой, о пище, похоронах, могилах, о друидизме и т. д., все это возвращает нас в Грецию и заставляет согласиться с тем, что должна была быть колонизация в какой-то форме, должны были быть частные связи в античные времена для того, чтобы черкесы могли сохранить столько черт примитивных нравов греков. Но, как я уже говорил, вопрос о том, какая из наций оказывала влияние и какая была восприимчивой?»

Итальянец Ксаверио Главани, автор «Описания Черкесии», обратил внимание на один довольно странный черкесский обычай. С наступлением весны молодые дворяне образуют общества в 50—100 человек. Они веселятся, пьют, едят и посылают в другие округа отряды отборных наездников, которые подкрадываются к селениям, прячутся в кустарниках, а вечером, когда дети отправляются по воду, набрасываются на них, выбирают самых красивых девочек и мальчиков и мчатся с ними обратно в свой округ. Захваченные обращаются в рабство и продаются. Обычай у них этот существует издавна, — продолжает Главани. — Я спрашивал у одного черкесского бея, почему дозволяются подобные набеги дворянству. Он отвечал мне: в нашей стране нет ни денег, ни рынков; откуда же взять нашим молодым людям средства для приобретения одежды? Разве испаги (по словам Пейсонеля, «испаги» или «сипаги» составляли у черкесов особое сословие, образовавшееся из рабов, которые получили свободу. — Р. Б.) делают беднее от того, что у них отнимают ежегодно трех детей? Эти рабыни, рождая каждый год, заменяют потерю, а между тем наша молодежь приобретает посредством набегов возможность хорошо одеваться. Этот рассказ Главани напоминает не-

которые обычаи, имевшие место в Древней Спарте, например, криптии.

В Спарте были два сословия — «спартиаты», или «община равных» (военизированное объединение господствующего рабовладельческого класса), и противостоящий им класс (или сословие) рабов — илотов. Держать илотов в повиновении было трудно, так как их было в несколько раз больше, чем спартиатов. Чтобы количество рабов не увеличивалось, спартиаты устраивали периодические массовые убийства илотов, т. е. криптии. Это рассматривалось как военные упражнения для молодежи.

Спартанские юноши объединялись в отряды, которые целый день с утра до вечера занимались военными упражнениями. Помимо военно-гимнастической тренировки, мальчиков подвергали лишениям (голод, холод) и поощряли их попытки любыми средствами добывать себе пищу и одежду, не нарушая формально дисциплины.

Как пережиток военной демократии (переходный период от родового общества к классовому), в Спарте существовал т. н. корпус «всадников», своего рода корпорация сверстников среди молодежи в возрасте старше 20 лет. «Всадники» — особый охранительный орган, соединявший в себе функции (если можно назвать применительно к условиям того времени) тайной полиции, разведки и т. д. Служба в корпусе была своего рода отдушиной, дававшей выход политической энергии молодежи. В обязанности «всадников» входила также криптия (по ночам устраивать облавы на илотов).

Конечно, отмеченные параллели не являются выражением этнографической общности названных народов, хотя и вызывают определенный интерес. Они могут оказаться случайными совпадениями и даже не представлять пример обычного заимствования контактировавших народов. Скорее всего, это порождение одинаковых условий материальной жизни сопоставляемых обществ, сходство обычаев некогда близких стадияльно по развитию культуры народов.

В целом у адыгов сохранилось много воспоминаний о древних греках, которых они называли «алыдж», нашедших отражение в преданиях, именах, топонимических названиях.

При этом некоторые из них параллельно известны в нартском эпосе. Например, в эпосе упоминаются топонимические названия: «Елыдж губгъэ» — эллинская степь, «Алыдж къуажэ» — эллинское село, т. е. «алыдж» или

«джырджэ» в адыгском тождествен этнониму «эллин» — грек. Сэтэней-княгиню (Сэтэней-гуашэ) называют дочерью Алиджевых. Черкесские собственные имена (некоторые из них встречаются и в эпосе) «Ашамаз» (Ашэмэз), «Тамаша» (Тэмашэ) можно сопоставить с древнегреческими именами Атамас (Атамазас), Дамас. Имя Атамазас зафиксировано и в эпиграфических надписях Причерноморья I—III вв. до н. э. О высокой степени эллинизации части древнеадыгского населения свидетельствует имя синдского царя Гекатея, название самой столицы синдов г. Горгиппии, которая археологически изучена неплохо.

При раскопках здесь среди прочего обнаружены храмы Афины и Посейдона, святилище Деметры, фриз с изображением 12 подвигов Геракла.

Нартский эпос — замечательный памятник истории и культуры адыгов, возникший в глубокой древности, несет на себе отпечаток различных эпох. Но можно считать, что основные циклы сказаний о нартах зародились в I тыс. до н. э., в начальную эпоху железа, например, легенды, связанные с кузнецом нартов Тлепшем (Льэпш). Эпос содержит этнонимы и топонимы, которые находят объяснение в адыгских языках. В сказаниях часто фигурирует народ «чинтов» (чынт). Нетрудно догадаться, что «чинты» — это те же самые «синды», т. е. один и тот же этноним. Гидроним Азов (Азовское море) происходит от адыгского названия «Iузэв» (в переводе буквально означает «узкая горловина»). Так именовали северную часть Меотского моря (ныне Таганрогский залив) жившие там предки адыгов. Темэн (Тамань) — адыгское название Таманского полуострова (темэн «болото», «плавни»), а также Тэн (Тан) — адыгское наименование р. Дон — известны в сказаниях о нартах.

Дольмены Западного Кавказа не только привлекают внимание, но и порождают в ученой среде самые неожиданные домыслы и теории. Между тем испы и их дольмены (исп и унэ — дома карликов) нашли место в повествованиях о нарте Батразе (Бэтырэз) (интересно вспомнить, что в греческих источниках упомянуты какие-то исипы среди древних адыгов). Таким образом, и некоторые элементы материальной культуры, приписываемые древним абхазо-адыгам, находят подтверждение в эпосе.

I тыс. до н. э. — завершающий этап истории древнего мира. Это и важнейший период в истории древних адыгов. В археологическом плане — конец эпохи бронзы и начало железного века. В VII—VI вв. до н. э. на Северо-Западном

Кавказе начинается широкое освоение железа. Возникновение плавки и обработки железа вызвало мощный подъем в развитии производительных сил, способствовавший преобразованию всей материальной культуры и общественной жизни.

Другим важным фактором, повлиявшим на исторические судьбы аборигенов Северо-Западного Кавказа, явилось появление на указанной территории степных племен юга Восточной Европы. Это уже упоминавшиеся киммерийцы, скифы, а также сарматы — племена иранского степного мира. В третьем разделе уже было сказано, когда и при каких обстоятельствах эти народы оказались на Северо-Западном Кавказе. Отличаясь необыкновенной подвижностью, обладая лучшим по тем временам оружием войны, киммерийцы и скифы совершали свои походы. Они обогатили многие соседние народы элементами своей культуры. Скифы, например, сыграли огромную роль в общественном и экономическом развитии племен на колоссальных пространствах Евразии. Значительна была роль киммерийцев и скифов в исторических судьбах племен и народностей Кавказа.

Киммерийцы — древнейшие обитатели Северного Причерноморья. Это впервые исторически засвидетельствованный этнос в Восточной Европе, первые из степных племен, которых мы знаем по имени. Теперь их относят, как и скифов, к племенам североиранской группы. Реальность прошлого обитания части киммерийцев в Восточном Крыму и на Северо-Западном Кавказе подтверждается археологическими и древними письменными источниками. Это примерно с VIII—VII вв. до н. э. и позже. Однако пребывание киммерийцев в Прикубанье еще не доказывает происхождения от них всех адыгов. Имеющийся комплекс исторических фактов явно противоречит этой теории, хотя она поддерживалась такими учеными, как В. Д. Блаватский, М. И. Артамонов и известный этнограф Л. И. Лавров.

Происхождение одного из подразделений западных адыгов — темиргоевцев («кIэмыргуей») иногда также связывают с восточной группой киммерийцев. Действительно, некоторые данные дают повод для такого предположения, и с этой версией необходимо считаться.

Немного позже через Северный Кавказ прошли и скифы, по пути преследования киммерийцев, ушедших в Малую Азию.

В рассматриваемое время киммерийцы и скифы были тесно связаны с предками адыгов. Об этом свидетельствует

протомеотское оружие и конский убор VIII—VII вв. до н. э., аналогичный киммеро-скифским. Например, протомеотский могильник на реке Фарс содержит детали конского снаряжения, характерные для киммерийцев и скифов времени их переднеазиатских походов (VII в. до н. э.). Предметами киммерийской материальной культуры признают найденные в Прикубанье бронзовые кельты (особые топоры со втулкой), бронзовые мечи, втульчатые копья, первые железные предметы, лощеную керамику и т. д.

Высокий уровень материальной и духовной культуры меотов (особенно VI—IV вв. до н. э.) и влияние на нее соседних народов вновь подтверждены прекрасными находками возле аула Уляп Красногвардейского района Адыгейской автономной области.

В 1981—1982 гг. здесь исследовалась группа курганов, насчитывающая около тридцати насыпей⁶³. Между курганами раскопаны два грунтовых могильника меото-скифского времени. Богатейший материал включает оружие, украшения, конский убор, местную и привозную греческую керамику. Здесь найдены подлинные шедевры древнего искусства из античных центров. Великолепные художественные изделия выполнены частью в скифском стиле. Среди них два ритона. Один из них золотой со скульптурным изображением головы льва на конце. Посредине ритон опоясан широкой золотой пластиной с геометрическим орнаментом, выполненным золотой проволокой.

Второй ритон серебряный с позолотой, античной работы. Уляпский ритон с протомой (передняя часть) Пегаса считают выдающимся творением античного мастера.

Безусловно, эти вещи попали сюда в результате тесных связей адыгов с античными центрами Причерноморья. Эти великолепные художественные импортные изделия показывают высокий уровень не только материальной, но и духовной культуры меотов, так как для достойной оценки этих вещей нужно было обладать развитым художественным вкусом, который наиболее ярко отразился в собственном производстве меотов⁶⁴.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что формирование адыгского народа и его культуры проходило в тесном единстве с ираноязычными киммерийцами и скифами, а немного позднее (с IV в. до н. э.) с родственными скифам сарматскими племенами — сираками и аорсами.

Сарматы, или савроматы (как их называли в раннем периоде), были ираноязычны, как и скифы, близки им по культуре, вели сходный образ жизни. Савроматы были

кочевники, и территория их находилась за Доном. По некоторым археологическим и письменным данным, сарматы до появления на скифских землях в VIII—VI вв. обитали на пространстве между Доном и Уралом. В IV в. до н. э. сарматские племена активизировались. Они продвинулись в причерноморско-азовские степи, сменили там и частью поглотили скифов. Уже в конце III в. до н. э. сарматы заняли территорию между Доном и Днепром. Мощные племенные образования сарматов (языги, роксоланы, сираки и аорсы) сыграли большую роль в истории юга нашей страны, принимали в разной степени участие в этногенетических процессах формирования многих народов, в том числе Северного Кавказа.

Область расселения сарматов наряду со степями Восточной Европы охватила и степи Северного Кавказа, вплоть до отрогов Кавказского хребта. Массовая инфильтрация сарматов в правобережье Кубани наблюдается со II в. до н. э.

Таким образом, происходит соприкосновение сарматов с синдо-меотами Северо-Западного Кавказа. О тесных контактах сарматов и предков адыгов свидетельствует огромный археологический материал. Влияние сарматской культуры было настолько сильно, что это вызвало внешнее переоформление материальной культуры части древнеадыгских племен и даже появление новых типов погребальных сооружений — катакомб и склепов. Однако и меоты — земледельцы оказывали значительное влияние на пришельцев. Под влиянием высокой культуры местных племен сарматы частично переходят к оседлости.

Последние века до н. э. и первые века н. э. вошли в историю Северо-Западного Кавказа под названием меото-сарматского периода. Меоты и частично ассимилировавшиеся сарматы (сираки), как считают, заложили основы в формирование адыгской народности. Однако в этом процессе адыгский этнический элемент одержал верх.

Тем не менее свидетельства, подтверждающие древнее проникновение сарматских этнических элементов в адыгскую среду, сохранились даже в народной памяти. Приводя исторические предания кабардинцев, Ш. Ногмов писал: «Еще осталось в памяти народной, что некоторые фамилии вели свой род от сарматов и потому носят название «шармат». Здесь, кстати, приведу одну старинную сохранившуюся у нас пословицу, доказывающую, что наши предки были с ними в коротких отношениях. Когда кто-нибудь в обществе

много шутит и заставляет других смеяться, ему говорят: «Ты не черт и не шармат, откуда же ты взялся?»⁶⁵

Примеры тому дают древняя ономастика, топонимика и эпиграфические остатки с территории синдо-меотов. Можно полагать, что иранскую природу имеют древние названия Кубани — «Гипанис» и «Кораканда» (встречается, например, у античного автора Помпоний Мела), лиман «Цукур» или «Сокур» в южной части Таманского полуострова.

В лексике адыгов выявлены очень ранние иранские заимствования, на которые указывали лингвисты Б. Х. Балкаров и А. К. Шагиров⁶⁶.

Разведенную жену синдского царя Гекатея звали Тиргатао. Она была меотянка, но носила иранское (а по некоторым данным, индоарийское) имя. Во время войны со своим бывшим мужем и царем Боспора Сатиром, Тиргатао сама непосредственно командовала войском. Об этом пишет Поллиен в «Стратегии». Не идеализирует ли греческий автор образ Тиргатао? Не приукрашивает ли он события? По-видимому, нет. В рассматриваемое время меоты переживали стадию «военной демократии». В такие моменты народы весьма подвижны и воинственны. Все, кто способен носить оружие, принимают участие в войнах. Наравне с мужчинами воюют и женщины.

Особенно это заметно у сарматов. Поэтому здесь не исключено и сарматское влияние на адыгов. Все высказывания древних авторов и ранние археологические материалы свидетельствуют о необычном положении женщин у сарматов. Греческие писатели зовут их женоуправляемыми. Отец истории Геродот отмечал обычаи сарматских женщин ездить верхом, носить мужскую одежду, играть роль жриц и т. д. Современник Геродота, Гиппократ в своем медицинском трактате писал, что сарматские женщины стреляют из лука, мечут дротики, сидя на лошади, и сражаются с неприятелем до своего замужества и остаются в девушках, пока не убьют троих врагов племени.

Странные, на первый взгляд, эти сообщения находят объяснение в общественном состоянии сарматов на ранней стадии их истории. У них были сильны пережитки матриархата. В соответствии с этим в погребениях сарматских женщин встречается оружие, особенно лук и стрелы, и даже человеческие жертвоприношения.

В литературе высказано мнение, что древние рассказы об амазонках — беспощадных степных воительницах — возникли именно в сарматской среде. Согласно древнегре-

ческой легенде, амазонки обитали на реке Фермодонт (Малая Азия) или в районе предгорий Кавказа и Меотиды (Азовское море).

Термин «амазонка» якобы происходит от названия обычной выжигать у девочек грудь для удобства стрельбы из лука (гр.: амазоне; а...+мазос — грудь). Видимо, этим можно объяснить недоказуемое сообщение Гиппократа, что у сарматских женщин нет правой груди, так как вскоре после рождения матери выжигают своим дочерям правый сосок раскаленным медным оружием.

Адыги амазонок называли «емыч», «емыдж». Дюбуа де Монпере в своем «Путешествии по Кавказу» приводит даже какие-то кабардинские предания об амазонках. Это легенды.

Но у адыгов сохранился любопытный обряд — снятие с молодой покрывала. Обряд заключается в следующем: сниматель (мужчина или женщина) осуществлял это действие с помощью стрелы, кинжала, сабли или какого-либо острого предмета. При этом он делал вид, что боится молодую, которая находится под покрывалом. (В прошлом, когда женщин насильно пленяли, под покрывалом, в которое ее заворачивали, она могла оставаться с оружием.)

С. Х. Мафедзев выдвинул гипотезу, что такие элементы адыгской женской национальной одежды, как шапочка (дыщэ пылэ), нагрудные золотые или серебряные украшения (дыщэ щылы), массивный пояс из серебряных пластинок с украшениями (щылы бгырыпх) и нарукавные подвески (лэщхэпыль), были остатками какого-то древнего вооружения: при этом в основе шапочки лежал, быть может, шлем, нагрудных украшений и пояса — кольчуга, панцирь или какие-либо другие древние доспехи, а нарукавных подвесок — латы⁶⁷.

Интересны и некоторые археологические данные. Одним из них является знаменитая могила царицы с маской в Прикубанье, о которой М. И. Ростовцев писал: «Любопытно, что в этом женском погребении найдено также оружие, что, может быть, указывает на меотское происхождение царицы отдаленного отпрыска Амаги и Тиргатао»⁶⁸.

Появление очередной волны ираноязычных кочевников-сарматов оказало значительное влияние на общий ход исторического развития племен Северного Кавказа, однако эти процессы не везде протекали одинаково и в различных районах имели свои локальные особенности, обусловленные природно-географическими факторами, уровнем со-

циально-экономического развития и этническим составом населения, с которым сталкивались новые пришельцы⁶⁹.

В отличие от более восточных районов Северного Кавказа, где местные элементы почти полностью поглощены сарматским, в Прикубанье при скрещении с иранством местная этническая среда вышла победительницей и сама ассимилировала скифо-сарматские элементы. По этому поводу Е. И. Крупнов писал: «Несмотря на кажущуюся значительность переоформления местной материальной культуры в первые века н. э. и даже изменившиеся формы погребального обряда в результате сарматизации края, в Прикубанье процесс скрещивания иберо-кавказской языковой культуры с иранской завершился победой местной этнической основы. Совершенно очевидно, что здесь древняя коренная меото-синдская этническая основа оказалась более устойчивой, чем в центральной части Кавказа. Разумеется, трудно указать подлинные причины, обеспечившие победу местного языка над иранским. Можно лишь предполагать, что эта победа могла быть обусловлена тем, что в Прикубанье оказался более развитым местный язык, богаче словарный фонд, устойчивее его грамматический строй»⁷⁰. Коренное население сохранило свой язык. И это было решающим, так как язык — основной этнографический признак.

По мнению некоторых исследователей, основа единой адыгской народности начала закладываться в I тыс. до н. э. в процессе становления местных культур I тыс. до н. э. (этим вопросом занимались Е. И. Крупнов, Л. И. Лавров и др.). М. И. Лавров писал, что процесс консолидации адыгских племен проходил неравномерно. В I тыс. до н. э., как удалось заметить, этот процесс был наиболее интенсивным у степных меотских племен, которые имели уже общее собирательное имя. Проникновение сарматов, затем нашествие гуннов помешали завершению объединения меотов и возникновению единой адыгской народности. Но этот процесс был продолжен в I тыс. до н. э. При этом, по мнению кавказоведов, в условиях Северного Кавказа, где не было рабовладельческой формации, возникновение древних народностей было обусловлено появлением раннефеодальных отношений. Следующий маленький раздел посвящен вопросу завершения формирования у адыгов единой народности.

¹ Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973. С. 50—63.

² Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // Сов. археология (далее: СА). 1977. № 3. С. 43—138.

³ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1976. С. 376.

⁴ Богазкёй — название турецкой деревни в 150 км от Анкары. В 1906 г. немец Г. Винклер начал систематические раскопки холма Богазкёй. Там оказались руины Хаттусы, центра некогда обширной Хеттской империи. Помимо дворцов здесь был обнаружен огромный архив клинописных документов. Тексты были составлены, в основном, на индоевропейском языке, который занимал более чем 90 процентов. Этот язык был впервые интерпретирован в 1915 г. чешским ученым Бедржихом Грозным. Он именовал вновь открытый язык индогерманским. Однако сквозь тексты, выполненные на индоевропейском, проступал другой язык — язык древнего исконного населения страны хаттов, и те места из текстов, где он встречался, были ясно обозначены как «хаттили», «на хаттском» и само это слово было производным от названия страны Хатти. Ко II тыс. до н. э. язык хатти сохранялся лишь в качестве священного.

⁵ Этот «клинописный» хеттский язык швейцарский языковед Эмиль Форрер именовал «канесский», по названию одного из хеттских центров. Однако термин не прижился. Этот народ уже получил в ученом мире название «хетты». Поэтому древнейшее, аборигенное население (хатты) часто называют «протохеттами» («дохеттами»).

⁶ Дунаевская И. М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа // Сборник в честь акад. И. А. Орбели. М., 1960; *ея же*. Язык хеттских иероглифов. М., 1967.

⁷ Меликишвили Г. А. Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // Вестник древней истории (далее: ВДИ). 1965. № 1. С. 8.

⁸ Ардзинба В. Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии. Послесловие к кн.: Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

⁹ Иванов В. Вс. Об отношении хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 51.

¹⁰ Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 161.

¹¹ Иванов В. Вс. Интерпретация текста хаттско-хеттского строительного ритуала // Текст семантика и структура. М., 1983. С. 16.

¹² Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

¹³ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 19.

¹⁴ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси. 1954. С. 84.

¹⁵ Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 168.

¹⁷ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. С. 77.

¹⁸ Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 19.

¹⁹ Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

²⁰ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

²¹ Герни О. Р. Хетты. М., 1977. С. 121.

²² Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 530.

²³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 78—79, 88.

²⁴ Один из хеттских документов гласит: «Лабарнас — царь богам угоден да будет! Страна принадлежит богу грозы. Небо, земля, войны принадлежат богу грозы. И он Лабарнаса — царя своим наместником сделал, и ему страну Хаттусу целиком отдал. Кто же к нему, Лабарнасу — царю, и к его области приблизится, того бог грозы да поразит!»

²⁵ Налоев А. Х. Нарт Сосруко и бог солнца Ра // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 96—105.

²⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. С. 83—84.

²⁷ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 78.

²⁸ Меликишвили Г. А. Указ. соч. С. 71.

²⁹ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964. С. 123.

³⁰ Там же. 120.

³¹ Бунак В. В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник музея Грузии. Тбилиси, 1947. Т. XIII—А.

³² Алексеев В. В. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974. С. 132.

³³ Там же.

³⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. С. 86.

³⁵ Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. С. 23.

³⁶ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1976. С. 413.

³⁷ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 51.

³⁸ Марковин В. И. Испун — дома карликов. Краснодар, 1985. С. 101—109.

³⁹ Анчабадзе З. В. Очерк... С. 23.

⁴⁰ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971. С. 29.

⁴¹ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. С. 56.

⁴² Шакрыл Е. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов // Уч. зап. Адыг. НИИЯЛИ. Т. 4. 1965.

⁴³ Марковин В. И. Очерк изучения дольменов Прикубанья и Причерноморья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. 3. Майкоп, 1972. С. 42; его же. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

⁴⁴ Цвинария И. Археологические раскопки на поселении Гуандра и разведки в селении Отхара Гудаутского района // Полевые археологические исследования в 1975 г. Тбилиси, 1979. С. 15—17.

⁴⁵ Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 22.

⁴⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Указ. соч. С. 86; Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 22.

⁴⁷ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА СССР. 1951. № 23. С. 124.

⁴⁸ Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик. 1974. С. 103.

⁴⁹ Джавахишвили И. Л. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // ВДИ. 1939. № 4. С. 44.

⁵⁰ Коков Дж. Н. Указ. соч. С. 104.

⁵¹ Упоминаемые античными историографиями названия населенных пунктов: город Тирамба, селение Карокондама и другие имеют местное синдо-меотское (древнеадыгское) происхождение (см.: Крушкол Ю. С. Синдика. М., 1972. С. 104.).

⁵² Анфимов Н. В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья // МИА СССР. М., 1955. № 23. С. 144.

⁵³ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 161.

⁵⁴ Кругликова И. Т. Античная археология. М., 1984. С. 141.

⁵⁵ Максимова М. И. Артюховский курган. М., 1979. С. 22—23.

⁵⁶ Кругликова И. Т. Указ. соч. С. 127; впрочем, надписи говорят о том, что в титуле боспорского царя наименование синдов было обязательным, тогда как другие племена упоминались от случая к случаю, что говорит о большом значении синдских племен в системе Боспорского государства.

⁵⁷ Артамонов М. И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов // ВДИ. 1949. № 1. С. 34.

⁵⁸ Крупнов Е. И. Указ. соч. С. 163.

⁵⁹ Гадагатль А. М. Героический эпос. Нарты адыгских (черкесских) народов. Майкоп, 1987. С. 190—191.

⁶⁰ Там же. С. 174.

⁶¹ Там же. С. 182—183.

⁶² Там же. С. 183.

⁶³ Лесков А. М. Сокровища курганов Адыгеи. М., 1985. С. 20—40.

⁶⁴ Там же. С. 42.

⁶⁵ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 24.

⁶⁶ Шагинов А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. М., 1989. С. 9.

⁶⁷ Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX — начале XX века. Нальчик, 1979. С. 125—126.

⁶⁸ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Ленинград, 1925. С. 248.

⁶⁹ Кереев Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 88.

⁷⁰ Крупнов Е. И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 163.

IV. ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ НАРОДНОСТИ ПОД ГЛАВЕНСТВОМ ЗИХОВ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ АДЫГОВ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

I тыс. нашей эры было временем, когда мелкие племенные языки превращались в более крупные языки народностей в процессе консолидации племен Северо-Западного Кавказа, как следствие становления раннефеодальных отношений.

С начала нашей эры наиболее известным становится одно из адыгских приморских племен под названием зихи. В период продвижения ираноязычных, а затем тюркоязычных кочевников, приморские племена абхазо-адыгов оказались в более выгодном положении, чем степные меоты. Важен и тот факт, что прибрежные племена теснее были связаны с внешним миром, особенно с позднеантичными странами. По этим причинам, надо полагать, зихи начинают играть важную роль в объединительном процессе среди адыгов. Во всяком случае, в I тыс. н. э. античные адыгские племенные наименования Северо-Западного Кавказа исчезают и остается имя «зихи». В I в. н. э. зихи обитали где-то между нынешними городами Туапсе и Гагра, но к V в. территория их расширилась и переместилась на северо-запад. Уже со II в. зихи имели связи с римлянами, номинально признав подданство римского императора.

После VI в. зихи все более усиливаются. Увеличение территории зихов с I в. н. э. объяснялось объединением вокруг них соседних племен и образованием племенного союза, члены которого с течением времени стали называться зихами. Ядром этого союза было племя зихов. Укреплению этого союза содействовали не только внутренние, но и внешние факторы — необходимость совместной вооруженной борьбы с аланами и утигурами (гуннские племена). Авторы VIII в. упоминают «Зикхию» как значительную страну на восточном берегу Черного моря.

Усиление зихов и ассимиляция ими других адыгских племен были проявлением в I тыс. н. э. процесса консолидации племен Северо-Западного Кавказа в единую адыгскую народность. По мнению Л. Лопатинского, в основе самоназвания *адыге* лежит этноним античного времени *зихи* через несохранившуюся промежуточную форму *а-дзыгэ*.

Однако, как это случается часто, адыги были известны в истории и в среде соседних народов не по самоназванию, а по другим именам: *зихи*, *касоги*, *черкесы*. Появление этих имен относится к различным историческим периодам. Этноним *зихи* позднеантичного и раннесредневекового времени. Он упоминался в «Географии» древнегреческого автора Страбона и позднее встречается в сочинениях греко-римских историографов до VI в. Зафиксирован термин *зихи* и в византийской историографии VI—X вв. С XIII в. имя зихи исчезает из письменных источников и появляется термин *черкес*¹.

Этноним *касог* характерен лишь для раннесредневековых, преимущественно византийских и русских источников.

Имя зихи, исчезнув из источников, сохранилось в этнографической действительности: в абхазском слове «Зухуны» — Черкесия, а-зх-уа — черкесы, в грузинском названии абазин *джихи* и т. д.

Зихский племенной союз не мог объединить все родственные абхазо-адыгские племена, по соседству формировались два других племенных союза — абхазский на юге и касожский в Закубанье. Первое упоминание о касогах относится к концу VIII в. По свидетельству арабского путешественника Масуди, писавшего об адыгах как об одном народе, касоги занимали все пространство от р. Лабы (по соседству с аланами) до берегов Черного моря и говорили на одном языке. Единым народом считали адыгов и авторы русских летописей, которые, начиная с X в. и до середины XIII в., называют их *касогами* (касоги русских летописей также зихи).

Таким образом, адыги как единая народность с единым языком в основном сложились к X в.

Для темы происхождения адыгов и всех северокавказских автохтонов большое значение приобретают вопросы — как отразилось на их развитии включение культуры пришельцев, привело ли это к изменению физического типа населения, языка и пр.? Особенно: как оценить вклад ирано- и тюркоязычных племен в окончательный процесс формирования северокавказских народов в эпоху средневековья? В

чем проявляется непрерывная культурная традиция аборигенного населения и каков механизм внедрения в нее чуждых элементов?

Эти вопросы достаточно сложные, не нашедшие пока удовлетворительного объяснения. Это касается также адыгов. Но даже поверхностные наблюдения над развитием материальной и духовной культуры адыгов отражают реальную политическую и этническую ситуацию на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья. Влияние различных этносов на культуру и быт адыгов вполне очевидно. Мы ограничимся кратким упоминанием о существовании основных направлений этих связей.

Уже было отмечено, что племена Северо-Западного Кавказа с I тыс. до н. э. установили в разных формах контакты со степными киммерийцами и скифами, а с III в. до н. э. и с сарматскими ираноязычными племенами. В начале н. э. в Приазовье возникает аланский союз племен. Античные историки связывают их с более древними племенами — савроматами (сарматами), массагетами (например, Дион Кассий, А. Марцеллин). Сарматское происхождение алан считается несомненным. Аланы, выступившие позднее на историческую арену, составляли политическую и военную силу внутри более обширного сарматского союза племен уже в III—II вв. до н. э. Аланы выделились в последние века до н. э. из среды сарматского населения и поселились в I в. н. э. (по сведениям римских и византийских источников) в Приазовье и Предкавказье. Из районов Прикаспия аланы распространились в I в. н. э. в Придонье, Прикубанье и в районы Центрального Кавказа. Основная история алан связана с Кавказом. После гуннского нашествия в 375 г. н. э. основная часть алан переселилась из донских степей на юг в предгорья Центрального Кавказа, где сложилось объединение аланских и местных кавказских племен (Алания), которое просуществовало до нашествия монголо-татар в 1222 г.

Из всех сарматов античные историки выделяли аланов, говоря об их воинственности, отмечая чрезвычайную эффективность их конницы и военной тактики.

Поселившись в I в. н. э. в Приазовье и Предкавказье, аланы пытались проникнуть на юг от Кавказа, совершали опустошительные походы в Закавказье, Малую Азию и Мидию. Античные, грузинские и армянские источники того времени часто повествуют и о том, что джики (т. е. «зи-хи» — адыги) вместе с другими северокавказскими племенами — аборигенами принимали участие в грабительских

набегах на Армению и страны Передней Азии. Аланы весьма активно осуществляли свою политику на Северном Кавказе. По словам римского историка А. Марцеллина, аланы постепенно изнуряли соседние племена и народы, и распространяли на них название своей народности. В начале II в. аланы играли заметную роль в политической жизни Боспора — наместниками Европейского и Азиатского Боспора были аланы².

Судя по всему, аланы действительно представляли собой грозную силу, о чем античные авторы часто упоминают в догуннское время.

Усиленное проникновение алан на Кубань относится, по-видимому, ко II в. н. э. Под их давлением оседлое адыгское население по правобережью реки Кубани оставляет насиженные места и уходит в Закубанье. Но и аланское могущество вскоре было временно прервано. Как уже отмечалось, это было связано с вторжением гуннов в конце IV в., которое имело для алан чрезвычайно тяжелые последствия. В 371 г. аланы были разбиты гуннами и большая их часть переселилась на юг, к Предгорьям Центрального Кавказа. Примерно с V в. в основном известна лишь предкавказская часть алан, сыгравшая впоследствии значительную роль в этногенетических процессах и в целом в истории Северного Кавказа.

Советские и зарубежные историки не отрицают самую тесную связь современных осетин с аланами, с аланским государственно-племенным объединением. Часть местных племен то ли в силу более интенсивного контакта с аланским населением, то ли вследствие других, пока неясных причин потеряла свой язык и восприняла ираноязычную речь, что естественно способствовало возрастанию роли аланской культуры в формировании культуры осетинского народа³. Исследователи, однако, не ставят вопрос о происхождении одних только осетин от алан. Элементы аланской материальной культуры, языка и пр., хотя и в значительно меньшей степени, прослеживаются и у других народов Северного Кавказа.

В связи с этим приведем слова известного алановеда В. А. Кузнецова. «Вместе с тем, — пишет он, — было бы неверным считать, что средневековые аланы имеют генетические и культурно-исторические связи только с осетинским народом. Оставаясь для осетин основными и прямыми предками, аланы в то же время в той или иной мере приняли участие в формировании этноса и культуры некоторых других ираноязычных народов Северного Кавказа;

аланская проблема для Северного Кавказа является проблемой интернациональной, важной для истории не только осетин»⁴.

Аланы, по-видимому, оказали значительное влияние на аборигенное население. По мнению исследователей, в этот период на Северном Кавказе зарождаются общие элементы культур у северокавказских народов, например, основные типы частей костюма, позднее ставшего общекавказским: черкеска, бешмет, ноговицы и пояс и т. д.

Но все же местное северокавказское население сохранило свою этническую самостоятельность, что, однако, справедливо только по отношению к тем древним племенам, которые впоследствии дали начало носителям нахских языков, абхазо-адыгским группам⁵.

Как отмечал Е. И. Крупнов, в Прикубанье аборигены — адыги не инфильтровались в аланскую среду, как на территории Центрального Предкавказья, а наоборот, ираноязычные аланы ассимилировались с аборигенами — адыгами.

Как уже об этом говорилось, адыгское население имело возможность уходить на левобережье Кубани, избегая прямого столкновения с воинственными кочевниками, а те аланы, которые все же проникли в местную среду, были ассимилированы сильными и многочисленными меотскими племенами. Иная картина наблюдалась на Центральном Предкавказье, где остатки старого кобанского, аборигенного населения были просто «подавлены» пришлыми иранцами.

Определенное воздействие алан на культуру адыгов, однако, отрицать не следует. Например, во всех абхазско-адыгских языках зафиксировано некоторое число аланизмов (т. е. староосетинизмов), которые должны были проникнуть в них до XIII столетия⁶.

Из народов Северного Кавказа только осетины сохранили иранскую речь, но известно, какую роль сыграли аланы в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Существует даже аланская версия их происхождения. Вопрос об отношении алан к балкарцам и карачаевцам является более сложным, и на нем мы останавливаться не будем. Есть мнение, что вклад исторических алан в этногенез того или иного народа Северного Кавказа еще требует всесторонней научной оценки, но и для осетина, и для балкарца, и для карачаевца наших дней нет сомнения в том, что аланы — их предки⁷. Во всяком случае, это справедливо по отношению к осетинам.

Еще меньшую роль в формировании адыгов играли связи с другими народами. 370 г. явился началом новой эпохи в истории населения степей южной части Восточной Европы. Неисчислимые орды Гуннского союза племен, по словам А. Марцеллина, «этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, достиг аланов». И в 375 г. гунны, перейдя Волгу, обрушились на аланов и сарматов. Первой их жертвой стали приазовские аланы, часть которых (предки осетин) спаслась в горах и предгорьях Центрального Кавказа.

Преследуя уцелевших алан, которые, спасаясь, устремились на Северный Кавказ, часть гуннов, пройдя через Прикубанские степи, разорила земли меотов, а затем двинулась к Черному морю и Керченскому проливу. Проникнув на Таманский полуостров, кочевники подвергли уничтожению часть городов и жителей Боспора (Кепы, Фанагория, Гермонасса и др.). Гунны прошли также по территории Синдики, разрушая города и села. Все это хорошо прослеживается по археологическому материалу (следы пожаров, разрушений и внезапного ухода населения, останки погибших и т. д.). Некоторые из разрушенных городов больше не возрождались (например, Кепы — небольшой город на восточном берегу Таманского залива). Некоторые города, правда, снова возродились, но это происходит уже в эпоху раннего средневековья. Отстраивается потом и продолжает существовать в период средневековья главный город Боспорского государства — Пантикапей (на территории современной Керчи).

Тем не менее последствия гуннского нашествия оказались губительными для Боспора и Синдики. После этого потрясения они не оправились.

Вторжение гуннов из Азии в Европу имело грандиозные последствия. Оно коренным образом изменило облик южной части Восточной Европы⁸. Произошло массовое передвижение народов, которое явилось важным этапом в сложении многих современных народов, а в степях Европы положило конец многовековому преобладанию иранцев и открыло не менее длительный период движения из Азии на запад тюркоязычных кочевников. Полоса нашествий этим не оборвалась. За первой волной гуннов шли авары, следом болгары, затем хазары, потом венгры, впоследствии печенеги и половцы (кипчаки). В степной полосе преобладающее значение заняли тюркоязычные племена. На стра-

нищах византийских и кавказских хроник запестрели имена различных племен: акациры, барсилы, сарагуры, савиры, алциагиры, авары, утигуры, болгары, хазары — это далеко не полный перечень постоянно враждующих и воюющих между собой племен⁹.

В начале V в. центром гуннского объединения стала Панония (Венгрия), но гунны удерживали за собой Причерноморье и Северный Кавказ, т. е. Азово-Каспийское междуморье входило в сферу державы европейских гуннов. В V—VI вв. на Северном Кавказе происходят сложные этнические и политические процессы. Здесь рано обосновалась часть гуннов. Впрочем, на Северном Кавказе среди этносов, называемых источниками, были общности, возникшие на основе угро-тюркских племен, и общности, уцелевшие от сармато-аланов. Это совместное существование разноэтничных племен и союзов (явление, характерное не только для Кавказа, но и для других регионов Европы того времени) создавало основу их будущих консолидаций и этнического взаимодействия¹⁰. В это время в предгорной полосе Западного Предкавказья находились области адыгов («джиков», как их именуют источники), в центре расселились *осы* (осетины). К востоку от них в степи находились кочевья савиров (гуннское племя). В горах за ними обитали *дурдзуки* — предки вайнахов (чеченцев и ингушей). К северу от Кубани распространились *оногуры* и *болгары*. Армянские и грузинские источники говорят о постоянных взаимодействиях этнических общностей Северного Кавказа. Аланы, гунны и местные кавказские народы, хотя и представляют в это время конгломерат разноразличных родоплеменных групп, но действуют чаще всего совместно¹¹.

Среди многочисленных пришельцев в IV—VII вв. в исторических источниках упоминаются также болгары. Первые достоверные сведения о них относятся к концу V в. Болгары, прийдя с востока, обосновались в Приазовских степях. Часть болгар проживала в непосредственном соседстве с предками адыгов (на Тамани и в Приазовье). Правителем Болгарии был хан Кубрат. Столицей болгар стала разграбленная в IV в. античная колония Фанагория, которая в VII в. начала вновь застраиваться. Но это объединение оказалось непрочным и быстро распалось под ударами другого объединения — Хазарского каганата в Приморском Дагестане. Часть болгарских племен осталась на Северном Кавказе и подчинилась хазарам. Часть откочевала к северу и появилась в Среднем Поволжье, а другая часть во главе с ханом Аспарухом перешла Дунай и

ассимилировалась со славянами. После разгрома хазарами Болгарии часть болгар двинулась на Северный Кавказ, где жили аланы вместе с кавказскими автохтонами. Археологические и другие данные, например, говорят в пользу проникновения болгар в Пятигорье и в некоторые восточные районы Карачаево-Черкесии. Есть основания говорить о некотором участии болгар в этногенезе балкарцев, хотя, как считают, вряд ли это участие было особенно значительным.

Еще меньшее значение сыграли болгары для исторического развития адыгов, хотя определенное воздействие докипчакских тюрок на культуру, язык и быт населения Северо-Западного Кавказа отрицать нельзя. Прежде всего, исходя из археологических данных, следует констатировать тот факт, что оседлое земледельческое население на правом берегу Кубани (в лице адыгов и остатков сармат) продолжает в основном существовать только до III — начала IV вв. н. э.¹² Это было связано с продолжавшимся продвижением алан, а затем тюркских кочевников. Южная волна гуннов, которая прокатилась через северокавказские степи, привела к окончательному уничтожению остатков оседлого населения (если таковое еще оставалось) на правом берегу Кубани и в Восточном Приазовье. Адыгское и частично сарматское население правобережья Кубани покидало насиженные места и переселялось в Закубанье.

Пребывание болгар на Северо-Западном Кавказе и в Крыму прослеживается по источникам примерно до X в. Большая часть болгар на Северо-Западном Кавказе к тому времени успела уже ассимилироваться с другими народами.

В середине VI в. на равнинах Восточной Европы появились авары (народность тюркского происхождения), которые также не сыграли заметной роли в Причерноморье и не имели значения в формировании адыгов. В VII—X вв. хазары владели Северным Кавказом и адыги (хотя бы частично), как и другие народы, вошли в состав каганата.

Народный фольклор говорит о военных столкновениях хазар с адыгами. С этого времени (конец VII в.), по-видимому, связи адыгов с тюркскими племенами стали более тесными. По мнению А. К. Шагирова, в связи с этим уместно вспомнить об адыгском «къэзэр», означающим «скупой, скряга», «продающий по высокой цене, дорого запрашивающий за свои товары и неуступчивый в цене» (хазары являлись торговыми посредниками между Востоком и Западом).

Определенное влияние докипчакских тюрков заметно по некоторым лингвистическим, топонимическим и другим материалам. Среди различных заимствований в абхазо-адыгских языках наиболее значительный пласт составляют тюркизмы¹³. Языковые контакты адыгов и тюрков были обусловлены вышеизложенными историческими событиями, и, по мнению Дж. Н. Кокова, начало проникновения тюркизмов к адыгам увязывается с приходом гуннов еще с IV в. и с захватом хазарами Северо-Западного Кавказа (конец VII в.). Конечно же тюркизмы в адыгский язык и топонимию могли проникнуть и позже, в период пребывания на Северном Кавказе кипчаков (половцев), ногайцев и др.

Дж. Н. Коков приводит некоторые тюркские по происхождению слова, известные адыгам в качестве топонимов: аргъуей — «комар», аргъей — «лосось», хъарбыз — «арбуз», къамыл — «камыш», тенджыз — «море», дамыгъэ — «клеймо», уэтэр — «жилище пастухов» и др. Целый ряд терминов устойчиво употребляется в адыгских названиях: къыр (кыр) — «скалистое место», арыкъ (арык) — «сухой овражистый массив», гуэл (кель, куль) — «озеро», бырун (бурун) — «нос», мыс, выступ и др.¹⁴

Тюркизмы прослеживаются в этнонимах, названиях животных и растений, возникших в адыгских языках при контактах с тюркскими племенами.

Вопросы этнической терминологии Северного Кавказа составляют один из важных моментов сложной проблемы этногенеза и этнической истории народов этой территории. В этом плане большое значение имеет изучение адыгских этнических наименований, известных в кавказоведческой литературе для обозначения западных адыгов и кабардинцев. Примерно с 40-х годов XIII в. в источниках появляется слово «черкас» (джеркас). В языке адыгов термин «черкес» существует как «шэрджэс». В исторической литературе он является синонимом «адыг».

Появление этого термина Н. Г. Волкова связывает с историческими событиями той эпохи. В новых условиях, после нашествия монголо-татар, изменившего политическую ситуацию и этническую карту Северного Кавказа, с 40—50-х годов XIII в. источники нередко фиксируют этнические названия как бы сквозь призму тюркских языков, носители которых были ближайшими соседями северокавказцев. Автору представляется вероятным, что этноним черкес, возникший в среде тюркоязычного населения для обозначения адыгов, был воспринят другими народами и прочно

вошел в европейскую и восточную литературу¹⁵.

Трудно сказать, насколько это суждение соответствует действительности. Исследователи дают иные объяснения этнонима черкес, в частности, его связывают с более древними наименованиями адыгов — «кашки» (каска), «керкеты». По признанию лингвистов, «керкеты» античных историкографов (более поздняя форма — «черкений») не что иное, как современные черкесы. Принято считать, что термин «керкет» и «черкес» тождественны — в греческом алфавите не было обозначения звука «ч», оно было заменено буквой «к». Но опять приходит на ум, что этноним черкес сменил предшествующие ему этнические названия зихи и касоги именно в XIII в., в период уже господства в восточноевропейских степях тюрков и монголо-татар. Все это дает повод для сомнений. Впрочем, над такими вопросами исследователям придется еще поразмышлять.

Адыги находились под влиянием не только беспокойного степного мира. В VI в. абхазы и адыги подчинились Византийской империи. Методы византийской колонизации наряду с военно-политическими сочетали торговые и религиозные влияния.

Начало сильного политического и культурного влияния Византии на Западный и Северо-Западный Кавказ относится к эпохе императора Юстиниана (525—565), при котором Византийская империя достигла большого могущества. К этому времени относят начало обращения в христианство прибрежных адыгов и появление на Кавказе греческих миссионеров. Христианские священники — шогени (шэуджэн), упоминаемые в адыгских сказаниях, принимали активные меры к распространению христианства греческого толка. Память о греко-византийцах сохранилась у адыгов еще в XIX в. Это доказывается наличием некоторых христианских элементов в верованиях адыгов. Существовали предания о пребывании среди адыгов греков — «урыма», принесших им христианство.

Адыгейские «бэрскэшху» и «бэрскэжьый» происходят от греческих «пятница» и «среда» (т. е., очевидно, «пятница» и «среда», как два постных дня недели). Слово «бэрскэшху» означает «большая или великая пятница», а «бэрскэжьый» — «малая пятница». Часто указывают на связь греческого «псюхе» — душа с адыгским «псэ», с тем же значением. Адыги поклонялись Аус Гергу (греч. Иисусу).

Греко-византийские связи внесли в адыгскую среду имена девы Марии, Ильи и святого Георгия. Имя Георгия, который покровительствовал военным подвигам, скотовод-

ству, охоте, адыги произносили по-разному: Аушджэрджий, Аушуджэр, Ауджэдж. По-видимому, кабардинское имя Тауш-Джэрджий тоже имеет подобное происхождение.

К христианскому пророку Илье (Елэ), как пишет А. Т. Шортанов, обращались во время «Щыблэ удж» (ритуальный танец по поводу грозы, грома и молнии). По мнению того же автора, Мэрем у адыгов означает христианскую богородицу Марию. Еще древние греки считали пчел нимфами — Нимфа Мелисса почиталась родоначальницей пчел. С точки зрения А. Т. Шортанова, не приходится сомневаться в том, что адыгская Мерисса (по транскрипции Дюбуа де Монпере) и производные от нее — Мерием или Марем явно греческого происхождения.

Известно, что у кабардинцев величайшим уважением пользовалось городище Татартуп (татарский холм) на левом берегу Терека, где исследователи когда-то обнаружили на стене изображение Богородицы и Иоанна Крестителя. Клятва, произнесенная при Татартупе, считалась священной. Здесь происходили жертвоприношения.

Есть сведения, что западные адыги поклонялись священным деревьям под названием панжассан (по транскрипции Пейсонеля), который происходит от греческого слова панагия (пресвятая) или Богородица.

Не следует, однако, идеализировать принятие христианства адыгами. Традиционно оставаясь язычниками, они плохо воспринимали монотеизм. Если рассмотреть известный материал более детально, все больше и больше приходишь к выводу о слабом значении вообще христианства (и даже ислама на первых порах) у адыгов. Надо полагать, новая религия охватила по-настоящему лишь прибрежное население, например, жителей Таманского полуострова, и в основном только верхушку общества. Но и в тех местах, где христианство проникало, наблюдалось своеобразное совмещение новой идеологии со старой языческой. Все данные (письменные и археологические) говорят о синкретизме у адыгов.

Дюбуа де Монпере в своем труде «Путешествие по Кавказу» вполне резонно замечает, что «всегда новая религия прививается на старую, и проповедники новой системы вынуждены мириться с подобным смешением из политических соображений, чтобы не напугать население, не склонное сразу же воспринимать нововведения». «У черкесов, — продолжает де Монпере, — только князья и знать являются мусульманами и соблюдают его обряды, но де-

лают они это для очистки совести, без всякого рвения и зачастую посмеиваются над этими религиозными церемониями.

Народ же фактически является языческим. Черкесы с побережья все еще по традиции празднуют Пасху, хотя уже не помнят, в честь чего этот праздник... У них есть деревья, отмеченные крестом, которые они почитают...; в определенные дни перед этими деревьями бывают религиозные празднества. Их жрецы и священники, избираемые из числа старейшин, раздавали присутствующим мясо и относили его больным и беднякам... Эти жрецы не умели ни читать, ни писать и ограничивались тем, что повторяли некоторые формулировки из молитв, которые они затем передавали своим преемникам в том виде, в каком они слышали их от своих предшественников».

Француз Тебу де Мариньи о религии западных адыгов выразился так: «Культ черкесов — это машинальное соблюдение смеси из языческих и христианских обрядов, лишившихся их истинного содержания в силу давности и незнания».

Другой французский путешественник Тавернье (1605—1689) писал о черкесах: «Эти народы, собственно говоря, ни христиане, ни магометане, а вся их религия заключается собственно в нескольких обрядах, которые они выполняют время от времени со всей возможной торжественностью...» «Вера черкесов почти языческая», — сообщает немецкий путешественник Адам Олеарий (1600—1671) о кабардинцах. «Священники у них служат по-своему, (употребляя) греческие слова и начертания, не понимая их смысла», — читаем мы у итальянского путешественника и географа Джоржио Интериано.

В полном соответствии с этими высказываниями находятся материалы из погребальных памятников, изученные самым обстоятельным образом. Весь ритуал и погребальный инвентарь свидетельствует о языческой религии адыгов в течение всей эпохи раннего средневековья. Но подмечены интересные факты. В средневековом погребальном ритуале кабардинцев, например, сохранилась одна любопытная деталь. Это деревянные колоды, в которых обычно лежат умершие. В ученой среде их часто принимают за гробы. Некоторые исследователи (Марковин В. И., Тменов В. Х.), однако, готовы считать, что каждая колода — это своеобразная ладья, с помощью которой умершие должны плыть по рекам и морям загробного мира. Эти колоды — ладьи являются своеобразным воспоминанием о

былой, реальной жизни близ моря, о реальных морских передвижениях.

Чтобы завершить разговор об адыго-греко-византийских связях, стоит вспомнить, что адыгский фольклор даже XIX в. содержит сведения об императоре Юстиниане, на которые обратил внимание Ш. Ногмов: «Греческий император Юстиниан, — писал он, — по сказанию старцев Юстин или Юстук, был союзником адыгейского народа и даже называл себя адыгейским витязем. С помощью наших предков он одолел врагов империи... После того Юстиниан обратил милостиво внимание на адыгов и стал прилагать старания к обращению их в христианство. Имя Юстиниана было в таком уважении между адыгами, что для подтверждения своих слов народ клялся юстиниановым троном». Период наиболее сильного византийского влияния на адыгов продолжался с VI до начала VIII в.

Кроме религиозного и политического, влияние греков на адыгов заметно и по языковым данным. На это указал лингвист А. К. Шагиров в работе «Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков» (М., 1989). Например, адыг.: хъэдан, каб.: хъыдан, «кусоч материи, тряпка» — из греч.: хитон «нателная одежда», преимущественно из льняной ткани; (вообще) одежда, платье, полотнище; адыгск.: пIастэ (крутая каша из кукурузной муки или пшена), скорее всего, из ср.-греч.: «паста» — «ячменная каша с сыром», абаз.: матва — «тесто», адыг.: мэджа, каб.: мэжаджэ (чурек, хлеб из кукурузной муки), можно сравнить с греческим «маза» — «тесто, лепешка, ячменный хлеб».

Некоторого внимания заслуживают адыго-грузинские и адыго-армянские связи в эпоху средневековья. По грузинской летописи, 6-й вселенский собор в Константинополе в 656 г. подчинил мцхетскому патриарху Адыгею. Однако отношения Грузии с адыгами в этот период были sporadическими. Дело ограничивалось отправлением к мцхетскому патриарху адыгских пастырей (они были греки, а не грузины) для рукоположения в священники.

В 1064 г. Армения была захвачена турками-сельджуками. После этого часть армян переселилась в Причерноморье и Прикубанье. С тех пор установились тесные адыго-армянские связи. Армян, проживавших среди адыгов, называли «черкезогай», или «черкесо-гаи», т.е. черкесы-армяне. Расселившись среди адыгов, армяне жили целыми селениями и пользовались благорасположением коренного населения. Значительное число армян проживало среди темиргоевцев, бжедугов и шапсугов.

Эти армяне, находясь среди черкесов, постепенно утратили свой национальный облик, забыли даже родной язык и говорили на адыгском, соблюдали адыгский этикет. Они во всем стали похожими на адыгов и сохранили лишь христианскую веру.

В настоящее время черкесо-гаи (адыгские армяне) проживают в ауле Бжедугабль Адыгейской АО и в г. Армавире (около 100 семей).

Значение для адыгов имело раннее общение со славянами. Вопрос об адыго-славянских отношениях тесно связан с проблемой о славянском населении в Приазовье. Согласно некоторым данным, уже во второй половине I тыс. н. э. на юго-востоке СССР находилось славянское население. Известный исследователь П. Н. Третьяков писал о том, что донецкие славяне издавна проникали на юг — на Тамань и Крым и что те, правда, крайне неопределенные и спорные следы славянской культуры, которые обнаруживаются археологами по обоим берегам Керченского пролива, принадлежали именно им¹⁶. С 988 г. по 1094 г. в источниках фигурирует название Тмутаракани как центра одноименного княжества. Тмутаракань вошла в состав Руси около 944 г. после разгрома Хазарского каганата киевским князем Святославом (хазарский город Таматарха стал затем русской Тмутараканью). Город был расположен в устье Кубани на Таманском полуострове (ныне станица Тамань). Территория Тмутараканского княжества охватывала Восточный Крым, Таманский полуостров и, возможно, низовья Кубани. На ее территории проживали славяне, греки, адыги, аланы, армяне и другие народы. Тмутаракань была важным торговым пунктом. Здесь сходились торговые пути.

По летописи 988 г., князь Владимир посадил в Тмутаракани своего сына Мстислава, но зависимость Тмутаракани от Киева была лишь номинальной. Факты свидетельствуют о связи Тмутаракани с Черниговым.

Касоги состояли в дружине чернигово-тмутараканского князя Мстислава и принимали участие в походах XI в. против князя Ярослава Мудрого.

Но не только в военных столкновениях и участии в походах выражались адыго-славянские связи. По археологическим материалам заметны следы влияния Киевской Руси на адыгов. Некоторыми археологами (например, Е. П. Алексеева) высказано предположение, что в инвентаре и обряде погребения адыгских могильников IV—IX вв. имеются элементы славянской культуры, например, случаи крема-

ции (трупосожжения) в захоронениях VI—VII вв.¹⁷

С ослаблением Киевского государства русские князья теряют Тмутаракань. Это произошло в конце XI—начале XII в. С 1094 г. город больше не упоминается в летописи. Кипчаки (половцы) отрезали Тмутаракань от Руси. Славянское население на Северо-Западном Кавказе смешалось полностью с адыгами.

С XI до XIII в. византийское и славянское влияние перекрещивается с грузинским. Адыго-грузинские связи восходят к отдаленному периоду. После Византии в адыгской среде христианство поддерживалось влиянием Грузии.

Отношения Грузии с адыгами, однако, носили, как уже отмечалось, нерегулярный характер. Если сравнить византийское культурное воздействие с грузинским, то следует признать, что влияние греков на прикубанских адыгов было более длительным и глубоким. И только в XI—XIII вв. влияние Грузии начало преобладать над византийским.

Со второй половины XIII в. и почти до конца XV в. на процесс культурно-исторического развития адыгов определенное влияние оказывали генуэзцы, так как Северное и Восточное Причерноморье являлись в указанное время важнейшими объектами колониальной экспансии Венеции и Генуи. На землях адыгов наиболее крупными генуэзскими колониями были Матрега (бывшая Тмутаракань), Коппа, Мапа. Население состояло из итальянцев, греков и адыгов.

С XIII в. внешняя торговля адыгов сводилась в основном к торговле с Генуей, а затем с Турцией. Генуэзцы часто поднимались на своих судах вверх по реке Кубани. В 280 итальянских милях от устья реки в начале XIV в. была основана колония Коппа недалеко от нынешнего г. Славянска — на Кубани.

Итальянцы разными методами насаждали католицизм. В начале XIV в. миссионер Франческо да Камерино обратил в католицизм адыга Верзахта, занимавшего пост наместника в г. Воспоро (Керчь). Сам Верзахт пытался в свою очередь распространить католическую веру среди местного населения. Л. И. Лавров в работе «Кабардино-адыгская культура XIII—XIV вв.», ссылаясь на таких авторов, как Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, приводит данные о том, что папа Иоанн XXII в специальном послании к Верзахту в 1333 г. благодарил его за «усердие». В 1346 г. папа Климент VI назначил францисканца Иоанна католическим епископом в Матрегу. В 1439 г. на адыгской территории были учреждены две епископские и одна архиепископ-

ская (в Матреге) кафедры. Однако католическая проповедь среди адыгов особого успеха не имела. По мнению Л. И. Лаврова, она оказалась слишком слабой в столкновении с более старинными и более сильными древними адыгскими верованиями. В своей католической пропаганде миссионеры прибегали даже к насильственным методам. Если верить Иосафату Барбаро, католические монахи покупали адыгских детей и насильственно обращали их в свою веру.

Однако в течение XIII—XIV вв. адыгская речь восприняла некоторое количество итальянских терминов. Этому способствовали, прежде всего, торговые связи с венецианцами и генуэзцами. Адыгское слово «сом», означающее ныне «рубль», происходит от итальянского «сомма», которое, в свою очередь, происходит от латинского «сумма».

Итальянцы конечно же преследовали, главным образом, экономические, торговые интересы.

На Черноморском побережье важнейшими генуэзскими колониями были Мапа (на месте античного города Горгии, ныне город Анапа), Колос-лимен (Новороссийск).

Генуэзцы вели с черноморскими адыгами выгодную для себя торговлю. О торговых связях с Италией свидетельствуют памятники материальной культуры, найденные на территории адыгов: венецианское стекло, бархатные ткани, парча из Италии и др. Объектами внешней торговли являлись прежде всего соль, оружие, предметы роскоши.

Вывозились хлеб, бараньи шкуры, меха, воск, мед и другие продукты. Главная статья экспорта — рабы. Уже с античной эпохи предки адыгов были втянуты в международную торговлю невольниками. «Во все времена древняя Зихия, нынешнее побережье Черкесии и Абхазия были рынком работорговли, — писал Дюбуа де Монпере, — это длится уже тысячелетиями; можно сказать, что миллионы жителей были таким образом проданы и увезены в другие края. Если бы я смел судить о путях господних, я бы сказал, что Провидение пожелало возродить, обновить другие, деградировавшие расы, смешав их с прекрасной черкесской расой; но нам ли судить о деяниях высшего разума.

Страбон, Прокоп, Интериано и все современные авторы говорят об этой работорговле. Подобная торговля стала необходимостью у этих народов, однако существуют известные пределы, которые черкесы не переступают».

Чаще всего «живой товар» поставляли монголо-татары, совершавшие набеги на соседние народы с целью захвата пленных и продажи их итальянским купцам. Среди рабов-

военнопленных часто оказывались адыги. Но и адыгские феодалы не отказывались от продажи в рабство своих подданных соплеменников.

Из источников видно, как высоко ценились рабы черкесы и черкешенки. Все европейские авторы, посещавшие земли адыгов, отмечают красоту черкесов и черкешенок. «Эти зихи, — писал Дж. Интериано, — по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей, (отличающихся) величественной наружностью между мамлюками и эмирами, большинство которых, как было сказано, из их племени. То же самое (следует) сказать об их женщинах...»¹⁸

Эмиддио Дортелли д'Асколи, возглавлявший миссию в Каффе (генуэзская колония), писал о черкесах: «Их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами всадники стройны, изящны и тонки в поясе; у них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми женщинами в мире»¹⁹.

К. Пейсонель — видный французский ученый, дипломат (1727—1790) писал: «Торговля рабами в Крыму очень значительна: продают рабов четырех различных народностей — черкесов, грузин, калмыков и абазов (абхазы). Наибольший спрос существует на черкесов; женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Мужчины также почти все высоки ростом и хорошо сложены»²⁰.

Генуэзские города-колонии Причерноморья являлись по своему составу многонациональными. В некоторых городах, например, в Матреге и Копе, проживало адыгское и греческое население. Генуэзская колониальная политика на Северо-Западном Кавказе встречала противодействие адыгов.

Таким образом, древние племена Прикубанья, среди которых на первое место следует поставить меотов, а позже зихов и касогов, явились ядром, из которого сформировались адыги. Л. И. Лавров, занимавшийся исследованием проблемы этно- и топонимики Северо-Западного Кавказа, отмечал, что «сравнение большого многоязычия в прошлом и существование небольшого числа языков на этой территории в XIX в. показывает, что в течение последних двух тысяч лет здесь произошло уменьшение многоязычия». «Процесс складывания языков и народов на Северо-Западном Кавказе, — писал Л. И. Лавров, — если брать его в целом, представляется в следующем виде: сперва увеличе-

ние числа языков и говоривших на них этносов (в результате дробления родов и племен), а потом сокращения их (в результате слияния племен в народности)».

Таким образом, как уже сказано выше, основы будущей адыгской народности начали формироваться в I тыс. до н. э. Этот процесс продолжался и в первые века I тыс. н. э. (под воздействием иных этнических групп — иранских и тюркских). Процесс консолидации в I тыс. до н. э. и позже наиболее интенсивно проходил у меотских племен. Они уже имели общее собирательное название «меоты». К этому времени коренное население успело ассимилировать и сарматское племя сираков. Продвижение алан, затем нашествие гуннов помешали не только завершению объединения меотов в единую народность, но и поставили их в трудное положение. Уже с конца II в. н. э. меоты вынуждены переселиться в Закубанье, где они продолжают жить вместе с родственными адыгскими племенами в эпоху раннего средневековья. Меоты и зихские племена и стали в дальнейшем основой адыгской этнической общности.

Но прибрежные племена в период нашествия кочевников оказались в лучшем положении, чем степные меоты. Поэтому адыгское племя зихов стало стержнем, вокруг которого стали объединяться автохтоны Северо-Западного Кавказа.

Вследствие притока иноязычного населения (главным образом говорившего на иранском и тюркском языках) создавалась сложность и пестрота этнической ситуации, отдельные районы Северного Кавказа оказались под сильным влиянием иных культурных традиций. Мирные контакты или недружественные столкновения с пришельцами по-разному отразились на Северном Кавказе. В центральных областях влияние кочевников не только заметнее, здесь полностью изменилась этническая карта. Значительно меньше затронули нашествия степняков территорию расселения адыгов. Население здесь сумело по разным причинам сохранить этническую самостоятельность. Оно покидало насиженные места и отходило в предгорную и горную зоны (как, впрочем, и племена — предки вайнахов). А кочевники никогда не стремились в горы — там нет условий для кочевого скотоводства и не всегда там можно содержать скот круглый год на пастбищах.

Археологические, этнографические и антропологические материалы если и дают какие-то изменения в материальной и духовной культуре и антропологическом типе, то не настолько существенные, чтобы можно было говорить о

военнопленных часто оказывались адыги. Но и адыгские феодалы не отказывались от продажи в рабство своих подданных соплеменников.

Из источников видно, как высоко ценились рабы черкесы и черкешенки. Все европейские авторы, посещавшие земли адыгов, отмечают красоту черкесов и черкешенок. «Эти зихи, — писал Дж. Интериано, — по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей, (отличающихся) величественной наружностью между мамлюками и эмирами, большинство которых, как было сказано, из их племени. То же самое (следует) сказать об их женщинах...»¹⁸

Эмиддио Дортелли д'Асколи, возглавлявший миссию в Каффе (генуэзская колония), писал о черкесах: «Их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами всадники стройны, изящны и тонки в поясе; у них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми женщинами в мире»¹⁹.

К. Пейсонель — видный французский ученый, дипломат (1727—1790) писал: «Торговля рабами в Крыму очень значительна: продают рабов четырех различных народностей — черкесов, грузин, калмыков и абазов (абхазы). Наибольший спрос существует на черкесов; женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире; прелесть их внешнего облика и естественная грация очаровывают. Мужчины также почти все высоки ростом и хорошо сложены»²⁰.

Генуэзские города-колонии Причерноморья являлись по своему составу многонациональными. В некоторых городах, например, в Матреге и Копе, проживало адыгское и греческое население. Генуэзская колониальная политика на Северо-Западном Кавказе встречала противодействие адыгов.

Таким образом, древние племена Прикубанья, среди которых на первое место следует поставить меотов, а позже зихов и касогов, явились ядром, из которого сформировались адыги. Л. И. Лавров, занимавшийся исследованием проблемы этно- и топонимики Северо-Западного Кавказа, отмечал, что «сравнение большого многоязычия в прошлом и существование небольшого числа языков на этой территории в XIX в. показывает, что в течение последних двух тысяч лет здесь произошло уменьшение многоязычия». «Процесс складывания языков и народов на Северо-Западном Кавказе, — писал Л. И. Лавров, — если брать его в целом, представляется в следующем виде: сперва увеличе-

ние числа языков и говоривших на них этносов (в результате дробления родов и племен), а потом сокращения их (в результате слияния племен в народности)».

Таким образом, как уже сказано выше, основы будущей адыгской народности начали формироваться в I тыс. до н. э. Этот процесс продолжался и в первые века I тыс. н. э. (под воздействием иных этнических групп — иранских и тюркских). Процесс консолидации в I тыс. до н. э. и позже наиболее интенсивно проходил у меотских племен. Они уже имели общее собирательное название «меоты». К этому времени коренное население успело ассимилировать и сарматское племя сираков. Продвижение алан, затем нашествие гуннов помешали не только завершению объединения меотов в единую народность, но и поставили их в трудное положение. Уже с конца II в. н. э. меоты вынуждены перебираться в Закубанье, где они продолжают жить вместе с родственными адыгскими племенами в эпоху раннего средневековья. Меоты и зихские племена и стали в дальнейшем основой адыгской этнической общности.

Но прибрежные племена в период нашествия кочевников оказались в лучшем положении, чем степные меоты. Поэтому адыгское племя зихов стало стержнем, вокруг которого стали объединяться автохтоны Северо-Западного Кавказа.

Вследствие притока иноязычного населения (главным образом говорившего на иранском и тюркском языках) создавалась сложность и пестрота этнической ситуации, отдельные районы Северного Кавказа оказались под сильным влиянием иных культурных традиций. Мирные контакты или недружественные столкновения с пришельцами по-разному отразились на Северном Кавказе. В центральных областях влияние кочевников не только заметнее, здесь полностью изменилась этническая карта. Значительно меньше затронули нашествия степняков территорию расселения адыгов. Население здесь сумело по разным причинам сохранить этническую самостоятельность. Оно покидало насиженные места и уходило в предгорную и горную зоны (как, впрочем, и племена — предки вайнахов). А кочевники никогда не стремились в горы — там нет условий для кочевого скотоводства и не всегда там можно содержать скот круглый год на пастбищах.

Археологические, этнографические и антропологические материалы если и дают какие-то изменения в материальной и духовной культуре и антропологическом типе, то не настолько существенные, чтобы можно было говорить о

расселении среди адыгов каких-то больших этнических групп. Пришлые группы растворились без заметного следа в массе адыгского населения. Пожалуй, большее значение для этнических процессов на Северо-Западном Кавказе имели последствия греческой колонизации. В эпоху раннего средневековья в формировании адыгов некоторую роль сыграли ираноязычные сармато-аланы. Остальные народы имели меньшее значение.

¹ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 19.

² Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 87.

³ Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974. С. 198.

⁴ Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 76.

⁵ Алексеев В. П. Указ. соч. С. 198.

⁶ Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986. С. 54.

⁷ Ковалевская В. Б. Указ. соч. С. 7.

⁸ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 45.

⁹ Плетнева С. А. Хазары. 1976.

¹⁰ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. н. э. Л., 1979. С. 48.

¹¹ Там же.

¹² Анфимов Н. В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 110.

¹³ Климов Г. А. Указ. соч. С. 54.

¹⁴ Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик. 1974. С. 76.

¹⁵ Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 24—26.

¹⁶ Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 256.

¹⁷ Алексеева Е. П. Материалы к древней и средневековой истории адыгов // Труды Черкесского научно-исследовательского института. 1954. Вып. 3. С. 231.

¹⁸ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 50.

¹⁹ Там же. С. 63—64.

²⁰ Там же. С. 187—188.

V. АДЫГИ В XIII — XV ВЕКАХ

Процессы образования народов тесно связаны не только с социально-экономическим развитием общества, но и с локальным размещением и передвижениями этнических групп.

На формирование народностей Северного Кавказа значительное влияние оказали внешнеполитические события, такие, как массовые миграции аланских ираноязычных племен, гуннов и монголо-татар в XIII в. Эти события вызвали изменения и перемещения этнических групп и явились определенными историческими рубежами не только в политической жизни, но и в дальнейшем этногенезе автохтонов Северного Кавказа.

На основе древнеадыгской народности, сложившейся к X в., происходило обособление адыгских этнических групп. Большую роль в ходе этого процесса играли переселения некоторой части адыгов, имевшие место после X в., по причинам социально-экономического и политического порядка.

До сих пор, рассказывая о происхождении и истории адыгов, мы постоянно имели в виду Западный регион Кавказа. Это естественно, так как где бы ни проживали и какую бы территорию ни занимали группы адыгов, формирование их связано с Северо-Западным Кавказом, здесь проходило становление их как этноса.

Но большая группа адыгов, в лице кабардинцев и черкесов, проживает к востоку от Прикубанья, в пределах Центрального Кавказа. В связи с этим необходимо хотя бы кратко рассмотреть важный вопрос — переселение кабардинцев на современную территорию.

Что удивительно, фольклор кабардинцев не содержит достоверных данных об этих событиях. Народ в своей памяти почему-то не всегда может удержать исторические факты даже 600 — 700-летней давности. Поэтому приходится обращаться к материалам истории и сопоставлять различные источники.

В XIII — XV вв. адыги находились на разных ступенях общественного развития (разложение первобытнообщинного строя и раннефеодальные отношения). Основным районом расселения адыгов являлись северо-западные предгорья и равнины нижнего течения р. Кубань и восточное побережье Черного моря от устья Дона до Абхазии. После X в. у адыгов уже существует сознание этнического единства, имелась известная общность территории. В XI — XV вв. адыги выступают как единый народ.

Монгольское нашествие в значительной мере изменило картину расселения племен в некоторых, в основном восточных и центральных, районах Северного Кавказа.

Тяжелый удар нанесли монголы аланам. Как уже об этом говорилось, после гуннского нашествия в конце IV в. и отхода алан на юг в центральном Предкавказье сложилось объединение аланских и местных кавказских племен. Аланы на Северном Кавказе переходят от кочевого скотоводства к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству. Развиваются ремесло и торговля. В VIII — IX вв. у алан зарождаются феодальные отношения, а в конце IX — начале X в. складывается раннефеодальное государство. Возникают города: Нижний Архыз (в Карачаево-Черкесии), Верхний Джулат (в Северной Осетии) и Нижний Джулат (в Кабардино-Балкарии) и др. На территории Центрального Предкавказья открыто большое число укрепленных поселений аланского времени, о густоте которых говорят и письменные источники, например, сообщения арабского путешественника первой половины X в. Абуль-Хасан-Али-аль-Масуди: «Царство его (т. е. аланского царя) представляет непрерывный ряд поселений, настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов».

В середине XI в. в степи Подонья и Приазовья хлынули новые кочевые орды половцев. До прихода в южнорусские степи половцы (восточные авторы называли их кипчаки, западные — команы) имели уже большую историю — это было одно из крупнейших союзов племен в Азии. На протяжении 170 лет (до 1223 г., т. е. монгольского нашествия) половцы оставались абсолютными хозяевами в южнорусских степях. Появлялись половцы и в Предкавказских степях.

В начале XIII в. новые орды кочевников обрушились на оседлые народы. Движение зародилось в Центральной Азии, в степях Монголии. Начиная с 1207 г. монголы под-

чинили Сибирь, разгромили Китай, покорили Среднюю Азию, Иран, Армению, Грузию, Азербайджан и через Дербентские ворота в Дагестане вышли в пределы Северного Кавказа. Движение монголов в степные пространства Восточной Европы носило пока главным образом разведочный характер.

Появившись на Северном Кавказе, монголы столкнулись с объединенными силами алан и кипчаков, и, по сообщению арабского писателя Ибн-эль-Асира, в стычке ни одна из сторон не одержала верха над другой. Тогда монголы пошли на хитрый дипломатический маневр. «Мы и вы одного рода, — обратились они к половцам, — а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежды сколько захотите; оставьте нас с ними». Когда кипчаки оставили алан, монголы победили их, а затем обрушились на кипчаков, перебили их и «отобрали у них вдвое против того, что им принесли». После этого одни кипчаки «укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских».

В результате этих событий население Алании сильно сократилось. Часть алан слилась с монголами, другая часть удалилась и жила в горах, сохранив независимость.

В 1232—1236 гг. Чингисиды отправили в Европу большие силы. Были разгромлены Болгарское царство и ряд русских городов.

В 1238—1239 гг. монголы полностью захватили равнины Предкавказья. Они заняли степные пространства как с правой стороны Кубани, так и по левобережным ее притокам — Лаббе, Урупу и Зеленчуку. Они частью оттеснили адыгов к югу, в глубь гор, а частью слились с ними и образовали аулы, расположенные среди адыгских.

Кочевники теснили прикубанских, равнинных адыгов, но обычно не доходили до отдаленных горных ущелий, там местное адыгское население почти не изменялось. Во второй половине XV в. Джорджио Интериано — путешественник и географ (родом из Генуи) — застал адыгов вдоль восточного берега Азовского моря от р. Дона до Керченского пролива и далее к югу до Абхазии. «Зихи, — писал Интериано, — называемые так на языках: простонародном, греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют — «ади́га». Они живут (на пространстве) от реки Таны до Азии по всему морскому побережью, которое лежит по направлению к Босфору Киммерийскому, проливом Святого Иоанна и про-

ливом Забакского моря, иначе — моря Таны, в древности (называвшегося) Меотийским болотом, и далее за проливом по берегу моря вплоть до мыса Бусси и реки Фазиса и здесь граничат с Абхазией...» В начале 40-х годов XIII в. сложилось обширное государство — Золотая Орда (улус Джучи). Южные границы его простирались до Крыма и предгорий Кавказа. Золотая Орда объединила два совершенно различных культурных и хозяйственных мира: степных кочевников — скотоводов и оседлые сельскохозяйственные территории с городами. Основным населением Золотой Орды и главным образом ее степной части оставались половецкие племена (кипчаки).

К XIV в. значительную часть населения Кубани составляли татаро-монголы и постепенно сливающиеся с ними кипчаки, которые кочевали в степных пространствах от устьев Дона и Кубани до Волги, занимая все побережье Кубани. Отдельные орды и племена кочевников проникали на левый берег Кубани, в пределы Адыгеи, и оседали близ устья Кубани. О связях адыгов с кочевниками свидетельствуют антропологические и археологические материалы, например, вклинившиеся в адыгские памятники кипчакские погребения (с конем или принадлежностями конской упряжи), находки среди оружия адыгов вещей кочевнического типа (крупные стрелы, гравированные костяные накладки колчанов), наличие монголоидных черепов в адыгских могильниках и т. д.

Часть адыгской знати служила в монгольской войске. По свидетельству Ибн-Батуты, в числе жителей Сарая в XIV в. встречались адыги. При этих условиях и при такой политической обстановке происходит миграция части адыгов (кабардинцев) на восток, в пределы Центрального Предкавказья. Таким образом, вопрос о происхождении кабардинцев — это вопрос о том, когда и как они выделились из общей массы адыгов и превратились в самостоятельную народность. В связи с данной проблемой историкам приходится решать ряд вопросов: место первоначального обитания кабардинцев, причины и точное время переселения их на современную территорию, границы их древнего расселения.

Если обратиться к сочинениям историков, то оказывается, что наибольшее распространение имеет гипотеза о многочисленных миграциях кабардинцев до их окончательного расселения в пределах Центрального Кавказа (например, Г. А. Кокиев). Согласно этой гипотезе, кабардинцы до переселения жили в Крыму, потом на северном берегу

Азовского моря или в бассейне Дона¹. Однако, по мнению Л. И. Лаврова, все варианты этой гипотезы основаны на некритическом использовании данных фольклора, топонимики и памятников материальной культуры (что касается фольклора, то существующие предания рассказывают о переселении кабардинцев с Ближнего Востока; при этом говорится, что, попав на Кавказ, кабардинцы сперва жили на побережье Черного моря в районе Геленджика и Анапы. Одни предания утверждают, что кабардинцы и бесленевцы переселились на нынешние места непосредственно с Черноморского побережья, а другие указывают еще промежуточные места временного поселения их в Крыму, у Дона и т. д.)².

По мнению Л. И. Лаврова, все гипотезы о проживании кабардинцев в Крыму, на берегу Азовского моря, на севере Ставрополя и где-то в Придонье должны быть оставлены историками. Как считает Л. И. Лавров, адыги являются древнейшим населением Прикубанья и местожительство кабардинцев до их миграции на восток нужно искать в Прикубанье, и поскольку кабардинский язык имеет наибольшую близость с шапсугским диалектом, можно предположить, что кабардинцы сперва обитали где-то по соседству с шапсугами, то есть в низовьях Кубани, и народные предания о переселении кабардинцев единогласно считают Таманский полуостров и берега Черного моря древним местожительством кабардинцев³.

О причинах переселения существуют разные мнения. Некоторые исследователи указывают на стремление кабардинцев в тот период перехватить торговый путь из Абхазии через Клухорский перевал на Северный Кавказ. Другие считают, что это произошло под напором хазар (данную точку зрения совершенно нельзя принять хотя бы потому, что хазарское объединение занимало Прикаспийскую низменность и приморский Дагестан, и хазары никак не могли «напирать» на кабардинцев с запада; кроме того, в исторический момент продвижения кабардинцев хазарский каганат уже не существовал, сойдя полностью с политической карты южной части Восточной Европы).

Критикуя указанные точки зрения, кавказовед Е. И. Крупнов заметил, что «эти передвижения раньше всего происходили под влиянием не внешних, а внутренних факторов феодального развития адыго-черкесо-кабардинского общества». Главной причиной данного миграционного процесса Л. И. Лавров считает возросшую потребность в пастбищных землях в связи с ростом феодальных

отношений и вытекавшим из этого расширением феодального производства⁴.

Нашествие монголов внесло крупные изменения не только в политическую, но и в этническую карту Северного Кавказа. «Спасшиеся от погрома половцы и аланы бежали в горы, — писал Л. И. Лавров, — где смешались друг с другом и образовали новые народы карачаевцев и балкарцев. Переселение на восток части адыгов положило начало кабардинскому народу»⁵. Жившие в степях половцы (кипчаки) подверглись настоящему истреблению. Монголы вытеснили алан из плоскостной Алании. Часть алан продвинулась на восток, очевидно, в горы нынешней Северной Осетии, другая — в высокогорные ущелья Карачая и Балкарии. Туда же были потеснены и кипчаки. Монголы в этих местах были недолго и вскоре их покинули. Таким образом, предгорья от Лабы до Терека оказались в основном свободными. Адыги, уже давно стремившиеся к расширению своих пастбищ и пахотных земель, получили возможность занять огромную территорию, плодородную, богатую, удобную для скотоводства и земледелия. Приведенный тезис стал уже рефреном в научной литературе (Е. И. Крупнов, Л. И. Лавров, Е. П. Алексеева и др.).

Однако есть и другие мнения. Э. В. Ртвеладзе, например, считает, что татаро-монгольское нашествие не привело к полному исчезновению населения на Северном Кавказе и этот регион оставался густо заселенным новыми хозяевами (т. е. татаро-монголами), а также попавшими под их власть аланами и кипчаками. Золотая Орда держала в зависимости многие народы до конца XIV в., и в это время адыги не могли думать о большом расширении своей территории⁶.

Очевидно, вопрос о времени продвижения кабардинских племен на восток тесно связан с проблемой пребывания монголо-татар на Северном Кавказе и с общей политической обстановкой того времени. В связи с этим даты, предложенные исследователями, разные. Миграцию кабардинцев на восток чаще всего относят к XIV—XV вв., иногда ко второй половине XV. Анализируя общую обстановку на Северном Кавказе после монгольского нашествия, Л. И. Лавров датирует переселение кабардинцев второй половиной XIII в.⁷ На наш взгляд, для успешного решения проблемы о времени миграции кабардинцев на восток большое значение могут иметь новейшие археологические материалы из кабардинских курганов эпохи позднего средневековья, изученные на территории Кабардино-Балкарии. А. Х. На-

гоев на основе тщательного анализа археологических комплексов пришел к выводу, что нижняя дата позднесредневековых курганов означает начало переселения кабардинцев. Допуская возможность инфильтрации отдельных групп в районы Центрального Предкавказья в XIV в., он полагает, что массовое переселение могло произойти только в конце века, после битвы Тимура⁸ с Тохтамышем⁹. Дата, предложенная А. Х. Нагоевым, более приемлема, так как у автора комплексный подход к решению проблемы, с учетом не только письменных данных, но и большого количества археологических материалов. Наиболее раннюю хронологическую группу вещевых комплексов с территории Кабардино-Балкарии А. Х. Нагоев датирует XIV—XV вв., а позднюю — XVI—XVII вв. Е. П. Алексеева также считает, что на территории Центрального Предкавказья нет памятников не только XII, но и XIII в., которые можно было бы связать с кабардинцами.

Вероятно, наиболее благоприятная внешнеполитическая обстановка на Северном Кавказе создавалась для адыгов именно в конце XIV в.

Поражение, нанесенное Золотой Орде Тимуром в 1395 г., способствовало упадку его могущества. После этой победы Тимур, хотя и организовал карательную экспедицию против черкесов Прикубанья (они сражались на стороне Тохтамыша), вскоре вернулся в Среднюю Азию. Аланский союз был разгромлен раньше монголо-татарами.

Миграция кабардинцев в определенной степени изменила этническую карту отдельных районов Северного Кавказа. По мнению исследователей, их продвижение на восток происходило далеко не мирно. Об этом говорят предметы вооружения в кабардинских курганах, топография позднеаланских городищ, густо расположенных у входов в горные ущелья и др.¹⁰

Итак, о кабардинцах, как об особой восточной группе адыгов, можно говорить, по-видимому, с конца XIV — начала XV в., но термин «кабардинцы» впервые встречается в середине XV в. в сочинении Иосафета Барбаро (венецианский дипломат, в 1436—1452 гг. жил в г. Тане, генуэзской колонии в устье Дона), который писал, что народ Кевертен обитает на Северном Кавказе между темирговецами и осетинами.

Картографирование кабардинских курганов показывает, что ранние из них располагаются на широкой территории — от Большого Зеленчука (приток Кубани) на Западе и на востоке — до рек Сунжи и Фортанги (приток

Терека). Поздние распространены только на современной территории Кабардино-Балкарии и Пятигорья. Как надо полагать, максимальное расселение кабардинцев приходится на XV — начало XVI в. Впоследствии, по ряду политических причин, территория, занимаемая кабардинцами, постепенно сузилась до современных границ.

Таким образом, движение кабардинцев на восток и расселение в предгорьях Центрального Кавказа привело к образованию особого народа абхазо-адыгской группы. Хотя кабардинцы сохранили с адыгами общность языка и культуры, их жизнь в новых условиях неизбежно привела к обособлению. На это повлияла не только оторванность кабардинцев от прародины, от основной массы адыгов. Большое значение имели контакты их со старым населением Центрального Предкавказья — автохтонами и пришельцами — монголо-татарами и кипчаками. Приход кочевников не мог привести к исчезновению коренного населения Северного Кавказа. Этот регион оставался заселенным монголо-татарами и попавшими под их власть аланами, кипчаками и автохтонами Северного Кавказа. Надо полагать, что у кабардинцев в новых условиях и под воздействием соседних народов несколько изменились материальная и духовная культура и даже антропологический тип. Половцы (кипчаки), бежавшие во время нашествия монголов из степей и осевшие в плоскостной Алании, кабардинцами впоследствии частично были вытеснены в горные районы Центрального Кавказа и частично ассимилированы. По-видимому, с кабардинцами смешалась и часть ираноязычного населения, уцелевшая от монгольских погромов. По мнению Е. И. Крупнова, можно говорить о сильной инфильтрации адыгейско-черкесских элементов в среду аборигенов — алан, которые, конечно, никуда не уходили, а, оставаясь на месте, с течением времени были очеркшены¹¹.

Аланы — сперва на западе, а затем осетины на востоке («овсы» или «осы» в средневековых письменных источниках) с XV — XVI вв. находились в тесных политических, экономических и культурных отношениях с адыго-кабардинцами. Связи эти развивались по линии установления родственных связей, отношений аталычества. Можно отметить влияние кабардинского языка на язык осетин, в языке которых множество адыгских слов: *санэ* (вино), *лыз-ва* — *лыбжьэ* (жаркое), *гуфа* — *гуфэ* (кузов арбы) и мн. др. И лексика кабардинцев содержит много осетинских слов, на которые указывают исследователи-лингвисты.

А. К. Шагиров в недавно вышедшей работе «Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков» (М., 1989) приводит данные об осетинских заимствованиях в лексике абхазо-адыгов, например, адыгейское: *члэпшэ*, каб.: *щлэпшэ* «плеть», «плетка»; осетинское: *члэпс*, *члэпси* «лоскуток кожи», адыгское: *шэуджэн* (*щоджэн*) «священник»; в старом произношении *шэугжэн* — слово ныне почти забыто, но имеет широкое распространение как фамильное название — осет.: *сауджын* (*саугин*) и др.

Конечно, многие из этих слов можно рассматривать как позднейшие заимствования, но часть лексических совпадений в кабардинском и осетинском приводит к древнему общекавказскому субстрату.

«Вся сумма известных фактов, — пишет В. И. Абаев в работе «Осетинский язык и фольклор», — побуждает нас признать, что в осетинском мы имеем дело не только с кавказскими влияниями, но и с кавказским субстратом. Что это значит? Это значит, что в формировании осетинской языковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, как надпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский».

Поддерживая это мнение В. И. Абаева, Б. Х. Балкаров отметил, что несмотря на более тесный контакт между кабардинцами и осетинами на протяжении последних веков, осетинские формы отражают часто не современное, а более раннее состояние фонетики кабардинского языка, и в отдельных осетинских формах проглядывают черты адыгского языка основы.

Ш. Д. Инал-Ипа в работе «Исторические корни древней культурной общности кавказских народов» пишет: «Между современными осетинами и адыго-абхазами, несмотря на принадлежность их языков к совершенно различным семьям, наблюдаются удивительные соответствия и параллели — язык, археологические, этнографические, трудно объяснимые одними только взаимовлияниями, заимствованиями и пр. Возможно, тот субстрат или какая-то его значительная часть, с которой органически слились ираноязычные пришельцы, представляли собой родственную или близкую протоабхазскую среду не только в культурном, но, может быть, и в этническом отношении. Однако сам субстрат мог быть не единым, что, возможно, нашло отражение в осетинском племенном названии — Ир, Двал и Дигор. С этой точки зрения интересно самоназвание одного из основных осетинских племен — дигорцев,

которых В. И. Абаев считает окаменелым множественным числом распространенного на Западном Кавказе племенного названия «диг» (адыги — черкесы)».

Тезис об адыгской природе этнонима «дигор» поддерживается и другими исследователями.

В целом, пребывание какой-то части древних адыгов в пределах Центрального Кавказа представляется весьма вероятным, этот вопрос, правда, требует дальнейшего изучения.

Мы упоминали, что майкопскую культуру сейчас связывают с адыгским этносом. К середине III тыс. до н. э. эта культура полностью сформировалась. Некоторое время она не выходила за пределы Прикубанья, но впоследствии ареал ее охватил значительную территорию — от берегов Черного моря и почти до границ современного Дагестана. В результате, очевидно, образовывается этнический субстрат, явившийся затем не только одной из основ адыгского этноса, но который не мог не сыграть определенной роли в процессе этногенеза и других современных коренных народов Северного Кавказа. Следует думать, что майкопская культура охватывала зону обитания большой группы этнически родственных племен, носителей единой языковой системы и культуры.

К сожалению, о языке этих племен мы ничего сказать не можем. Но исследования лингвистов в области адыгского и абхазского языков обнаружили, что основной словарный фонд этих языков существовал уже в эпоху бронзы. Таким образом, по мнению Л. И. Лаврова, перед нами «непрерывный процесс развития речи у народов Северо-Западного Кавказа, процесс, который, на протяжении трех тысяч лет не знает никаких взрывов».

По мнению Б. А. Куфтина и Ш. Д. Инал-Ипа, некоторые лингвистические, фольклорные данные (например, нартский эпос, формирование которого начинается в III тыс. до н. э.) указывают на однородный состав населения Западного, Северо-Западного и даже Центрального Кавказа во второй половине III тыс. до н. э.

Возможно, уже в рассматриваемое время в праязыках нахских народов (чеченцев и ингушей) и народов Центрального Кавказа отложились элементы абхазо-адыгских языков, отмеченные лингвистами.

Во II тыс. до н. э. на Северном Кавказе бытовала т. н. северокавказская культура среднебронзовой эпохи, генетически связанная с майкопской. В конце II — начале I тыс. до н. э. происходит расцвет позднебронзовых куль-

тур: кобанской на Центральном Кавказе, прикубанской на Северо-Западном Кавказе и колхидской на территории современной Западной Грузии и Абхазии. Общеизвестна близость указанных культур. На это часто указывалось в специальной литературе.

Носители их были близки не только по культуре, но и по языку. Е. И. Крупнов в работе «Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность» отмечал, что эти культуры отражали лишь местные особенности более или менее однородного общекавказского этнического массива. По мнению В. И. Абаева, не случайно также то, что потомки носителей всех этих сходных археологических культур — от Абхазии до Дагестана — стали творцами и хранителями кавказского героического эпоса о нартах. В позднебронзовое время завершилось формирование полиэтнического эпоса, но, как считает Ш. Д. Инал-Ипа, это не снимает проблемы моногенетизма — проблемы существования единого первоначального его ядра; существуют интернациональные термины — Сатаней, Сосруко и др. — имена и сюжеты, восходящие к одному первоисточнику — этническому субстрату, из которой образовались впоследствии рассматриваемые народы.

Итак, в I тыс. до н. э. существовал субстрат племен, которые должны были стать (и стали в разной степени) непосредственными предками автохтонов — абхазо-адыгов, осетин, карачаевцев и балкарцев.

До этого времени, т. е. до I тыс. до н. э., на Северном Кавказе, таким образом, существовала довольно однородная культурная среда, и нет оснований говорить о резких, каких-либо массовых включениях в местную кавказскую среду.

Но вот уже примерно с VII в. до н. э. Северный Кавказ оказывается под сильнейшим воздействием степных племен — киммерийцев, скифов, сармато-алан, а в эпоху средневековья и тюркских кочевников. В результате этническая карта Центрального Кавказа оказалась перекроенной.

Уже отмечалось, что конечным итогом этих сложнейших этнических процессов стало формирование ираноязычных осетин и тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, в результате этнической консолидации пришлых иранцев и тюрков с племенами — создателями кобанской культуры. Несмотря на победу языка пришлых элементов, кобанская среда (кавказский субстрат) оказала сильное влияние на осетинский и карачаево-балкарский этносы. Об осетинах

мы уже говорили. Есть сторонники доминантного значения кавказского компонента и в балкарском этногенезе, т. е. эти народы — тюркизированные кавказцы. Исследования показывают, что в языке и фольклоре карачаевцев и балкарцев имеются схождения, идущие из глубоко местной, субстратной, кавказской среды.

По-видимому, язык не всегда может служить основным признаком, свидетельствующим о происхождении народов. Антропологи считают осетин близкими родственниками черкесов и кабардинцев и не признают в осетинах какого-либо существенного своеобразие, отличающего их от других аборигенов, хотя их признают продолжателями сармато-аланской этнической традиции.

В одном из разделов затрагивался вопрос об антропологической характеристике северокавказского коренного населения. Напомним, что, по заключению антропологов, на Северном Кавказе можно выделить три антропологических типа людей: восточнокавказский — «каспийский», центральнокавказский — «кавказионский» и западнокавказский — «понтский». К кавказионскому типу относят все горные народы Северного Кавказа — карачаевцев, балкарцев, осетин, чеченцев и ингушей. В эту же группу считают возможным (хотя бы частично) включить восточных адыгов — черкесов и кабардинцев.

В. П. Алексеевым сделана попытка выделить Центральнокавказскую историко-этнографическую область, включающую народы, говорящие на языках разных языковых семей, как кавказских, иранских и тюркских, но связанных общим происхождением от древнего местного населения¹².

По мнению этого же исследователя, принадлежность этнографических групп черкесов и кабардинцев к кавказионскому типу ставит вопрос о связи их с древнейшими этническими пластами Центрального Кавказа, о сохранении в их антропологическом типе, а также в языке и культуре антропологических, языковых и культурных особенностей древнейшего населения центральных предгорий Кавказского хребта¹³. В любом случае в этом факте, очевидно, следует видеть влияние на кабардинцев соседних народов: древнейшего аборигенного населения (потомков носителей бронзовых культур Центрального Кавказа), чеченцев и ингушей, предков осетин (кавказский субстрат). К примеру, по мнению антрополога А. Г. Козинцева, средневековые адыги Пятигорья оказались близкими осетинам

и их предкам, а живущие ныне на той же территории абазинцы чеченцам.

Что касается влияния монголов, то нельзя оставлять без внимания антропологические материалы из могильников на территории Черкесии.

Происхождение монголоидной примеси в составе адыгского населения XIV — XVI вв. было результатом контакта с поздними тюрками, а также монголами.

Языковые общения монголо-татар с адыгами привели к наличию в лексике последних монголизмов.

Предположительно выделяются отдельные монголизмы: каб.: «гуахъуэ» — вилы, ср. монг.: «гохо» — багор, крюк; каб.: «тэджэлэй» (тэгъэлей), безрукавка — монг.: «тэгэлэн» — доспех без наплечника и др.

В язык адыгов вошло много тюркских слов, так, например, *къашыкъ* (черпак, ложка), *сабын* (мыло) и др. Существует мнение, что тюркизмы в адыгскую топонимию могли проникнуть от печенегов, половцев, ногайцев, балкарцев и карачаевцев, однако наибольшее число тюркизмов и монголизмов в топонимии адыгов стало возможно со времен Золотой Орды¹⁴.

Адыгская ономастика и этнонимика, а также фольклор дают основание говорить о тесных контактах кабардинцев с соседними народами. Например, в основе адыгских легенд об Едыдже лежит древняя былина об Едыге, известная тюркским народностям. Среди кабардинских имен и фамилий много осетинских, балкарских, чеченских, ингушских¹⁵ и др. На имена адыгов влияние оказали монголо-татары и позже крымские татары. В эпоху позднего средневековья дети представителей феодальной знати, по-видимому, часто носили тюркские имена. По этому поводу интересно заметить, что у видного военного и политического деятеля Кабарды XVI в. Темрюка Идарова были три дочери: Гуэщэней, Малхарып и Алтыншаш. Если первое имя адыгское, то последние два явно тюркского происхождения, например, имя Алтыншаш состоит из двух тюркских слов «алтын» (золото) и «шаш» (коса).

Представляет интерес термин «Кабарда» («Къэбэрдей»), «кабардинцы», ставший этнонимом для обозначения восточной группы адыгов. Полагают, что появление этого термина связано с неким князем по имени Кабарда Тамбиев. В источниках XIII—XIV вв. этническое название «кабардинцы» неизвестно. Имя кабардинцы в форме «кевертей» впервые, как уже сказано, упомянуто в сочинении

венецианского путешественника Иосафата Барбаро в первой половине XV в. Л. И. Лавров предполагает, что частица «берды» в слове «къэбэрдэй» из тюркских языков. По мнению исследователя, во время Золотой Орды и существования больших масс ногайского населения у горцев часто встречались личные имена с частицей «берды». От личных имен образовались фамилии и названия племен и групп населения. «Термин «къэбэрдэй», — пишет Л. И. Лавров, — оформлен окончанием «эй», являющимся показателем принадлежности. «Къэбэрдэй» — это то, что принадлежит Кабардью. Поэтому народное толкование термина «къэбэрдэй» как производного от личного имени является более реальным, нежели предположения историков»¹⁶. С этим мнением вполне можно согласиться.

К аналогичным выводам приводит рассмотрение материальной и духовной культуры кабардинцев. Это уже несколько синкретическая культура в отличие от «классической», западноадыгской.

При почти полном отсутствии следов от поселений (предполагают полукочевой образ жизни у кабардинских племен в XIV — XVI вв.), курганные комплексы остаются важным объектом в процессе изучения материальной культуры, религии и социального строя позднесредневековых кабардинцев. В виде компактно расположенных курганчиков (иногда их сотни), эти могильники разбросаны по всей территории Центрального и даже частично Северо-Восточного Кавказа. В кабардинских курганах преобладает языческий обряд захоронения; в инвентарь входят наконечники стрел, сабли, ножницы, серьги, перстни, пряжки, женские шапочки и т. д. Костяки лежат в грунтовых могилах в вытянутом положении, на спине, обычно головой на запад.

Материалы из кабардинских курганов часто сходны с погребальным обрядом и инвентарем кочевников (половцев и монголов) южнорусских степей и плоскостного Предкавказья¹⁷. В частности, курганные погребения в ареале расселения адыгских племен, содержащие костяк коня или вещи, связанные с конской упряжью, принято относить к числу кочевнических погребений, свидетельствующих о проникновении кипчаков (половцев) в среду местных племен¹⁸.

Сходство проявляется также в том, что те и другие часто хоронили умерших вытянуто, на спине, в деревянных колодах. Некоторые допускают, что головные уборы кабардинок по типу ближе всего стоят к балкарским и карачаевским шапочкам, а их связывают с монгольскими го-

ловными уборами периода Золотой Орды — «бокками»¹⁹. Возможно и так, но остроконечные, конусовидной формы головные уборы у адыгов имелись уже в древности.

В одной из работ А. Х. Нагоева показаны общие и отличительные элементы в материальной и духовной культуре адыгов и кочевников на основе сравнительного анализа археологического материала²⁰. По мнению автора, погребальный обряд и инвентарь адыгов и поздних кочевников хотя и существенно различаются, но имеют много общих черт. Это объясняется не только одинаковым уровнем развития хозяйственного и общественного строя, но и культурным взаимовлиянием в результате проникновения и смешения кочевников и адыгов²¹.

Судя по погребальным обрядам, наиболее близки к кабардинцам карачаевцы и балкарцы, что объясняется территориальной близостью и большим взаимовлиянием культур. Тесные культурные связи кабардинцев и балкарцев, их длительное соседство способствовали, например, возникновению у них одинаковых форм склеповых сооружений²². Другие соседи кабардинцев — осетины, ингуши и чеченцы — по духовной культуре более отличались от кабардинцев, хотя подавляющее большинство бытовых вещей, предметы вооружения и отдельные виды украшений, обнаруженные в кабардинских курганах, находят аналогии в древностях всех народов Северного Кавказа²³.

Таким образом, кабардинцы развивались в контактах с окружающими народами, проявлявшихся в разных формах. Окончательное оформление этнической физиономии кабардинской группы племен протекало в условиях этнического и языкового влияния соседних народов. Данные археологии, этнографии и фольклора позволяют судить о некоторой пестроте кабардинского этноса, конечно, относительной, как и каждого народа. Оценивая в таком аспекте этногенетический процесс формирования кабардинского народа, можно констатировать некоторое преобладание в нем тюркских элементов (в процессе взаимосвязей, некоторой ассимиляции отдельных групп и фамилий и т. д.).

В целом материальная и духовная культура народов Северного Кавказа в рассматриваемое время формировались в тесном взаимодействии. Рисуеться реальная картина этих связей. Устанавливаются торговые и родственные отношения, имеет место аталычество (отдавали мальчиков на воспитание до совершеннолетия). Происходило перенимание обычаев и нравов, элементов музыки и танцев и т. д. Но культура каждого народа имела свои характерные

особенности. Поэтому следует констатировать не только высокий уровень, но и рано выделившееся своеобразие собственно кабардинской культуры и ее влияние на культуру соседних народов, поскольку преобладание кабардинцев на Северном Кавказе в тот период, политическая зависимость от них некоторых соседних народов переходила и в область культурного влияния и взаимодействия²⁴.

И. В. Бларамберг (1800—1878), составивший сводное описание народов Кавказа, писал: «Из всех горских племен кабардинцы завоевали наиболее громкую известность благодаря своему рыцарскому и воинственному духу, храбрости, проявленной ими в борьбе против крымских татар и в других исторических ситуациях, а также в силу того главенствующего положения, которое они занимали по отношению к своим соседям»²⁵.

«Кабардинцы горды и высокомерны, — отметил тот же автор, — но в то же время вежливы по отношению к чужестранцам и очень гостеприимны. Они строго соблюдают между собой приличия, соответствующие возрасту и положению, их очень сердит, если чужестранцы забывают о необходимости соблюдать эти приличия». Некоторые данные позволили установить неизменность адыгских обычаев на протяжении многих веков, стремление адыгов сохранить свою традиционную культуру. Дюбуа де Монпере сравнивал состояние Черкесии с цивилизацией времен первых королей в Германии и Франции. «Это образец феодальной, рыцарской, средневековой аристократии, или героической аристократии в античной Греции», — писал он. Этот же автор заметил, что ни одно из первобытных племен не осталось более верным своим античным нравам, чем черкесское²⁶.

Влияние кабардинцев на соседние народы в тот период, видимо, объясняется именно наличием у них традиционной древней культуры (в частности этикета), наиболее высокого уровня феодализации.

Авторы разных времен, говоря об адыгах, отмечали их храбрость, рыцарство, великодушие, гостеприимство, уважение, особенно к старшим.

И. В. Бларамберг, знавший хорошо адыгов, писал: «В своей частной жизни черкесы — неплохой народ, не лишенный здравого смысла; они гостеприимны, предупредительны, щедры, умеренны и скромны в пище и в употреблении напитков, постоянны в дружбе, храбры и предприимчивы на войне». Он также добавляет: «Слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюда-

ется у этих народов самым скрупулезным образом». О кабардинцах И. В. Бларамберг писал: «За исключением тех качеств, которые у них могут оспаривать другие народы, кабардинцы отличаются благородством характера, учтивостью, а также чистотой своих одежды и жилищ».

По словам Дюбуа де Монпере, законы черкесского рыцарства базируются на трех основных принципах: гостеприимство, уважение к старшим и право мести. Он заметил, что у черкесов уважение к старикам или, наконец, ко всякому человеку, который старше по возрасту, таково, что, когда он входит, все обязаны встать, будь даже этот человек ниже вас по положению, это практикуется как среди мужчин, так и среди женщин.

Адыгский этикет, сформировавшийся в обществе с предгосударственной военно-демократической структурой, в среде воинского сословия — уэркъ, типологически сходен с этикетом восточных народов (китайцев, индийцев, арабов, японцев), особенно с японским традиционным этикетом «бусидо», который сложился как этикет военной аристократии²⁷. Но что касается почтительно-величального отношения к женщине, то в этом плане адыгский этикет стоит ближе к этикету раннесредневековых рыцарей Западной Европы²⁸. При этом в кавказском мире наиболее совершенным признавался вариант адыгского этикета, выработанного кабардинцами²⁹. Этот этикет, проникнутый духом рыцарской чести и жесткой дисциплины, не прочь были воспринять соседние кавказские народы, и это имело значение для интенсификации межнационального общения, в ходе которого обогащалась и адыгская культура, в том числе и адыгский этикет³⁰.

Велико было влияние адыгов на казаков, в частности на терских. Казаки с одеждой, снаряжением усвоили и военное воспитание адыгов. Казаки заимствовали у горцев костюм (черкеска, бурка, ноговицы, бешмет, папах), предметы конской упряжи, приемы адыгского наездничества и др.

Исследователи считают, что наибольшего могущества Кабарда достигла в XV—XVI вв. В это время кабардинская культура была одной из ведущих в культуре адыгских и других народов Северного Кавказа³¹.

Однако средневековые писатели и исследователи нового времени отмечали и недостатки в общественной организации черкесов — это губительная в условиях становления феодализма разрозненность. «Каждый князь, каждый дворянин, даже каждый отпущенник — сам себе хозяин и под-

чиняется только самому себе,— писал Дюбуа де Монпери. — Тысячи интересов раскололи этот народ на множество независимых племен и родов, ревниво относящихся друг к другу, ревниво оберегающих свою свободу...»

Политическая раздробленность, когда Кабарда была разделена между множеством владетелей, приводила к кровопролитным столкновениям не только между различными феодалами, но даже внутри самих же феодальных семей. «Чиркасия разделена между многими владельцами,— указывает Эмиддио Дортелли д'Асколи (конец XVI в.—XVII в.).— Они более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели, и постоянно воюют из-за краж, так что иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата; враждуя по поводу судебных приговоров и убийств, что у них случается ежедневно, а иногда из-за вопросов чести, они дерутся без пощады»³².

Уже в начале XVI в. во главе Кабарды стоял старший князь. На эту должность избирались по очереди представители наиболее известных княжеских фамилий. Но власть старшего князя была номинальной, чисто символической.

Во второй половине XVI в. старший князь Темрюк Ильдарович сделал попытку объединения Кабарды, но безуспешно. В конце XVI в. центробежные силы даже усилились, что в итоге привело к XVII в. к разделению Кабарды на Большую Кабарду и Малую Кабарду.

В XVII же веке на ближайшей к Кабарде территории Верхней Кубани осела группа адыгов под названием «бесленевцы». Они отделились от кабардинцев и продвинулись немного обратно на запад.

В конце XVIII—начале XIX в. к ним присоединилась вторая группа, ушедшая из Кабарды. Таким образом, часть адыгского населения в современной Карачаево-Черкесии составили переселенцы из Кабарды.

В результате всех этих событий адыги оказались разделенными на три народа (адыгейцев, кабардинцев и черкесов), хотя кроме языка, духовной и материальной культуры, общего самосознания у адыгов была раньше и общность территории.

За время, прошедшее с момента обособления в культуре и языке этих народов, произошли некоторые изменения, особенно языковые, так как язык любого народа развивается и сравнительно быстрыми темпами. На постоянное и разновременное выделение языков из общего языка-предка указывал К. Маркс, который писал: «Постоянная тенденция к разделению коренилась в элементах родовой орга-

низации; она усилилась тенденцией к образованию различия в языке, неизбежной при их общественном состоянии и обширности занимаемой ими территории. Хотя устная речь замечательно устойчива по своему лексическому составу и еще устойчивее по своим грамматическим формам, но она не может оставаться неизменной. Локальное разобщение — в пространстве — вело с течением времени к появлению различий в языке»³³.

По данным глоттохронологии (глоттогенеза)³⁴, два разных поколения одного какого-либо народа, разделенные временным промежутком всего в 1600 лет, совершенно не понимали бы друг друга.

В настоящее время в адыгейском языке выделяют четыре диалекта — темиргоевский (чемгуйский), абадзехский, бжедугский и шапсугский. В составе диалектов восточных адыгов (кабардинского языка) — бесленевский, кубанский, моздокский, а также малокабардинские, малкинский и кубано-зеленчукские говоры.

Черкесы и кабардинцы говорят на одном языке, но адыгейцам менее уже понятен язык кабардино-черкесов. Язык кабардинцев почти одинаков с черкесским, и этот факт вполне объясним. Несмотря, однако, на территориальную разобщенность, адыгейцы, кабардинцы и черкесы четко осознают свое этническое единство. Все они называют себя адыге.

¹ Кокиев Г. А. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. С. 19—36.

² Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография, 1956. № 1. С. 23.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Лавров Л. И. Происхождение балкарцев и карачаевцев // Краткие сообщения института археологии. 1969. Вып. 32. С. 60.

⁶ Ртвеладзе Э. В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // Тезисы докладов и сообщений. Грозный. 1973. С. 20.

⁷ Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев... С. 27.

⁸ С именем Тимура (Тимур-ленга) связано крупное нашествие на Северный Кавказ. В 1935 г. среднеазиатский завоеватель нанес поражение Тохтамышу на реке Терек, опустошил города улуса Джучи (Золотой Орды).

⁹ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII). Нальчик, 1981. С. 41—45.

¹⁰ Крупнов Е. И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946. С. 45.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Алексеев В. П. Некоторые проблемы происхождения балкарцев

и карачаевцев в свете данных антропологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

¹³ Алексеев В. П. Происхождение народов... С. 196.

¹⁴ Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 75.

¹⁵ Мамбетов Г. Х. К истории адыгских имен // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1970. Вып. 3. С. 128.

¹⁶ Лавров Л. И. Происхождение балкарцев... С. 20.

¹⁷ Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

¹⁸ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 251.

¹⁹ Нагоев А. Х. Указ. соч. С. 81.

²⁰ Нагоев А. Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик, 1987. С. 207—215.

²¹ Там же. С. 214.

²² Там же. С. 216.

²³ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев... С. 80—82.

²⁴ Там же.

²⁵ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 406.

²⁶ Там же. С. 437.

²⁷ Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978. С. 23—24.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 24.

³¹ Нагоев А. Х. Указ. соч. С. 83.

³² Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 63.

³³ Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. М., 1941. Т. 9.

³⁴ Раздел лингвистики, занимающийся определением времени разделения родственных языков, то есть распада праязыка (языка основы) на отдельные языки.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В последнее время некоторые исследователи оспаривают общекавказское языковое единство. По мнению И. М. Дьяконова, С. А. Старостина и др., сейчас становится очевидным, что северокавказская семья состоит только из двух групп — «западной», или «абхазо-адыгской», и «восточной»¹. Что касается картвельских (грузинских) языков, то они могут и не относиться к кавказской семье и довольно многочисленные словарные совпадения объясняются субстратным воздействием северокавказских языков².

Если это так, то отпадает и проблема родства картвельских языков с хаттским, который стоит обособленно. В поисках родственных связей хаттского теперь, по-видимому, надо обращаться только к абхазо-адыгским языкам, ибо, как отмечал И. М. Дьяконов, если признать хаттский неродственным кавказским, он окажется совершенно изолированным: нет никакой другой семьи, к которой этот язык мог бы быть отнесен с малейшей степенью вероятности³.

Но здесь встречаются большие трудности, которые связаны с характером хаттских культовых текстов из богазкейского архива, на которые также указывал И. М. Дьяконов в 1967 году⁴. В этом вопросе некоторые лингвисты проявляют понятную осторожность. В то время как в настоящее время после работ И. М. Дьяконова, С. А. Старостина и В. В. Иванова можно с большой долей уверенности причислять к восточнокавказским языкам также хуррито-урартские языки, положение хаттского языка еще не вполне ясно: он может и не входить непосредственно в состав западнокавказских языков⁵.

В главе, посвященной раннему этногенезу адыгов, было отмечено, что возможная этническая связь Малой Азии и Западного Кавказа в разной степени признается археологами, антропологами, этнографами, лингвистами. Указывались и те препятствия, которые встречаются в решении

раннеадыгского этногенеза. Все же они не дают оснований отвергать малоазийскую гипотезу, но показывают, что эта концепция в будущем потребует уточнений, новых доказательств, кропотливой и комплексной работы ученых, особенно по части лингвистики, так как в данной ситуации решающее значение могли бы иметь именно лингвистические материалы.

Приведенные общие элементы в языке и культуре вряд ли можно отнести к числу тех, которые могли проникнуть в абхазо-адыгский этнос благодаря диффузии, и они делают малоазийскую гипотезу весьма перспективной и открывают возможности для окончательного разрешения раннего формирования абхазо-адыгской этнической группы.

На рубеже III—II тыс. до н. э. Северный Кавказ начинает испытывать сильное влияние степных культур севера и майкопская культура угасает. Возникает новая культура периода развитой (или средней) бронзы — северокавказская. Однако яркая и богатая майкопская культура бесследно исчезнуть не могла, и правы те авторы (в частности В. И. Марковин), которые отводят ей значительную роль в сложении северокавказской культуры. Непосредственным продолжением последней является культура синдо-меотов, которая расцвела в период поздней бронзы и раннего железа. Эпоха эта ближе к нам, и здесь мы располагаем многочисленными археологическими и письменными источниками, хорошо изученными топонимическими, лингвистическими и др. материалами. Они с самого начала позволили установить несомненную принадлежность многочисленных меотских племен к адыгскому этносу (с включениями отдельных ираноязычных элементов) — тезис, принятый большинством исследователей. Но имелись мнения, что синды и меоты являлись потомками киммерийцев или индоариев. Беспочвенность этой точки зрения стала очевидной после того, как была доказана иранская принадлежность киммерийского и скифского языков. Ведь совершенно очевидно отсутствие генетического родства между северокавказскими и индоевропейскими (в данном случае иранскими) языками. В базисной лексике этих языков какие бы то ни было совпадения отсутствуют; коренным образом различаются также фонологические и морфологические системы, и если мы встречаемся со словарными сходствами между северокавказскими и индоевропейскими языками, то речь, несомненно, должна идти о заимствованиях⁶.

Гипотеза об иранской принадлежности синдо-меотов,

опирающаяся на ограниченные материалы лингвистики, находится в противоречии с археологическими данными.

В последнее время получены новые археологические материалы. Значение их прежде всего в том, что они еще раз продемонстрировали продолжение ряда традиций эпохи финальной бронзы в последующий период, т. е. культуре меотов⁷. Местная культура финальной бронзы Кубани была не только непосредственным хронологическим предшественником протомеотской культуры, но могла явиться одним из ее слагаемых в сложном процессе этно- и культурогенеза⁸. Развитие материальной культуры меотского населения Закубанья в последние века I тыс. до н. э. продолжается в традиционном направлении⁹.

Однако это не просто перерастание одной культуры в другую; помимо внутренних изменений могли играть роль и определенные внешние импульсы. На прикубанских памятниках проявляются определенные изменения, что связано с усилением контактов с сарматским кочевым миром, вплотную приблизившийся к этому времени к Прикубанью.

В целом история взаимоотношений меотов — адыгов с сарматами выглядит следующим образом. Меоты делились на две группы — донских и кубанских. Донские меоты, в силу своего иноэтнического сарматского преобладающего окружения из адыгоязычных стали ираноязычными¹⁰. В противоположность донским меотам, кубанский меотский массив сохранил и пронес через всю свою многотрудную историю собственную адыгоязычность, то есть в этом сложном процессе адыгский этнический элемент одержал верх¹¹.

Сказанное можно отнести и к средневековой истории адыгов, когда они оказались способными противостоять сильнейшему воздействию тюркоязычных кочевников и монголо-татар. Свою роль в этом сыграли географические и этнические факторы: своеобразие культуры и языка, образ жизни, нравы, традиции и обычаи и, может быть, крайняя любовь к независимости адыгов. Для них война вынужденно становится регулярным занятием. Вся жизнь адыгов была пронизана военным ремеслом, традициями и обычаями никогда не расстававшихся с оружием людей. В полном соответствии с воинственным политическим строем исполнен воинственности их быт, о чем свидетельствуют материалы археологии и письменные источники.

Уже в древности адыгское вооружение и военное искусство находились на высоком уровне и оказали воздействие даже на сильных в военном отношении античных греков Боспора. Боспоряне заимствовали тактику боя, некоторые

виды вооружения, типы одежды, более удобной в условиях Северного Причерноморья, чем греческая¹². В синдо-меотских погребениях многократно встречалось вооружение, особенно короткие мечи, наконечники копий и стрел.

Многовековое противостояние степным кочевникам, по видимому, научило адыгов пользоваться их тактикой ведения боя (рассыпной строй, маневренность и быстрота, внезапная атака и быстрое, иногда ложное отступление в случае неудачи — основные черты тактики и стратегии скифов и сарматов).

Традиции древности имели продолжение в более позднее время. И. Ф. Бларамберг, например, свидетельствует, что черкесы, наподобие древних парфян, стремятся заманить противника в засаду, проводя ложное отступление, и что черкес, обращенный в бегство, это еще далеко не побежденный воин, а кавалерия их превосходит любую кавалерию в мире¹³.

Основными занятиями адыгов являлись охота и военные упражнения и, по словам И. Ф. Бларамберга, этот образ жизни имеет для них столько привлекательного, что они не желают его изменять и что они охотно откажутся от всего, лишь бы сохранить это состояние свободы и независимости¹⁴.

Огромное внимание адыги уделяли вооружению. Тебу де Мариньи указывал, что предметами роскоши у черкесов считается прекрасное оружие, за которым они следят с величайшим тщанием¹⁵.

Жан-Шарль де Бесс, венгерский ученый, писал: «Одежда черкесов, перенятая в настоящее время всеми жителями Кавказа, легкая, элегантная и наилучшим образом приспособлена для езды верхом и военных походов. Как правило, их оружие превосходно, но очень дорого, оно всегда содержится в чистоте и сверкает. Лошади у них всегда ухожены, а седла, похожие на венгерские, элегантны»¹⁶.

Большое место занимало военное дело в системе воспитания и даже в развлечениях. Воспитание состояло из различного рода физических упражнений, призванных развить силу и ловкость, — верховой езды, военных походов, стрельбы из лука. «Воспитанника также обучают красноречию и умению рассуждать, — добавляет И. Ф. Бларамберг, — что должно помочь ему обрести должный вес на собраниях»¹⁷. А по свидетельству Якоба Рейнеггса, мальчики проводили время за тем, что должны знать черкесский язык, занимались религией, чтением и письмом; обу-

чались верховой езде, стрельбе, и в 16 лет он уже взрослый¹⁸.

Что касается развлечений, то, по словам И. Ф. Бларамберга, скачки на лошадях и танцы часто составляли главные способы времяпрепровождения у черкесов. «Скачки у них означают соревнование за то, — писал он, — чтобы прийти первым к намеченной цели, или же военные упражнения, представляющие собой стрельбу в цель и другие упражнения, призванные продемонстрировать ловкость и меткость всадника и качества его лошади. Есть безрассудные всадники, которые приучают своих лошадей бросаться на полном карьере с крутого берега в воду или совершать гибельные прыжки с крутых обрывов, причем продвигается это без малейшей остановки на скаку. Подобные штуки, которые каждый раз ставят под угрозу жизнь всадника и его лошади, очень часто выручают их в крайних обстоятельствах, спасая от неминуемой смерти или пленения»¹⁹.

Образ жизни адыгов, их занятия могли влиять на их внешний вид, красоту, которой восхищались средневековые авторы. Юлиус Клапрот заметил: «В общем черкесов можно назвать красивой нацией; особенно красиво выделяются мужчины своим высоким ростом и красивым сложением, так как они делают все возможное, чтобы сохранить свою стройную талию. Они обычно среднего роста, очень сильные, мускулистые, но не жирные»²⁰. «Женщины гордятся своим стройным станом и носят особый род корсета», — писал Ксаверьо Главани²¹. Здесь речь идет о черкесском обычае зашивать талию девушек в сафьян для придания стройности стану. Более подробно пишут об этом Тебу де Мариньи и Дюбуа де Монпере. «Девушки с очень раннего возраста, лет десяти-двенадцати, носят корсет или широкий кожаный пояс, надеваемый прямо на тело, — свидетельствует де Монпере. — Этот корсет настолько стягивает талию, что нет женщин с более тонкой талией; корсет также сдавливает бюст таким образом, чтобы не допустить его развития. Только в день свадьбы супруг имеет право распороть корсет кончиком кинжала. Идеал красоты у черкесов требует от женщины серьезных жертв, и чтобы сохранить тонкую талию, молодых девушек очень плохо кормят: им дают только молоко, лепешки, просяную кашу»²². Примерно также выразился Жан-Шарль де Бесс, посетивший Черкесию в XVIII в.: «Своим тонким станом черкесы обоего пола обязаны тому, что с самого раннего возраста они туго перетягивают фигуру — мужчины ремнем, а женщины корсетом; девушки снимают корсет толь-

ко в замужестве; в первую брачную ночь супруг разрезает корсет острием кинжала».

При всем том, по общему мнению людей, посещавших адыгов, черкесские девушки вовсе не были обречены на заточение и принимали участие в тех же развлечениях, что и юноши. Кроме того, Тебу де Мариньи находил черкесских женщин весьма неглупыми, у них живое воображение, способность к высоким страстям; они тщеславны и гордятся славой своих мужей, добытой на полях сражений²³.

Все же свобода девушек и даже юношей была не безгранична. Чем старше они становились, суровость воспитания усиливалась и вся направленность как адыгского воспитания, так и дальнейшая их жизнь имела целью соблюдение традиционных общеобязательных норм поведения. После вступления в брак жизнь особо строго регламентировалась. Англичанин Дж. А. Лонгворт заметил, что у черкесов «сдержанность, принятая между мужем и женой, резко контрастирует с их вольным поведением до женитьбы». Например, супруги не имели права появляться вместе в обществе. Дюбуа де Монпере писал: «Как в Лакедемоне (Древняя Спарта. — Р. Б.), женатый мужчина не решается показываться на людях вместе со своей супругой, он может навещать ее только без посторонних; узнавать что-либо или говорить с женщиной о его супружеской жизни — большая бестактность. Только с возрастом эти строгие правила могут быть в какой-то мере смягчены».

«Никакая другая церемония, кроме увеселений, не служит для того, чтобы узаконить брак, — замечает Тебу де Мариньи. — На следующий день, на рассвете, муж покидает свою молодую жену, которая займет особый дом, который муж строит для нее при своем жилище, и где он ее будет видеть только по ночам, или же под строжайшей тайной, так как появление на публике вместе с супругой считается постыдным». Тебу де Мариньи дает и свое объяснение данному явлению: «Обычай не видеть жен проистекает не из презрения черкесов к прекрасному полу; я думаю, наоборот, он изначально возник с целью продлить царство любви между супругами путем создания тех же трудностей, которые испытывают любовники, жаждущие друг друга, и благодаря которым их иллюзии сохраняются столь долго...»

Несколько по-иному оценивает Дж. А. Лонгворт это явление: «Создается прежде всего впечатление, что во имя сохранения воинственного духа, столь важного для их существования как нации, черкесы стараются избежать морального воздействия слабого пола. Действительно, в силу

постоянных предосторожностей против этого воздействия может показаться, что мужчины, если бы только их железный род мог бы продолжаться без женского участия, то они постарались бы обходиться без общения со своими женами. Как спартанцы в древности, черкесы посещают своих жен как бы тайком, а по отношению к плодам этих тайных встреч, к своим детям, они не позволяют себе самонаименованного проявления нежности (порядок черкесов вполне естественно предполагает возможности их сравнения с порядками лакедемонцев; у последних та же цель достигалась иными средствами. Чтобы не допустить изнеженности мужчин, женщины добровольно лишали себя женственности и становились сварливыми бабами. Ликург пытался изменить этот варварский обычай, но потерпел неудачу. Был бы он сейчас жив, он нашел бы свою собственную систему в действии...). Их сыновья с раннего возраста покидают родительскую крышу и поселяются у наставника, или «аталыка», и родительская снисходительность не может смягчить суровость их воспитания. Крепость тела, хотя, быть может, и не является единственным результатом. Я уже упоминал о сильном чувстве общности, которое, кажется, объединяет всех черкесов в одну семью. Не могло ли это быть достигнуто в какой-то мере за счет отказа от домашнего уюта и нежностей».

Адыгскую древнюю систему воспитания можно сравнить со спартанским, особенно по части стремления превратить воспитанника прежде всего в первоклассного воина.

У адыгов воспитание состояло не только из различного рода физических упражнений, призванных развить силу и ловкость, но и обучали искусству самостоятельно добывать себе пищу. Это далеко не случайно.

У спартанцев до 8-летнего возраста мальчики жили в семье. Далее они отрывались от семьи и объединялись в группы-агелы, находившиеся в ведении высокопоставленных лиц. Помимо военно-гимнастической тренировки, мальчиков подвергали лишениям и поощряли их попытки достать себе пищу путем воровства.

«Я думаю, никто не сомневается в том, что Ликург (спартанский законодатель. — Р. Б.) разрешил воровать пищу не по причине недостатка продовольствия, — писал греческий историограф Ксенофонт, — ведь ясно, что готовящемуся к краже приходится ночью бодрствовать, а днем обманывать и подстерегать. Тот, кто намеревался что-либо украсть, должен также позаботиться о том, чтобы поставить дозорных. Отсюда ясно, что, воспитывая мальчиков

таким образом, Ликург стремился сделать их более ловкими и более воинственными. Могут спросить, почему, если Ликург одобрял воровство, он назначал попадавшемуся жестокою порку. Я считаю, что это он сделал потому, что при любом обучении люди наказывают того, кто плохо выполняет задание».

Конечно же спартанское и адыгское (эпохи средневековья) общества типологически разные— первое переживало рабовладельческий строй до н. э., а второе проходило стадию становления феодализма, но там и здесь мы находим сильные пережитки военной демократии, изжитые греками раньше и достаточно долго сохранившиеся у адыгов.

Нам бы хотелось возвратиться еще раз к вопросу об этнических терминах, употребляемых в письменных и других источниках для обозначения адыгов в разные исторические эпохи — кашки, керкеты, меоты, зихи, касоги, черкесы.

Принадлежность неоднократно упоминаемых в работах античного времени синдов, меотов, зихов и др. к адыгскому этническому массиву безусловна. Об этом уже говорилось. Предпринимались попытки связать этнонимы античного времени с наименованиями поздних адыгских племен. Например, наименование одного из самых многочисленных в прошлом племен «жанэ» Лавров и Волкова выводят из этнонима «саниги» — так называли греки одно из племен начала н. э., то есть попытка установить историческую и этническую преемственность древних санигов и поздних жанеевцев (к началу XIX в. жанеевцев почти не осталось, и это связано с физическим их истреблением Турцией и Крымского ханства, а также с этнической ассимиляцией — поглощением жанеевцев другими локальными группами адыгов). Все античные и византийские авторы до VI в. санигами называют два народа: один в районе Трапезунда, второй — около современных городов Пицунды и Сухуми, которых сближают с абхазо-адыгским этносом. Н. Г. Волкова анализирует адыгские этнонимы «хегак» и «хетуг». Первую часть названных терминов автор сопоставляет с адыгским словом хы(э) «море». По ее мнению, этому не противоречит и местонахождение адыгских обществ хегак и хетуг в прибрежной части Азовского и Черного морей. В сочинениях античных авторов (Скилак Кариандский — IV в. до н. э., Страбон — I в. до н. э., Плиний Секунд — I в. н. э. и др.) среди племен Северо-Западного Кавказа на пространстве между Горгиппией (Анапа) и

Питиунтом (Пицунда) обозначены «ахеи». Н. Г. Волкова усматривает в слове ахеи уже знакомое адыгское название моря «хы» с добавлением греческого окончания *oi*. Локализация античными авторами ахеев на берегу Черного моря может служить подтверждением этой мысли. По заключению автора, если термин «ахеи» связать с адыго-абхазскими языками, то появится еще один аргумент в пользу присутствия с IV в. до н. э. на восточном побережье Черного моря населения, говорившего на языках адыго-абхазско-абазинской группы народов.

В античную эпоху термин «меот» часто объединял всех предков адыгов. Под этим именем скрывалась древнеадыгская этническая группа и, возможно, политическое объединение. Письменные источники расселяют их на обширной территории.

Но этимология этнонима «меоты» неясна. До сего дня нет единства мнений в отношении интерпретации этого термина. Неубедительно выглядят все попытки объяснения его природы. В связи с этим нам тоже хочется высказать одно предположение по данному поводу.

Известно, что в Малой Азии во времена хаттов и хеттов были популярны различные боги плодородия, в первую очередь Телепин, напоминавший египетского Осириса; с ним связывались представления о смене времен года.

В хеттских религиозных легендах большое место отводится и культу великой богини — матери, образ которой связан с представлением о производительных силах природы. У хеттов была великая богиня — мать **Ма**, которая нередко называлась аккадским именем Иштар. Она изображалась или сидящей на троне и держащей в руках хищных животных, или идущей на их спине.

Установлено, что древние меото-синдские племена поклонялись богине, в культе которой соединялось древнее поклонение образам Матери-земли и малоазийской богини **Ма**, т. е. местный культ Матери-земли подвергся влиянию религии Малой Азии. О том, что культ малоазийской богини **Ма** был широко распространен на территории Синдики, свидетельствуют археологические материалы (это хорошо показала Ю. С. Крушкол в работе «Древняя Синдика»).

Известно, что древние греки (как и другие народы) имели традицию называть племена по их географическому положению, по роду занятий или по каким-то иным признакам.

Можно предположить, что греческие авторы именовали

предков адыгов, т. е. синдо-меотов, по названию главного религиозного культа — богини **Ма**, или же «маиты». В этом убеждает и тот факт, что в некоторых надписях на территории Боспорского государства племени Северо-Западного Кавказа обозначены именем «маиты», а не «меоты».

Термин «маит» членится на две части — «Ма» (название божества) + «ит». В адыгских языках наличествует аффикс **-и-**, показывающий принадлежность. Можно полагать, что звук **и** в рассматриваемом термине имеет значение принадлежности.

В этнических и других названиях абхазо-адыгов часто присутствует и общий для всех элемент **Т**. Абхазский язык сохранил более древние языковые элементы, нежели адыгские языки. В некоторых абхазских терминах суффикс **Т** является показателем множественного числа. Абхаз. ауи — «то», ауат — «те»; ари — «это», арат — «эти».

С элементом **Т** в абхазском языке есть и другие суффиксы. Например, при помощи суффикса «тэ» образуются слова, обозначающие принадлежность человека к той или иной местности. Например, Уатхарэ (селение), ауатхарэ — тэ — уатхарец и др.

Любое значение суффиксов с элементом **Т** из абхазского языка подходит к элементу **Т** в термине «маит».

Таким образом, этимология термина «маит» может выглядеть следующим образом: Ма (имя божества) + и — аффикс со значением принадлежности «ее» + Т (суффикс множественного числа или значение места).

Общность уклада жизни, культуры, нравов у древнеадыгских племен была столь велика, что греческие авторы не всегда могли провести точные территориальные и этнические границы между одной адыгской группой племен и другой. Отсюда и запутанность в этногеографии.

К тому же пребывание сарматов в Прикубанье и совместное их проживание с адыгами приводит к появлению иранских терминов в качестве обозначения части адыгских племен. Например, этноним «иксоматы» (Полиэн, «Стратегия»). Часть меотов могла состоять и из иранских племен. В литературе встречается, например, мнение о том, что дандарии — ираноязычные племена, на основании того, что сам термин объясняется из осетинского языка.

Уже говорилось о том, что древнейшие адыгские племена, предположительно локализуемые на Западном Кавказе и в прилегающих районах Малой Азии, в древних письменных источниках известны под именем «кашки».

Указывалось на возможную генетическую связь данного этнонима с названиями адыгов в эпоху раннего средневековья — косог, кашаг, кешаг; др.-арм. гашк, визант.-греч. Касахия как область в Прикубанье.

Это наиболее древнее наименование адыгов. Оно существовало в источниках, главным образом, до XIII в. В языках современных народов данный термин сохранился у осетин (кашкон, касгон), у сванов (кашаг). Употребляется это название и в грузинском языке.

Примерно с 40-х годов XIII столетия для обозначения адыгов в источниках (монгольских, арабских, западноевропейских и др.) начинает употребляться слово черкас (черкесы). Приводилось также мнение Н. Г. Волковой о возможном возникновении термина черкас в тюркоязычной среде и от них вошедшего в литературу всех времен и народов.

Западноевропейские авторы в своих сочинениях прямо указывают, что адыгов татары и турки называют черкесами (например, Джорджио Интериано).

По мнению Тебу де Мариньи, имя «черкас» татарское, и на этом языке означает «отрезающие путь». Рассматриваемый термин и сейчас употребляется некоторыми народами Северного Кавказа (особенно тюркоязычными) для обозначения всех адыгов: ногайское — шеркеш, карачаевское и балкарское — черкесли, чечено-ингушское — черси, черказо.

Очевидно, связь термина черкас с тюркскими языками исключать полностью не следует. Ведь народы часто входят в историю не под самоназванием, а так, как их именуют соседние народы. Например, предкам осетин были присвоены названия «овсы», «осы», «ясы» византийскими греками, грузинами, тогда как самоназвания у них «ирон», «дигор» (дыгорон). Ингуши называют себя «галгаи», а термин «ингуши» недавнего происхождения от названия сел. «Онгушт», или «Ангушт», ингушского селения на плоскости. Самоназвание более многочисленной группы вайнахов «нохчи», а этническое имя «чеченцы» они также получили от русских по названию крупного плоскостного аула Чечен. Самоназвание грузин «картвели», а свою страну называют «Сакартвело». Но, как пишет Н. Г. Волкова, на Кавказе и за его пределами более широкую известность получило персидско-тюркское название «гурдж», от которого образовалось адыгское курджи (каб. «куыр-жы»), осетинское гурзиаг и др. Таких примеров довольно много.

На протяжении веков адыгские этнические наименования менялись не раз, а самоназвание «адыги» («адыгэ») прочно осталось.

О природе данного термина идут споры, но наиболее приемлемо предположение Л. Лопатинского, который считал, что в основе самоназвания «адыгэ» лежит этноним древнего, античного времени «зихи» через промежуточную форму «а-дзыге».

И сейчас черкесы у абхазов известны под именем «азаху». Этот термин считается прототипом древнего этнонима «зихи».

Адыги вместе с абхазами — потомки древнейшего аборигенного населения кавказско-анатолийского региона, живой осколок существовавшего некогда на указанной территории более обширного культурного мира. Наряду с самобытной культурой, язык их (вместе с языками других кавказских автохтонов) не находит точек соприкосновения ни с одной языковой системой мира (за исключением того факта, что абхазо-адыгские языки имеют родственные связи с хаттским — мертвым Малой Азии и нахско-дагестанские генеалогически связаны с древними хуррито-урартскими языками). Это в исторически обозримом прошлом. Что же касается вопроса о том, на каких языках говорили предки абхазо-адыгов и хаттов в более древние исторические эпохи, то он крайне сложен. Но сейчас имеются основания полагать, что Западный Кавказ и Малая Азия в антропологическом и языковом отношении обращены к древнейшему средиземноморскому миру. Антропологи считают возможным отнести понтийский тип к более обширной древней средиземнобалканской расе людей. Понтийский тип представляет собою северную периферию обширного ареала: Малая Азия, Восточное Средиземноморье, Балканы.

Какая-то связь кавказцев с древнейшим средиземноморским миром заметна и по материалам лингвистики. Весьма интересны, например, результаты проведенного В. В. Ивановым, С. А. Старостиным и др. исследования сопоставления этрусского языка (древний народ, проживавший на Апеннинском полуострове) с северокавказскими языками.

В работе «Древневосточные связи этрусского языка» (Древний Восток — этнокультурные связи. М., 1988) В. В. Иванов приходит к выводу, что этрусский язык мог принадлежать к тому же ареалу северокавказских языков Древнего Востока, что и хуррито-урартский. По его мне-

нию, лингвистические материалы «подтверждают основательность античной традиции, выводившей этрусков из Малой Азии».

В третьей главе отмечалось, что проблема кавказских дольменов уже давно является предметом дискуссий. Участники дискуссии блистают глубиной анализа материалов. К сожалению, это не приблизило разрешение вопроса западнокавказских мегалитов. Слишком трудна проблема.

Можно было бы предположить процесс самозарождения мегалитической культуры на Кавказе. Но таким путем «феномен» кавказских дольменов объяснить невозможно. Предшествующее население Западного Кавказа дольменов не строило, и эта культура не имеет генетических корней среди древностей Причерноморья и Прикубанья. Поэтому естественней предположить привнесение идеи строительства дольменов на Кавказ путем миграции определенной части населения на Западный Кавказ (или путем культурного влияния), что и делает ряд исследователей. Л. И. Лавров, например, писал: «Появление дольменов на Северо-Западном Кавказе, очевидно, связано с развитием торгового и военного мореплавания у приморских народов в неолите и эпоху бронзы. Корабли всегда перевозили не только товары и людей, но и идеи. Нельзя предполагать, будто Кавказ был прародиной дольменов. Наоборот, существование их в Европе еще в неолите и отсутствие местных прототипов для этих памятников на Северо-Западном Кавказе говорят в пользу их пришлого характера. Но нельзя также думать, будто кавказские народы научились их строить от заезжих купцов или морских разбойников, приплывавших сюда из других стран. Для того чтобы построить первые дольмены, нужно было, чтобы кавказские мастера своими глазами видели подобные сооружения в других странах. Появление дольменов на Кавказе нельзя объяснить иначе, как следствие дальних морских экспедиций кавказских народов на рубеже неолита и раннеметаллической эпохи».

Археологи давно обратили внимание на то, что наиболее близкие черты западно-кавказских дольменов можно найти в древних постройках Средиземноморья. По мнению В. И. Марковина, мегалитические постройки, близкие кавказским (абхазо-адыгским), расположены вдоль морских течений, а они в Средиземном море идут от Гибралтара вдоль северного побережья и заворачивают в Черное море, омывая Кавказское побережье. И везде по ли-

нии течений имеются дольмены, схожие с кавказскими. Развивая свою точку зрения, В. И. Марковин выдвинул гипотезу, что «идея» дольменов без людей, видевших и строивших их, на Кавказ не могла проникнуть. Ее привнесли. Как отмечалось в третьей главе, абхазские дольмены особенно схожи с дольменными постройками на территории проживания современных басков.

Учитывая данный факт и языковые данные (В. И. Марковин считает, что язык басков, если сравнивать его с языками Кавказа, наиболее всего близок населению причерноморских районов), автор приходит к заключению, что пробаски, как и проадыги, вполне могли иметь контакты.

Адыгский исследователь А. Намиток в «Происхождении черкесов» заметил, что «язык басков — язык лигурийский» (лигуры — древние племена, проживавшие на Апеннинском полуострове. — Р. Б.). По мнению автора, совпадения между баскским и кавказскими языками покоятся на общей основе, а основа эта является лигурийской. «Меотов и синдов, — пишет А. Намиток, — можно рассматривать как принадлежащих к медо-пелагскому и лигуро-кельтскому началу... Но одно кажется установленным: все эти народы не имеют ничего общего с индоевропейским».

В заключение отметим, что вопрос о возможности найти в материалах археологии, лингвистики, этнографии указания на этническую связь (или хотя бы исторические контакты) древних кавказцев с миром Средиземноморья, весьма интересен и заслуживает всяческого внимания. Постановка такого вопроса нам представляется вполне научной, хотя, к сожалению, выдвинутые по этой проблеме гипотезы не имеют пока достаточной опоры.

* * *

На этом завершим небольшой рассказ об адыгах. Из всего изложенного должно быть видно, что исторический путь, пройденный адыгами, был сложным. Это было обусловлено некоторыми географическими факторами и различными этническими включениями, ставшими заметными в древности, но приобретшими особое значение в эпохи раннего железа и средневековья, во время перемещения больших масс ираноязычного и тюркоязычного населения, что привело к сложению не только адыгского этноса, но и всех народов Северного Кавказа. Но автохтоны сохранили свою этническую самостоятельность, особенности древней традиционной, самобытной культуры, несмотря на воздействие многочисленного, сильного, но исторически неустой-

чивого степного мира кочевников. Многие признаки коренной северокавказской культуры оказались чрезвычайно живучими и устойчивыми и пережили века, дойдя даже до современности. Это относится и к автохтонам, в силу обстоятельств перешедших к иранскому и тюркскому языкам.

Интересно вспомнить, что Г. В. Ф. Гегель, говоря о философской трактовке духа у разных народов, писал: «Только в кавказской расе дух приходит к абсолютному единству с самим собой, — только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывается из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю. Монголы, как уже было упомянуто, отличаются по своему характеру бурной деятельностью, стремящейся только к проявлению вовне, подобной наводнению, которая, однако, столь же быстро проходит, как и приходит, действует только разрушающе, но ничего не создает, не приводит ни к какому прогрессу всемирной истории. Прогресс осуществляется только благодаря кавказской расе»²⁴.

В заключение хотелось отметить, что наш рассказ, возможно, не в полной мере может удовлетворить любознательность некоторых читателей. Ведь на данном этапе нет возможности ответить на все вопросы. Читатель сможет оценить состояние источников, увидеть белые пятна, всю сложность поднятых проблем.

Автору данной работы хотелось сделать достоянием массового читателя ход исторического процесса становления адыгского этноса на протяжении примерно четырех тысячелетий, никоим образом при этом не претендуя на полноту изложения. Слишком обширна затронутая проблема, и в рамках небольшой книги не представляется возможным обстоятельное ее освещение. Читатель простит автора за поверхностное изложение тех или иных вопросов, если он был в отдельных местах не в меру краток, лаконичен.

Проблемы, связанные с этногенезом, не слишком легки для восприятия широкой публикой, и это понятно — многие не являются специалистами этнографами, археологами или просто историками.

Но нами учитывались уровень знаний, подготовка современного широкого читателя. Поэтому при написании работы был оставлен нарочито облегченный стиль изложения, свойственный обычно популярным изданиям, не стараясь

сводить серьезные вопросы этногенеза адыгов к изложению более или менее занимательных событий. Автор не побоялся освещать достаточно сложные вопросы в форме, требующей от читателя определенной подготовки, надеясь также, что любитель истории, заинтересовавшись проблемой, при надобности постарается пополнить свои знания, используя предложенный список научной литературы.

¹ Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // Древний Восток — этнокультурные связи. М., 1988. С. 164.

² Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.

³ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 176.

⁴ Там же. С. 168—170.

⁵ Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток — этнокультурные связи. М., 1988. С. 112.

⁶ Там же.

⁷ Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 5.

⁸ Шарафутдинова Э. С. Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи бронзы — начала раннего железа на Кубани // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 59.

⁹ Носкова Л. М., Кожухов С. П. Меотские погребения Ново-вочепийского могильника // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 130.

¹⁰ Аутлев П. У. К этногенезу адыгов // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989. С. 8.

¹¹ Там же.

¹² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 77—78.

¹³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 375.

¹⁴ Там же. С. 403.

¹⁵ Там же. С. 295.

¹⁶ Там же. С. 335—336.

¹⁷ Там же. С. 601.

¹⁸ Там же. С. 211.

¹⁹ Там же. С. 379.

²⁰ Там же. С. 265.

²¹ Там же. С. 161.

²² Там же. С. 443.

²³ Там же. С. 444.

²⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия духа. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 63.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС — Археологический сборник

ВДИ — Вестник древней истории

КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА — Материалы исследования по археологии СССР

СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгее

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
I. Источники этногенеза	11
II. Этнические процессы на Северном Кавказе в эпоху камня, бронзы и раннего железа	19
III. Ранний период этногенеза адыгов	29
VI. Формирование единой народности под главенством зихов. Политические и этнокультурные связи адыгов в эпоху раннего средневековья	80
V. Адыги в XIII — XV веках	99
Вместо заключения	119

Научно-популярное издание

Руслан Жамалдинович Бетрозов

АДЫГИ

Истоки этноса

Художник *Ю. М. Алиев*

Художественный редактор *В. Л. Захохов*

Технический редактор *К. Б. Жамбеева*

Корректор *Л. Т. Юркова*

ИБ № 2607

«Сдано в набор 19.01.90. Подписано к печати 29.05.90. Ч01024. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,45. Уч.-изд. л. 7,99. Тираж 5000 экз. Заказ № 818. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Госкомиздата КБАССР

Нальчик, пр. Ленина, 33

2 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС» · НАЛЬЧИК · 1990